

Эрик СИГГАЛ

ИСТОРИЯ ОЛИВЕРА

Annotation

Как жить, когда любовь осталась в прошлом, воспоминания о котором не отпускают? Оливер застрял между небом и землей. В заоблачной выси его ждет возлюбленная, а здесь, в этом мире, – холодная постель, пара банок пива и бесконечная вереница дел. Прошлое Оливера прекрасно, настоящее – беспросветно. Есть ли у него право на будущее? Да, – отвечает решительная и неотразимая Марси, женщина, с которой они познакомились случайно и с которой у него оказалось много общего. За ее плечами также остались разочарования и потери... Встреча двух одиноких людей – это шанс все изменить и начать создавать новую историю, историю Оливера. Но смогут ли они преодолеть боль и страх?

- [Эрик Сигал](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
-

Эрик Сигал

История Оливера

*Посвящается
Карен
Любовь
коснулась меня*

После смерти человек перестает жить, но с его смертью не погибают те чувства, которые испытывал к нему другой человек. Наоборот, эти чувства могут преследовать последнего вплоть до конца жизни.

*Роберт Андерсон
«Я никогда не пел
отцу»*

Erich Segal
Oliver's story
Copyright © 1977 by Erich Segal
© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014
© Электронная версия книги подготовлена
компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Июнь 1969 года

– Оливер, ты болен.

– Я... что?

– Ты серьезно болен.

Этот ужасающий диагноз прозвучал из уст человека, который вообще-то в медицину пришел довольно поздно. Настолько поздно, что до сегодняшнего дня я думал, что он работает пекарем. И звали его Филипп Кавильери. Когда-то я женился на его дочери. Потом она умерла, но перед смертью взяла с нас обещание присматривать друг за другом. Так что с тех пор я раз в месяц навещал его в Крэнстоне, и тогда мы ходили в боулинг или напивались, закусывая какими-нибудь экзотическими сортами пиццы. Ну, или он приезжал в Нью-Йорк, но и тогда времяпрепровождение проходило примерно по тому же сценарию.

Однако сегодня, вместо того, чтобы, сойдя с поезда, поприветствовать меня какой-нибудь избитой пошлой фразой, он ни с того ни с сего вскричал:

– Оливер, ты болен!

– Неужели, Филипп? И что же, согласно твоему профессиональному мнению, со мной, черт побери, не так?

– Ты до сих пор не женился!

Без лишних слов он повернулся и направился к выходу. Чемоданчик из кожзаменителя раскачивался в его руке.

Залитый лучами утреннего солнца, город из стали и стекла казался почти что дружелюбным. И мы решили прогуляться пару кварталов до моей халупы, которую я шутливо называл своей «холостяцкой квартиркой». На углу 47-й улицы и Парк-авеню Фил вдруг спросил:

– Ну, и как ты проводишь вечера?

– Насыщенно! – ответил я.

– Насыщенно, да? Что ж, это хорошо! С кем?

– С «Полночными всадниками».

– Это что, шпана какая или рок-группа?

– Не угадал. Группа юристов, подрабатывающих волонтерами в Гарлеме.

– И сколько раз в неделю? – нахмурился Филипп.

– Трижды, – сказал я.

Некоторое время мы шли молча. Но на углу 53-й улицы и Парк-авеню Фил снова нарушил тишину:

– Значит, остальные четыре вечера у тебя свободны.

– Ну, у меня много работы в офисе.

– Ах, да, конечно. Работу нужно выполнять. – Что-то Фил не очень сочувственно отнесся к моим откровениям по поводу ужасающей кучи навалившихся дел. Надо, пожалуй, указать на их важность.

– Я очень занят в Вашингтоне. Через месяц слушается дело по Первой поправке. Школьный учитель... – я не успел договорить, как он перебил:

– Да, конечно, учителей надо защищать!

А потом добавил, так, невзначай:

– А с бабами как в твоём Вашингтоне?

– Понятия не имею, – отмахнулся я и зашагал вперед.

На углу 61-й улицы и Парк-авеню Фил Кавильери остановился и заглянул мне в глаза.

– Оливер, черт тебя подери, когда ты собираешься снова запустить свой движок?!

– Не так уж много времени и прошло, – ответил я. А сам подумал: кто-то из великих философов сказал, что время лечит. Сказал бы он еще, сколько времени нужно, чтобы излечиться!

– Два года, – отреагировал Филипп Кавильери.

– Полтора, – поправил я.

– Ах, да... – ответил он, но хрипотца в голосе выдала, что он по-прежнему помнил тот холодный декабрьский день... полтора года назад.

До дома оставался всего квартал, за это время я попытался разрядить атмосферу, всю расхваливая квартиру, которую снял после его прошлого визита...

– Это и есть твоё жильё?

Фил оглядел квартиру. На лице его появилось столь искреннее удивление, и я даже забеспокоился: что может быть не так? Ведь в то утро я специально пригласил уборщицу, чтобы она навела в доме порядок.

– Как называется этот стиль? – поинтересовался Фил. – Собачья будка-модерн?

– Ну, – замялся я, – потребности у меня довольно скромные...

– Вот что я тебе скажу, Оливер. Крысы у нас в Крэнстоне живут как раз в таких условиях. А некоторые и лучше. И все эти дурацкие книги... Зачем они тебе?

– Это правовая литература, Фил.

– Ага, конечно, – ответил он. – А чтобы развлечься, ты гладишь их корешки, да?

Думаю, вот это уже можно расценивать как вторжение в частную жизнь!

– Слушай, Филипп, это мое дело, чем я занимаюсь, когда остаюсь один!

– Да кто же спорит? Только вот сегодня ты не один. Сегодня вечером ты и я выходим в люди!

– Куда?

– Знаешь, я не для того купил этот модный пиджак – который ты, кстати, даже не похвалил! – чтобы пойти посмотреть какой-то дурацкий фильм. И уж тем более заплатил деньги за новую стрижку не для того, чтобы понравиться тебе! Вот что, сегодня мы будем кутить и гулять. И заведем новые знакомства!

– Какие еще знакомства? – прервал я поток изъятий Фила.

– Как какие? Романтические, конечно же. Так что давай, наряжайся!

– Я и так регулярно хожу в кино, – попытался я возразить.

– Ага, конечно. Слушай, я, конечно, понимаю, что ты собрался получить Нобелевскую премию за свое страдание, но до такого я тебе дойти не дам! Слышишь меня? Не дам!

Казалось, что он вот-вот начнет метать молнии.

– Оливер, сын мой, – превратился Филипп Кавильери в преподобного отца Филиппа. – Я здесь, чтобы спасти твою душу и задницу. Внемли же моим словам. Ты внимаешь?

– Да, отец Филипп. Что же мне надлежит делать? – поддался я.

– Жениться, Оливер.

Мы похоронили Дженни ранним декабрьским утром. Очень повезло со временем, потому что к полудню циклон из Новой Англии принес с собой столько снега, что город превратился в огромного снеговика.

Родители поинтересовались, не хочу ли я вернуться в Бостон поездом вместе с ними. Я вежливо отклонил предложение, сославшись на то, что не могу оставить Филадельфию одного. На самом деле ситуация была диаметрально противоположной: я, никогда в жизни никого не терявший, теперь собирался учиться у него, каково это – скорбеть.

– Не пропадай, пожалуйста, – попросил отец.

– Хорошо, – ответил я, пожав его руку и поцеловав маму в щеку. И поезд унес их на север.

Первое время в доме Кавильери кипела жизнь – родственники не хотели оставлять нас с Филом одних. Но постепенно все разъехались – дома их ждали семьи. Уезжая, каждый из них взял с Филадельфии обещание, что тот займется булочной и окунется в работу – это был единственный выход. Он неизменно отвечал на эти слова кивком головы, выразившим неопределенное «да».

И вот мы остались совершенно одни, только Фил и я. Нам даже не нужно было ходить за продуктами: уехавшие родственники снабдили нас месячным запасом провизии.

Теперь, когда не было всяких кузин и тетей, которые как-то отвлекали меня от тягостных мыслей, инъекция новокаина, с которой я отождествлял церемонию похорон, переставала действовать. Вот глупый: а я до этого воображал, что уже испытываю боль, хотя на самом деле это было просто какое-то отупение. Самая жуткая пустота только теперь начинала подкатывать к горлу.

– Слушай, тебе нужно возвращаться в Нью-Йорк, – сказал Фил. Сказал так, словно сам был не очень в этом уверен. Я воздержался от комментариев по поводу того, что сам он наверняка не сразу сможет вернуться к работе. Вместо этого произнес лишь:

– Не могу. У меня еще запланирована новогодняя вечеринка в Крэнстоне.

- С кем это? – спросил он.
- С тобой! – ответил я.
- О да, будет жутко весело, – заверил Фил. – Только пообещай мне, что наутро после Нового года сядешь в поезд и поедешь домой.
- О'кей, – согласился я.
- О'кей, – ответил он.

Каждый вечер звонили родители.

– Что вы, миссис Барретт, не беспокойтесь... – мямлил в трубку Фил. Судя по всему, мама интересовалась, могут ли они нам чем-то... помочь.

– Нет, папа, все в порядке, – отвечал я в свою очередь. – Но все равно спасибо.

Фил показал мне те самые секретные фотографии, альбом с которыми Дженни когда-то строго-настрого запретила ему доставать с полки.

– *Черт возьми, Фил, не хочу, чтобы Оливер видел меня в брекетах!*

– *Но Дженни, ты же здесь такая милая!*

– *Сейчас я лучше, – в своем репертуаре ответила Дженнифер. А потом добавила: – И никаких детских фото, Фил!*

– *Ну а это-то с чего вдруг?*

– *Не хочу, чтобы Оливер видел меня толстой.*

Эта нелепая беседа меня страшно забавляла: к тому моменту мы уже были женаты, и вряд ли фото Дженни в брекетах могли бы стать достойным аргументом в пользу того, чтобы развестись.

– И ты что, пойдешь у нее на поводу? – бросил я Филу, подливая масла в огонь.

– А то, – ухмыльнулся тот и молча положил альбом на место.

А сегодня мы сидели и рассматривали эти снимки. Их было невероятно много.

Среди наиболее старых мне запомнились фотографии Терезы Кавильери, погибшей супруги Фила.

– Дженни очень на нее похожа, – заметил я.

– Да, она была такая красивая, – вздохнул он.

Где-то между совсем детскими фотографиями Дженни, до того, как она надела брекететы, фото Терезы попадаться перестали.

– Я должен был заставить ее остаться дома в тот вечер, – сказал Фил, словно та злосчастная авария произошла только вчера.

– Как тебе удалось с этим справиться? – спросил я. – Как ты сумел все это вынести?

Конечно, этот вопрос я задал из эгоистической надежды, что сейчас услышу рецепт, который немедленно поможет и мне.

– А кто сказал, что я справился? – ответил Фил. – Но у меня ведь была дочь...

– О которой надо было заботиться...

– Которой пришлось заботиться обо мне... – поправил он меня.

И он поведал мне все... Как Дженни приложила все усилия, чтобы помочь ему и облегчить боль. Как ему пришлось позволить ей научиться готовить самостоятельно. И как, что еще страшнее, ему пришлось есть ее первые кулинарные изыскания, приготовленные по рецептам из буклетов. А еще как Дженни настояла на том, что Филу не стоит пропускать походы с друзьями в боулинг по средам. В общем, как Дженни сделала все, чтобы он был счастлив.

– Тогда почему ты так и не женился снова, Фил? – спросил я.

– Что? – не понял Фил.

– Из-за Дженни?

– Господи, да нет, конечно! Наоборот, она меня просто изводила настойчивыми просьбами жениться. Даже сватать пробовала.

– Дженни?

– Да она пыталась сбыть меня каждой подходящей американке итальянского происхождения от Крэнстона до Потакета.

– И что, среди них были одни старые девы? Никого достойного? – поинтересовался я.

– Почему? Некоторые были вполне ничего, – удивил он меня. – Например, ее учительница английского, мисс Ринальди...

– Правда?

– О да, она была очень даже ничего. Мы встречались довольно долго. Сейчас она замужем. Трое детей.

– Ты просто не был готов, Фил, да?

Он посмотрел на меня и покачал головой:

– Эх, Оливер... Даже если и так, очень самонадеянно с моей стороны было бы рассчитывать, что Всевышний даст мне второй раз то, чего у многих не было вовсе.

И он отвернулся, судя по всему, жалея, что сказал правду...

...На Новый год Фил буквально запихнул меня в поезд и отправил домой.

– Ты обещал, что вернешься к работе! – напомнил он мне на перроне.

– Ты тоже, – парировал я.

– Поверь мне, Оливер, это на самом деле помогает! – крикнул мне Фил на прощание. И поезд тронулся.

...Фил был совершенно прав. Погрузившись с головой в проблемы других людей, я смог, наконец, выплеснуть все свое негодование – мне казалось, что где-то там, в небесной канцелярии, меня просто-таки подставили.

И вот теперь я собирался восстановить справедливость. Поэтому стал уделять больше всего внимания делам о судебных ошибках. И боже мой, сколько же сорняков я обнаружил в этом прекрасном саду!

Первое время мне очень помогало дело «Миранда против штата Аризона» (384 U.S. 436) – я оказался буквально по уши в работе. Дело в том, что Верховный суд давно уже признал право потерпевшего хранить молчание, пока ему не предоставят адвоката. И я просто озверел от количества народу, которые бездумно прошляпили такую возможность и из-за этого загремели в тюрьму.

В числе этих остолопов был и Ли Рой Сиджер. К моменту, как я получил его дело, парень был по уши в дерьме: его упекли в тюрьму на основании собственноручно подписанного признания, которое полицейские умело (хотя и законными методами – не придраться!) вытрясли из него, утомив парня длительным допросом. К тому времени, когда он подписывал бумагу, в его голове, видимо, была лишь одна мысль – наконец ему дадут поспать.

Мы потребовали пересмотра его дела – прецедент «Миранды» нам в помощь. Процесс стал одним из самых крупных за всю историю Нью-Йорка. Конечно, мы вышли победителями!

– Спасибо, мужик, – поблагодарил меня Ли Рой и принялся целовать плачущую от счастья жену.

– Не за что, – ответил я, вставая с места. Разделить его счастье у меня не получалось – у Ли Роя Сиджера, в отличие от меня, хотя бы была жена. Мир был полон тех, кого мы, юристы, между собой называли «чокнутыми». Такими, как Сэнди Уэббер. Этот юнец уже длительное время сражался с призывной комиссией. И процесс, похоже, затягивался. Дело в том, что Сэнди не мог предоставить никаких доказательств того, что именно «глубокая и искренняя вера», а не обыкновенная трусость мешают ему служить в армии. Квакером он не был и, несмотря на весь риск, уезжать в Канаду не хотел. Чего он хотел, так это чтобы суд признал его право жить по своим убеждениям. Сэнди был хорошо воспитан и встречался с девушкой, которая чертовски за него боялась: один из их знакомых уже мотал срок в Льюисбурге, и она вдоволь наслушалась рассказов обо всех ужасах заключения. «Давай уедем в Монреаль!» – умоляла она. Но Сэнди был непреклонен: «Нет. Я останусь и буду драться!»

Мы дрались. И проиграли. Потом подали апелляцию. И выиграли. Счастливчик Сэнди получил право отбывать врачебную практику в госпитале вместо службы в армии.

– Вы их сделали! – Он и его девушка поочередно душили меня в объятиях.

– Продолжайте в том же духе, – сказал я и двинулся на битву с очередным драконом. Случайно обернувшись, я увидел, как они танцуют от счастья прямо посреди улицы. Эх, а я ведь не мог даже просто улыбнуться...

Да, я был очень зол на весь мир. Работал допоздна – насколько было возможно. Офис покидать не хотелось, ведь дома все в той или иной степени напоминало о Дженни: пианино, ее книги, мебель, которую мы покупали вместе. Да, время от времени появлялась мысль, что неплохо было бы переехать. Но я возвращался домой настолько поздно, что в переезде не было особого смысла. Постепенно я привык ужинать в одиночку в тишине кухни, а бессонными ночами слушать пластинки. Только в кресло Дженни не садился никогда. Мне даже почти удалось заставить себя ложиться спать в нашу такую пустую кровать.

Так что я почти перестал думать о том, чтобы переехать.

Пока не открыл дверь.

Дверь шкафа Дженни, который я упорно обходил в течение долгого времени. И с какой-то дури все же открыл дверцу! Там были ее вещи. Платья, юбки, шарфы. Ее свитера – даже заношенный до дыр школьный свитер, который она наотрез отказывалась выкинуть и носила дома.

Все это здесь – а Дженни нет. Я так никогда и не вспомнил, какие мысли пронеслись в моей голове, когда смотрел на эти шелковые и шерстяные воспоминания. Наверное, думал, что, если дотронусь до этого древнего свитера, смогу почувствовать частичку живой Дженни.

Я закрыл шкаф и больше никогда его не открывал.

А через две недели приехал Фил, тихо упаковал все и увез. Кажется, он отдал их какой-то католической организации, помогающей бедным. Перед тем как сесть в свой грузовичок, он сказал:

– Я к тебе больше не приеду, пока ты не сменишь жилье.

Смешно, но уже через неделю после этого я нашел новую квартирку. Так как в Нью-Йорке окна первого этажа забирают стальными решетками, мое новое жилище напоминало тюремную камеру, которая располагалась на нижнем этаже обители какого-то богатого продюсера. Роскошная, украшенная золотом дверь его квартиры находилась этажом выше, так что меня миновали толпы народу, стекавшиеся со всего города на его безумные оргии. Кроме того, отсюда было ближе до офиса и всего полквартала до Центрального парка. Определенно, все указывало на быстрое и неминуемое исцеление.

...Но, несмотря на новую обстановку с новыми обоями и новой кроватью и несмотря на друзей, которые теперь чаще говорили: «Ты выглядишь намного лучше!», одну вещь я все же сохранил в память о Дженни.

В нижнем ящике письменного стола хранились ее очки. Обе пары ее очков. Они напоминали мне о любимых глазах, которые смотрели на меня. И видели насквозь.

Но в остальном, что подтверждали наблюдения друзей, я выглядел просто великолепно.

– Привет, я Фил. Я пеку булочки.

Это было подано так, словно булки для него хобби, а не способ заработать на жизнь.

– Привет, Фил, я Джейн. У тебя симпатичный приятель, – заявила девушка за столиком.

– Про твою подружку могу сказать то же, – произнес Фил таким светским тоном, как будто всю жизнь только и занимался, что подобными пустыми беседами.

Этот праздник красноречия проходил в «Измюминке Максвела», вполне себе уютном баре для холостяков, на углу 64-й и 1-й. На самом деле он назывался «Виноградинкой Максвела», но мой закоренелый цинизм быстро засушил плоды чужого оптимизма. Короче, я с первого взгляда невлюбил это заведение и всех этих самодовольных красавчиков с их идиотской счастливой болтовней. И неважно, будь они хоть миллионерами, хоть литературными критиками. А хоть и настоящими холостяками.

– Мой друг Оливер, – представил меня Фил.

– Привет, симпатяга Ол, – сказала Джейн. – Ты тоже любишь булочки?

Кажется, она модель. Такой тип девушек глянцевого журналы называют обладательницами классической красоты. Хотя по мне она больше смахивала на жирафу. И конечно, у нее непременно обнаружилась подружка по имени Марджори, толстушка под стать Винни-Пуху. Которая хихикала, как придурочная, пока ее представляли.

– Ты часто бываешь здесь? – поинтересовалась классическая жирафа.

– Никогда, – отрезал я.

– А, все так говорят: «Мы в Нью-Йорке только на выходные, а вообще я приехал из пригорода», – отмахнулась Джейн.

– Какое совпадение, – восторженно произнес Фил, – я тоже из пригорода.

– А ты? – спросила Джейн.

– А я поесть пришел, – буркнул я.

– Ну надо же! – отреагировала Джейн.

– Он хотел сказать, – вмешался коллега Фил, – что мы хотели бы пригласить вас обеих на ужин.

– Круто! – восхитилась Джейн.

Наш совместный ужин прошел в квартале от «Виноградинки». Мы расположились в заведении под названием «Грудинка Флоры».

– Очень даже, – сказала Джейн.

Я бы добавил: «Очень даже недешево». Фил-таки отобрал у меня счет (впрочем, шок от увиденного ему спрятать так и не удалось). И недрогнувшей рукой протянул кредитку. Наверное, много ему пришлось напечь булок, чтобы расплатиться...

– Ты такой богатый? – удивленно хихикнула Марджори.

– Скажем так, состоятельный, – сообщил герцог Крэнстонский. И добавил: – Но зато мой зять гораздо более образован.

За столом стало тихо. По-моему, мы влипли.

– Зять? – протянула Джейн, – Так вы оба, значит?...

Ее костлявый палец с длинным ногтем прочертил несколько вопросительных кругов.

– ...Ну вы даете! Где же ваши жены? – наконец выдавила она.

– Ну-у... Они... – повисла пауза, пока Фил судорожно пытался что-нибудь сочинить.

– Уехали за город, – попытался я спасти положение.

Пауза повисла снова – теперь Джейн переваривала информацию.

– Вот тебе раз! – наконец выдала она.

Фил сделал вид, будто обнаружил что-то невероятно интересное в фотообоях на стене. А я... Меня происходящее начинало бесить.

– Девочки, – сказал я, – я пойду.

– Что такое? – спросила Джейн.

– А то пропущу порнушку, – быстро выпалил я и рванул к выходу.

– Вот чудик! – возглас Джейн настиг меня уже в дверях. – Он что, ходит на порнофильмы в одиночку?

– Да нет, я порнуху не смотрю, – сказал я на весь зал. – Я в ней снимаюсь.

Фил догнал меня через пару секунд, когда я был уже на улице.

– Слушай, друг, у тебя ведь почти получилось!

– У нас, а не у меня.

– Что ж ты ушел-то?

– Да я там с ними чуть со смеху не помер.

Некоторое время мы шли молча.

– Послушай, – наконец сказал Фил, – все-таки это был один из способов вернуться к нормальной жизни.

– В таком случае должны быть способы и получше.

– Например?

– Не знаю. Может, дать объявление в газету? – съязвил я.

Фил снова замолчал на пару секунд. А потом торжественно произнес:

– Ты, вообще-то, уже...

– Что? – Я остановился и недоуменно посмотрел на него. – Что это я уже?

– Помнишь, то книжное обозрение, его еще Дженни любила читать? Так я дал туда объявление. Да ты не волнуйся. Все строго конфиденциально, на высоком уровне и со вкусом.

– Ох... А можно точно – в чем его суть? – чувствуя, что мне предстоит очередная авантюра, закатил я глаза.

– Нью-йоркский адвокат, занимающийся спортом и антропологией... – начал Фил.

– Откуда, ко всем чертям, ты взял эту антропологию? – перебил его я.

Он пожал плечами:

– Ну, мне казалось, это звучит интеллектуально.

– Прекрасно. Жажду прочитать ответы, – с каменным лицом заявил я.

– Вот. – Он вынул из кармана три конверта.

– Что пишут? – поинтересовался я.

– Я не читаю чужих писем, – отрезал Филипп Кавильери, непоколебимо отстаивающий право на частную жизнь.

Луч оранжевого света уличного фонаря, удивление и беспокойство в душе. Ну, и Фил, зависший за плечом. Вот в такой обстановке я вскрыл первый конверт...

И чуть не выругался вслух. Успешно притворявшийся, что не читает, Фил поперхнулся:

– Мать честная!

Та, что отправила письмо, на самом деле разбиралась в антропологии. Но вот ритуалы, к которым она ссылалась, были уж

настолько разнузданными, что Фил даже покраснел.

– Наверное, шутка, – сдавленно пробормотал он.

– Ага. Над тобой, – хихикнул я.

– Ну не может же она быть настолько сумасшедшей, Оливер? – изумился Фил.

– Добро пожаловать в прекрасный новый мир, – улыбнулся я, чтобы как-то скрыть смущение. И отправил остальные конверты в урну, не распечатывая. Несколько кварталов мы прошли в угрюмом молчании.

– Слушай, мне так неловко, – наконец сказал Фил. – Я и правда не знал...

И тут я положил руку ему на плечо и расхохотался. Через пару секунд мы хохотали уже на пару.

Мы шли домой – теплым нью-йоркским вечером. Вдвоем.

Потому что наши жены... уехали за город.

Бег помогает.

Очищает мысли. Снимает напряжение. К тому же, никто не будет смотреть на тебя косо, если ты бегаешь в одиночку. Так что я нахожу время побегать, даже если работаю над важным делом и провожу дни напролет в суде. Даже если консультирую в Вашингтоне.

Когда-то я играл в сквош. Но для этого требовались совсем другие навыки. К примеру, хорошо подвешенный язык – чтобы выдать какую-нибудь фразочку типа: «Отличный удар» или «Как ты думаешь, уроем мы Йель в этом году?». Теперь же я совершенно забыл о красноречии. Вместо этого я бегал. Занятия бегом в Центральном парке – лучшее времяпрепровождение: ни одна живая душа вас не достанет.

– Эй, Оливер, сукин ты сын!

Мне показалось, что кто-то назвал мое имя. Галлюцинация. Ну не может никто меня звать в этом парке.

– Слышь ты, чертов гарвардский сноб!

Хотя наверняка не я один подходил под это определение, каким-то образом я понял, что обращаются именно ко мне. Обернувшись, я увидел Стивена Симпсона, своего соседа по общежитию (Гарвард, выпуск 1964 года), обгоняющего меня на своем мотоцикле.

– Барретт, что это с тобой? – проорал он вместо приветствия.

– А с чего ты решил, Симпсон, что со мной что-то не так? – ответил я. Надо сказать, не менее «дружелюбно».

– Ну, во-первых, я теперь дипломированный врач. Во-вторых, считаю себя твоим другом. И в-третьих, ты не ответил ни на одно из моих сообщений на автоответчике! – гневно заявил он.

– Мне казалось, что у медиков никогда нет времени, – попытался я оправдаться.

– Черт побери, Барретт, я, конечно, человек занятой. Но как-то ж я нашел время жениться на Гвен! Я тебе звонил, даже телеграмму посылал в твой офис, а ты так и не появился. – Симпсон был полон негодования.

– Извини, Стив, я так и не получил твоего приглашения, – нагло соврал я.

– Да? Каким же образом двумя неделями позже ты прислал свадебный подарок? – О боже, этому человеку точно надо было идти в юристы! Ну как он не понимает: больше всего на свете в данный момент я хочу, чтобы меня оставили в покое!

– Мне стыдно, Стив, – ответил я, от души надеясь, что теперь он укатит восвояси.

– Ни хрена тебе не стыдно! – раздосадованно проорал Стив.

– Спасибо. Привет от меня Гвен, – тихо ответил я. Но Симпсон не исчезал.

– Послушай. Почему, не знаю, но Гвен хочет тебя видеть, – сказал он.

– Чистейший мазохизм. Она была у доктора? – забеспокоился я.

– Этим доктором был я. И сказал, что у нее крыша поехала. Но раз уж в театр нам пойти не по карману, самый экономичный способ развлечься – пригласить тебя в гости. Как насчет вечера пятницы?

– Я занят, Симпсон, – отрезал я.

– Конечно, суд же всегда работает по ночам. В любом случае, к восьми мы тебя ждем, – бросил Симпсон. Обернулся лишь раз. И повторил, видимо, для тупых: – Жду тебя в пятницу, в восемь. Адрес ты знаешь, так что извинения не принимаются.

– Забудь, Стив. Меня не будет! – выкрикнул я, но он притворился, что не услышал. Вот же самоуверенный тип – взять и просто поставить меня перед фактом.

...Парень в магазине «Шерри-Леманн»^[1] уверял, что для «Шато Линч-Баж» пятилетней выдержки цена просто смешная. Вот я и прихватил две бутылки. Даже если доведу Симпсонов до слез, у них, по крайней мере, будет повод выпить прекрасного вина.

Надо сказать, радость от встречи Гвен и Стивен изобразили весьма натурально:

– Оливер, ты совершенно не изменился!

– Ты тоже, Гвен, – скромно ответил я.

Постеры на стенах тоже ничуть не изменились. Энди Уорхол со своим поп-артом... «Этот коллаж из суповых банок бесил меня все мое детство! В моей квартире этой гадости не будет никогда!» – пообещала Дженни несколько лет назад, когда мы впервые побывали у них.

Мы расселись на полу. Из динамиков по углам Саймон и Гарфанкел^[2] вкрадчиво интересовались, едем ли мы на ярмарку в Скарборо. Стивен открыл бутылку белого вина. Я грыз уже непонятно какой по счету соленый крекер, а беседа тем временем перешла в русло метафизики: какой кошмар – быть ординатором, как нечасто Гвен и Стиву удастся провести такой тихий вечер. И конечно, каковы шансы Гарварда урыть Йель в этом году. Вид спорта при этом не уточнялся. С тем же успехом Гвен могла интересоваться, сумеет ли Инь урыть Ян. Ладно, я чересчур придирчив: все-таки ребята стараются помочь мне расслабиться, и им это удается даже лучше, чем можно было подумать.

Потом в дверь позвонили, и я аж подпрыгнул от неожиданности:

– Это еще кто?

– Расслабься, – ответил Стив, – это гости.

Уже по тому, как звонили, я понял, что дело тут нечисто.

– Какие еще *гости*?

– Ну-у, точнее, всего одна гостья, – поправила Гвен.

– То есть *одинокая* гостья? – черт возьми, меня загнали в угол!

– Так получилось, – безмятежно отозвался Стив и пошел открывать.

Проклятье! Вот как раз из-за этого терпеть не могу ходить в гости. Не выношу друзей, которые пытаются «помочь». Уже понятно, что это очередная соседка по комнате, старшая сестра или разведенная одноклассница. Короче, очередная засада!

Разозлившись, я собирался высказаться по полной, но, вовремя вспомнив, что в помещении женщины, ограничился коротким «Вот дерьмо!».

– Оливер, она очень хорошая... – попыталась исправить впечатление Гвен.

– Извини, Гвен. Я знаю, что вы хотели как лучше, но... – не успел начать я, как Стив вернулся с жертвенным агнцем вечера.

Первым, что я увидел, были очки в тонкой оправе.

Потом белый жакет, который она как раз снимала.

Симпсон представил Джоанну Стайн, ординатора по педиатрии, свою однокурсницу, с которой они теперь работали в одной больнице.

Я даже не смог сначала разобрать, симпатичная она или нет. Кто-то предложил присесть и выпить, что мы и сделали.

Потом мы много говорили.

Постепенно я обратил внимание, что Джоанна Стайн является обладательницей не только круглых очков в тонкой оправе, но и довольно приятного тембра голоса. А мысли, излагаемые этим голосом, принадлежали человеку доброму и чуткому. Я порадовался, что в них нет упоминания моего «дела», и решил, что пока Симпсоны снимают только ее «показания».

– Жизнь – дерьмо, – подвел итог Стив Симпсон.

– За это надо выпить, – сказал я. И только тут понял, что они с Гвен просто сочувствовали Джоанне, обсуждая, как трудно быть ординатором.

– А как ты снимаешь стресс, Джо? – поинтересовался я. Черт, надеюсь, она не решит, что это намек.

– Иду в постель.

– ?

– Не могу ничего с собой поделаться. Прихожу домой, падаю на диван и засыпаю часов на двадцать.

– Ох...

Опять пауза. Ну, кто примет мяч? Мы сидели молча целую вечность, пока Гвен Симпсон не позвала всех к столу.

Гвен, конечно, прекрасный человек, но, честно говоря, о ее кулинарных талантах нельзя сказать того же: она из тех, кто может перекипятить даже воду в чайнике. Этот ужин не стал исключением. Я бы даже рискнул предположить, что в тот день Гвен превзошла саму себя.

Но я не отказывался ни от одного блюда – лишь бы не говорить. В конце концов, вокруг были целых два врача – на случай, если бы моему желудку понадобилась экстренная помощь.

Ужин продолжался. Мы наелись так, что даже не смогли, поверите ли, добить пирог, запеченный до угольного хруста. И тут Джоанна Стайн обратилась ко мне:

– Оливер?

Благодаря опыту перекрестных допросов я среагировал мгновенно:

– Да?

– Ты любишь оперу?

Черт, вопрос с подвохом, подумал я, одновременно пытаюсь понять, какой ответ она от меня хочет услышать. Предпочитает поговорить об операх типа «Богемы» или «Травиаты», где героиня в конце умирает? Собралась устроить мне катарсис? Да нет, не может же она быть настолько бестактной. Но, в любом случае, аудитория затихла в ожидании моего ответа.

– Не имею ничего против оперы. Не люблю только итальянскую, французскую или немецкую, – ответил я. По-моему, других видов оперы не существовало?

– Отлично, – сказала Джоанна. Может, она имеет в виду какую-нибудь китайскую?

– Во вторник вечером Мерритт поет в опере Перселла.

Вот черт, а про английскую-то я и забыл! Все, похоже, судьба мне идти с Джоанной на какую-то идиотскую оперу британского композитора!

– Шейла Мерритт – лучшее сопрано года, – подключился Стив, разом обеспечив сопернику двукратное численное превосходство.

– И поет она в «Дидоне и Энее», – добавила Гвен, сделав перевес трехкратным. (Кстати, Дидона – еще одна девушка, которая погибла из-за эгоизма того сукиного сына, в которого влюбилась!)

– Звучит великолепно, – капитулировал я, про себя проклиная Стива и Гвен. А больше всего «Шато Линч-Баж», которое помешало мне честно сказать о своем отношении к любой музыке с самого начала.

– О, это отлично, – обрадовалась Джоанна, – у меня как раз два билета...

Ой, надо же, я прямо не ожидал такого развития событий!

– ...но мы со Стивом оба на дежурстве в этот день, и я подумала, что вы с Гвен могли бы пойти вместо нас.

– Гвен обожает оперу, Оливер, – сказал Стив, намекая, что его жена заслужила передышку.

– Да, прекрасно, – вяло отреагировал я, но тут вспомнил о правилах приличия и добавил: – Огромное спасибо!

– Я рада, что вы с Гвен сможете пойти, – ответила Джоанна. – И передайте, пожалуйста, моим родителям, что со мной все в порядке.

Какого черта? Я внутренне сжался, представив себе перспективу просидеть несколько часов рядом с агрессивной («Вам, значит,

нравится моя дочь, молодой человек?») матерью Джоанны Стайн.

– Они в струнных, – сказала Джоанна и заторопилась домой. Стив вышел проводить ее.

Я остался наедине с Гвен, и меня охватила жуткая злость – какого хрена я так глупо себя вел? Но уже ничего не исправишь, и, чтобы наказать себя, я попытался съесть те угли, в которые Гвен превратила пирог.

– Где, черт побери, находятся эти «струнные»? – поинтересовался я.

– Обычно к востоку от духовых. Мать Джоанны – альтистка, а отец скрипач Нью-Йоркской оперы, – ответила Гвен.

– А-а... – протянул я и откусил еще кусок пирога – так мне и надо, остолопу!

Повисла пауза.

– Ну и как, разве это больно – познакомиться с Джо? – наконец нарушила молчание Гвен.

Я посмотрел на нее. И ответил:

– Да.

Когда я опущусь...

Так начиналась песня, бывшая абсолютным хитом 1689 года. Проблема с английской оперой в том, что разобрать слова иногда все же получается.

Когда я опущусь
В земли холодной твердь,
Ты позабудь мои грехи
И не тревожься впредь...

Дидона, царица Карфагенская, собиралась покончить с собой и жаждала поведать об этом миру в форме арии. Музыка, надо сказать, была совершенно изумительной. Настолько же, насколько древним был текст. Шейла Мерритт спела его великолепно и справедливо заслужила все аплодисменты.

И вот она умерла окончательно, танцующие купидоны разбросали розы, и занавес опустился.

– Мне очень понравилось, Гвен, – сказал я, вставая.

– Пойдем, поблагодарим наших благодетелей, – ответила она.

Продираясь через толпу ринувшихся к выходу зрителей, мы спустились к оркестру.

– А где же Стивен? – спросил мистер Стайн, убирая скрипку в футляр. У него были длинные с проседью волосы, судя по всему, никогда не знавшие расчески.

– На дежурстве с Джоанной, – ответила Гвен. – Это Оливер, из ее друзей (определенно, ей не стоило представлять положение подобным образом).

Подошла и миссис Стайн со своим альтом. Невысокая и довольно полная, она все же казалась весьма привлекательной, благодаря своей бьющей через край энергии.

– Вы уже собрали свиту, ваша светлость? – подтрунивала она над мужем.

– Как всегда, дорогая. С Гвен вы знакомы. А это Оливер, приятель Джо.

– Очень приятно. Как вам наша дочь?

– Прекрасно, – опередил меня мистер Стайн.

– Я ведь спрашивала не тебя, Стайн, не так ли?

– Джо прекрасна, – сказал я, не слишком попадая в общий шутливый тон, – и большое вам спасибо за билеты.

– Вам правда понравилось? – продолжала допрос миссис Стайн.

– Разумеется. Это было потрясающе! – сказал мистер Стайн.

– Я, кажется, не тебя спрашивала, милый? – заметила его жена.

– Я отвечаю за него, потому как я профессионал. Могу добавить, что Мерритт была несравненна. – И уже обращаясь ко мне: – Старик Перселл бесподобен, не правда ли? Финал ему удался особенно – все эти великолепные хроматические переходы в нисходящем тетракорде!

– Вероятно, он не обратил внимания, дорогой, – одернула его миссис Стайн.

– Должен был. В арии Дидоны они встречаются целых четыре раза! – возразил ее муж.

– Простите его, Оливер, – обратилась ко мне миссис Стайн, – он теряет голову, только когда речь заходит о музыке.

– А разве что-то еще важно, кроме музыки? – возразил мистер Стайн и добавил: – Кстати, все присутствующие приглашаются в воскресенье к нам домой. Ждем вас в полшестого. Вот где можно услышать настоящую игру!

– Боюсь, у нас со Стивом не получится, – сказала Гвен, наконец подключившись к разговору, – у его родителей годовщина свадьбы.

– О'кей, – заключил мистер Стайн, – тогда Оливер...

– У него могут быть свои планы, – пришла мне на помощь миссис Стайн.

– Зачем ты все время решаешь за него? – вознегодовал мистер Стайн. Затем повернулся ко мне: – Приходите к половине шестого. И приносите свой инструмент.

– Я играю только в хоккей, – сообщил я в надежде отделаться от него.

– Ну так приносите клюшку. Будете выстукивать ритм на кубиках льда, – ответил он. – До воскресенья, Оливер.

– Как все прошло? – поинтересовался Стив, когда я сдавал ему на руки его жену.

– Чудесно, – восхищенно ответила Гвен, – ты пропустил великолепное представление.

– А что думает Барретт? – уточнил он.

Я собирался было отослать его к своему новоиспеченному пресс-секретарю по фамилии Стайн, но вместо этого просто пробормотал:

– Мне понравилось.

– Прекрасно, – сказал Стив.

Но про себя я подумал, что теперь влип прочно.

Наступило воскресенье. Идти, естественно, никуда не хотелось.

Но мне не везло.

Ни одного срочного вызова, никаких неотложных дел и никаких звонков от Филадельфии. Мне даже простудиться, как назло, не удалось. За неимением уважительных причин не явиться на встречу я отправился на пересечение Риверсайда и 94-й улицы. С огромным букетом цветов в руке я предстал на пороге квартиры Луиса Стайна.

– Ого, – воскликнул тот, узрев цветочное сооружение, – вот уж, право, не стоило тратиться!

Затем крикнул миссис Стайн:

– Это Оливер – он принес цветы!

Та выскочила навстречу и чмокнула меня в щеку.

– Заходите и знакомьтесь с нашей музыкальной мафией, –скомандовал мистер Стайн, похлопав меня по плечу. В комнате оказалось человек десять, и все они болтали и настраивали инструменты. Настраивали и болтали. Настроение было приподнятым, а звуки, которые они издавали, – невероятно громкими. Единственным по-настоящему роскошным предметом мебели был огромный рояль с до блеска отполированной крышкой. Из огромного окна открывался потрясающий вид на реку Гудзон и ее скалистый противоположный берег.

Мы все пожали друг другу руки. Большую часть аудитории составляли повзрослевшие хиппи, а дополняли публику хиппи помоложе. И зачем я только сюда в галстуке приперся?

– А где Джо? – поинтересовался я больше из вежливости.

– Обещала быть к восьми, – ответил мистер Стайн, – вы можете пока познакомиться с ее братьями. Марти играет на трубе, а Дэвид – на флейте. Причем это открытый бунт против родителей. Из всех троих только Джо берет в руки скрипку.

Оба брата были долговязыми парнями застенчивого вида. Дэвид вообще оказался настолько стеснительным, что только помахал мне кларнетом. Более открытый Марти протянул мне руку:

– Добро пожаловать в наш музыкальный зоопарк!

– Марти, я ни черта не смыслю в музыке, – признался я, – и на вопрос, что такое «пиццикато», отвечаю, что это – телятина с сыром.

– И будешь прав, – сказал мистер Стайн. – Да и вообще, кончай уже извиняться, парень. Ты совсем не первый, кто приходит сюда просто слушать.

– Нет? – переспросил я.

– Конечно, нет! Мой покойный отец вообще не знал ни единой ноты.

– Оливер, пожалуйста, либо скажите ему, что все ждут, – обратилась ко мне миссис Стайн, – либо сами берите скрипку.

– Терпение, дорогая, – отозвался хозяин, – я хочу быть уверен, что он чувствует себя, как дома.

– Я правда чувствую себя свободно, как дома, – вежливо ответил я. Он усадил меня на стул и поспешно присоединился к оркестру.

Это было потрясающе. Я сидел и смотрел, как ребята, которых высокомерные выпускники Гарварда называли бы чокнутыми извращенцами, создавали удивительную музыку.

Моцарт, потом Вивальди, потом некто по имени Люлли^[3], о котором я вообще никогда не слышал.

После Люлли оркестр исполнил что-то из Монтеверди^[4]. А затем подали лучшую бастурму, которую я когда-либо пробовал. В перерыве между произведениями ко мне подошел длинный застенчивый брат Дэвид и таинственным шепотом спросил:

– А вы правда играете в хоккей?

– Было дело, – кивнул я.

– Не могли бы вы мне ответить на один вопрос?

– Конечно.

– Как сыграли сегодня «Рэйджеры»?

– М-м... Не помню. – Мой ответ его ужасно разочаровал. Даже не знаю, как ему объяснить всю нелепость ситуации: бывший фанат хоккея Оливер Барретт в настоящее время настолько погрузился в уголовное право, что даже забыл про поединок «Нью-Йорк Рэнджерс»^[5] с его любимыми «Бостон Брюинз»^[6]?

В комнату вошла Джоанна и первым делом чмокнула меня в щеку. Наверное, что-то вроде семейного ритуала – она все время целовала кого-то.

– Они тебя еще не свели с ума своей музыкой?

– Нет, – ответил я, – мне правда здесь нравится.

И вдруг до меня дошло, что, в общем-то, я и не вру. В тот вечер правда чувствовалась какая-то гармония. И не только с музыкальной точки зрения, но и вообще во всем – музыканты непринужденно беседовали и отпускали друг другу комплименты по поводу особенно сложных пассажей. Все это очень отдаленно напоминало то, как заводят друг друга хоккеисты Гарварда, перед тем как надрать задницу команде соперника.

С той только разницей, что здесь им достаточно просто было играть вместе. Они относились друг к другу и к музыке, которую играли, с такой... нежностью, что ли.

Я еще никогда так тесно не соприкасался с миром музыки.

Разве что тогда, когда Дженни играла в оркестре.

– Доставай скрипку, Джо, – скомандовал мистер Стайн.

– Ты сошел с ума, – воспротивилась та. – Я так давно не играла!

– Ты тратишь слишком много времени на медицину, так что пора наверстывать упущенное в музыке. Кроме того, Баха я оставил специально для тебя.

– Нет, – твердо ответила Джоанна.

– Давай же, иначе зачем Оливер просидел тут три часа? – настаивал Стайн.

Джо покраснела. Я хотел было выразить протест, но меня никто не слушал. Тогда ее отец повернулся ко мне:

– Слушай, попроси, пожалуйста, свою подругу сходить наконец за скрипкой?

Я рта раскрыть не успел, как Джоанна, которая к этому моменту стала уже совершенно пунцовой, решила, что лучше уступить:

– О'кей, папочка, будь по-твоему. Но предупреждаю, что ничего хорошего из этого не получится.

– Получится, непременно получится, – уверил он. Когда Джоанна вышла, он обернулся ко мне: – Как ты относишься к Бранденбургским концертам ^[7] Баха?

Я напрягся, потому что это было одно из немногих знакомых мне произведений Баха. Разве не после 5-го концерта я сделал Дженни предложение – там, на набережной, когда мы возвращались домой? И разве не эта музыка в некотором смысле была прелюдией нашего

брака? Конечно, даже мысль о том, что я снова услышу ее, причиняла боль.

– Ну, так что же? – переспросил Стайн. Тут я сообразил, что от меня все еще ждут ответа. И выпалил:

– Они мне очень нравятся. Который из них вы будете играть?

– Все! Зачем выбирать? – в недоумении спросил Луис.

– Лично я сыграю только что-нибудь *одно*, – возмущенно заявила его дочь. Она уже заняла место среди других скрипок и что-то оживленно обсуждала с пожилым джентльменом, который сидел рядом. Группа снова начала настраивать инструменты. Правда, поскольку в антракте почти все музыканты как следует приложились к спиртному, делалось это все намного громче.

Стайн вознамерился дирижировать: «Чем Ленни Бернстайн^[8] лучше меня? Прической?» Он постучал по пульта, в роли которого выступал телевизор.

– А теперь, – произнес он с неизвестно откуда взявшимся немецким акцентом, – я хотеть резкий атака. Вы слышать меня? Резкий!

Оркестр приготовился. Стайн занес карандаш.

Я задержал дыхание, очень надеясь, что смогу все это выдержать.

И тут громыхнула канонада.

Кто-то с пушечным грохотом стучал в дверь. Слишком громко и, насколько я мог судить, совершенно не соблюдая ритм.

«Открывайте!!!» – взревели за дверью нечеловеческим голосом.

– Полиция? – спросил я у неизвестно как оказавшейся рядом Джоанны.

– Уж они-то точно никогда не приходят вовремя, – слабо улыбнулась она. – Хуже. Это Годзилла с верхнего этажа. Его настоящее имя – Темпл. И в нем мало чего осталось человеческого.

Тем временем Годзилла снова принялся долбить в дверь и вопить: «Открывайте!!!» Я осмотрелся по сторонам. Хотя людей в комнате и было около двух десятков, вид у всех был весьма напуганный. Похоже, этот Темпл действительно опасен.

Как бы там ни было, Стайн открыл дверь.

– Черт побери, ты, сукин сын, я тебе каждое долбаное воскресенье говорил – заткни свою шарманку!

Выпалив все это на одном дыхании, чудовище угрожающе нависло над Стайном. Джо была права, определение «Годзилла» подходило как нельзя лучше. Темпл в самом деле оказался существом огромным и волосатым.

– Но, мистер Темпл, – попробовал протестовать наш храбрый дирижер, – наши воскресные посиделки всегда заканчиваются ровно в десять!

– Хватит мне тут заливать! – прорычал монстр.

– А я только заметил, как вы сегодня любезны, – ответил мистер Стайн.

Темпл уставился на него:

– Не выводи меня из себя, урод! А то пожалеешь, что родился!

В его голосе слышалась давняя ненависть. Чувствовалось, что на этом этапе цель жизни монстра – нанесение тяжких увечий своему соседу. И, похоже, момент идеально подходил для претворения мечты в реальность.

Оба младших Стайна, несмотря на то, что были явно напуганы, присоединились к отцу.

Темпл снова грязно выругался. Миссис Стайн уже стояла рядом с мужем, а теперь и Джоанна выскользнула из-за моей спины и рванулась к двери. Интересно, она возьмет на себя роль бойца или медсестры? Потому что ситуация явно близилась к развязке!

– Вы что, чертовы недоноски, не знаете, что нарушать тишину незаконно?! – проорал Годзилла.

– Прошу прощения, мистер Темпл, но я считаю, что это как раз ваши действия по отношению к Стайнам являются незаконными.

Это что, сказал я? Причем, кажется, раньше, чем подумал? И, что удивило меня еще больше, встал и двинулся навстречу незваному гостю. Тот повернулся ко мне.

– Есть проблемы, блондинчик? – спросило животное.

Я отметил, что он на десять дюймов выше и (как минимум) на сорок фунтов тяжелее. Впрочем, надеюсь, не все эти фунты были мышцами.

Я жестом показал Стайнам предоставить все мне. Но они остались.

– Мистер Темпл, – продолжил я, – слышали ли вы когда-либо о разделе сороковым Уголовного кодекса? Это незаконное вторжение.

Или раздел семнадцатый: угроза нанесения телесных повреждений.
Или раздел...

– Ты кто вообще? Коп? – хрюкнул он. Значит, соображалка у парня хоть как-то работала.

– Что вы, всего лишь адвокат. Но я могу отправить вас за решетку на довольно длительный период, – смело ответил я.

– Блеф! – предположил Годзилла.

– Нет. Но если для вас невыносимо ждать решения этой проблемы так долго, можно уладить все другим способом.

– Неужели, красавчик?

Он напряг мышцы. Оркестр за моей спиной определенно забеспокоился. Конечно, и у меня под ложечкой засосало. Но я спокойно снял пиджак и обратился к чудищу *sotto voce*^[9] крайне вежливо:

– Мистер Темпл, если вы сейчас же не испаритесь, я буду просто вынужден методично, как один интеллигентный человек другому, выбить из вас все ваши куриные мозги.

Агрессор практически молниеносно испарился. В честь моей победы Стайн откупорил бутылку шампанского. («Импортное. Прямо из Калифорнии!») Затем оркестр единогласно решил исполнить самую громкую вещь из своего репертуара – чрезвычайно энергичную интерпретацию увертюры из оперы Чайковского «1812 год». На этот раз даже *мне* достался инструмент – пушка (в роли которой выступила пустая пепельница).

Вечеринка завершилась через пару часов (на мой взгляд, слишком рано).

– Обязательно приходите к нам еще, – сказала миссис Стайн.

– Разумеется, Оливер придет, – ответил мистер Стайн.

– Почему ты так уверен? – спросила она.

– Мы ему понравились.

И это было чистой правдой.

С какого-то перепугу я вызвался проводить Джоанну. Несмотря на поздний час, она настояла, чтобы мы сели на пятый автобус. Он спускался по Риверсайд, а потом пересекал Пятую авеню. Должно быть, Джоанна здорово вымоталась за смену, но оставалась в приподнятом настроении.

– Оливер, ты был великолепен, – сказала она и взяла меня за руку.

Я спросил себя, нравится ли мне ее прикосновение.

И не нашел ответа.

А она продолжала восторгаться:

– Темпл теперь и показаться не посмеет, – рассмеялась она.

– Слушай, Джо, чтобы запугать такого буйвола, не нужно быть семи пядей во лбу.

Я изобразил рукой соответствующий жест, тем самым высвободив ее. Черт его знает, стало легче или нет.

– Но все-таки...

Она не закончила. Наверное, удивилась настойчивости, с которой я изображал тупого спортсмена. А мне просто хотелось дать понять, что я – не самый достойный выбор для такой девушки. Ну, то есть, она ведь такая милая. И такая привлекательная. Во всяком случае, для любого нормального мужика с нормальными инстинктами.

Джоанна жила недалеко от больницы. Пока мы стояли возле ее двери на четвертом этаже, я вдруг заметил, что она не такая высокая, как мне показалось вначале. Я имею в виду, что смотрела она на меня снизу вверх.

А потом я заметил, что у меня перехватывает дыхание. И это не могло быть от подъема по лестнице – я же постоянно занимаюсь бегом! И ощущение легкой паники от разговора с этой интеллигентной красавицей-врачом стало усиливаться.

Что если она... почувствовала, что мои чувства к ней носят не совсем платонический характер? Что, если?..

– Оливер, – сказала Джоанна, – я бы тебя с удовольствием пригласила, но у меня завтра смена в шесть утра.

– В другой раз, – ответил я. И выдохнул с облегчением.

– Надеюсь, Оливер.

Она поцеловала меня. В щеку. Наверное, так было принято в ее семье.

– Спокойной ночи!

– Я тебе позвоню, – ответил я.

– Вечер был замечательным.

– Мне тоже понравилось.

Тем не менее, особого счастья я не испытывал.

По дороге домой я пришел к заключению, что самое время обратиться к специалисту.

«Для начала предлагаю напрочь отместить Эдипов комплекс».

С этих слов начиналась моя тщательно подготовленная приветственная речь на первом приеме у психоаналитика. Чтобы найти хорошего психиатра, нужно совершить всего несколько несложных действий. Вначале обзваниваете приятелей-врачей и говорите им, что одному вашему знакомому нужна помощь. Приятели советуют врача для этого бедняги. В конце концов где-то с двухсотой попытки вы решаетесь, звоните доктору и назначаете первый визит.

– Послушайте, – излагал я, – я посещал специальные курсы и знаком с этими вашими профессиональными терминами. Которыми вы будете называть мое поведение по отношению к отцу, когда я женился на Дженни. Я имею в виду, что все эти штуки по Фрейду и прочее – последнее, что мне хотелось бы сейчас слышать. – Доктор Эдвин Лондон, «крайне деликатный», по словам того, кто его рекомендовал, не был, однако, расположен к длинным фразам.

– Зачем вы пришли? – абсолютно ровным голосом спросил он.

Я запаниковал. Мое приветствие прошло хорошо, но эта фраза явно намекала на перекрестный допрос.

Почему я здесь? *Что* я хочу услышать? Я проглотил комок в горле и ответил так тихо, что сам едва расслышал:

– Почему я ничего не чувствую?

Доктор молча ждал продолжения.

– С того дня, как Дженни умерла, я ничего не чувствую. Нет, конечно, голод и все такое. Но это хотя бы можно решить – ужин перед телевизором. А вот все остальное... За восемнадцать месяцев... Я не чувствовал абсолютно ничего.

Доктор выслушивал мою неуклюжую исповедь. Откровения изливались сумбурно. И говорить об этом было очень больно. «Я чувствую себя ужасно. Поправка: я вообще никак себя не чувствую. Что хуже. Меня просто нет без Дженни. Конечно, Филипп пытается мне как-то помочь. Но у него не слишком хорошо получается. Я не чувствую абсолютно ничего. Почти целых два года. Я потерял способность общаться с нормальными людьми».

Тишина. Я взмок.

– Как насчет сексуальных желаний? – спросил доктор.

– Нет, – ответил я и уточнил: – совершенно никаких.

Ответа не последовало. Доктор Лондон, вы, что, совсем в шоке? По лицу ничего не понятно. И тут я сказал то, что было очевидно для нас обоих:

– Не надо говорить мне, что это чувство вины.

Тогда он произнес самую длинную свою фразу за весь день:

– Вы чувствуете себя... виновным в смерти Дженни?

Считаю ли я себя ответственным за смерть Дженни? Я вспомнил, как не хотел больше жить в день, когда она умерла. Но это прошло. Конечно, заразиться лейкемией она от меня не могла. И все же...

– Может быть. Поначалу да. Но в основном злился на самого себя. За все то, что должен был сделать, пока она была жива, – ответил я.

Снова повисла пауза. Потом доктор Лондон продолжил:

– Например?

Я снова рассказал о своем разрыве с семьей. Как позволил обстоятельствам своей женитьбы на девушке чуточку (совсем!) иного социального уровня превратиться в декларацию собственной независимости. Смотри, чертов Богатенький Папаша, я смог все сам.

Все сам. Только я не думал, что чувствует Дженни. Не только в прямом смысле слова, хотя и это тоже, если вспомнить, как ей хотелось, чтобы я уважал своих родителей. Хуже было мое нежелание принимать от них какую бы там ни было помощь. Для меня это было предметом гордости. Но, черт побери, Дженни и так выросла в бедности, что такого нового и прекрасного для нее было в отсутствии денег?

– И просто ради моего высокомерия она была вынуждена пожертвовать массой вещей, – произнес я.

– Вы думаете, она считала, что жертвует ими? – спросил доктор Лондон, вероятно догадываясь, что Дженни не пожаловалась ни разу.

– Доктор, то, что она могла думать, теперь уже не имеет значения.

Он посмотрел на меня. На секунду я испугался, что вот-вот... разрыдаюсь.

– Дженни умерла, а я только теперь понимаю, как эгоистично вел себя.

Снова небольшая пауза.

– Как? – спросил он.

– Мы заканчивали университет. Дженни получила стипендию во Франции. Когда мы решили пожениться, это даже не обсуждалось. Мы просто *знали*, что останемся в Кембридже, а я поступлю в Гарвардскую школу права. *Зачем?*

Мы оба снова замолчали. Доктор Лондон не отвечал. Тогда я продолжил:

– Какого черта это казалось мне единственной логической альтернативой? Мое чертово самомнение! С чего я вдруг решил, что важнее именно *моя* жизнь?!

– Могли быть обстоятельства, которых вы не знаете, – сказал доктор Лондон. Неуклюжая попытка смягчить мою вину.

– И все равно! Я же знал, черт побери, что она никогда не была в Европе! Можно ведь было поехать с ней и стать юристом на год позже?

Он мог решить, что я начитался книжек по женскому равноправию и теперь предаюсь самобичеванию. Но это было не так. Мне причиняло боль не столько то, что Дженни пришлось прервать свое высшее образование, сколько мысль, что я лишил ее возможности побывать в Париже. Увидеть Лондон. Почувствовать Италию.

– Понимаете? – спросил я.

Еще одна пауза.

– Вы готовы потратить на этот разговор некоторое время? – наконец ответил он.

– Я затем и пришел.

– Сможете прийти завтра в пять?

Я кивнул. Он кивнул в ответ. Я встал и вышел из кабинета.

...Я шел по Парк Авеню, пытаюсь собраться с мыслями. И приготовиться к тому, что ждет меня дальше. Завтра мы займемся хирургией. Резать по живому – это очень больно. Но я готов к этой боли.

Меня интересовало другое: какая чертовщина скрывается там, у меня в душе?

До Эдипа мы добрались через неделю. Только его роль в моей истории взял на себя Барретт-Холл^[10] – довольно уродливое сооружение на территории Гарварда.

– Мои предки купили себе репутацию благородных людей, подарив это здание университету, – заявил я.

– Зачем? – поинтересовался доктор Лондон.

– Чтобы смыть всю грязь и кровь, в которых они замарались, пока в погоне за наживой нещадно и бесчеловечно эксплуатировали других людей. Знаете, доктор, Барретты лишь недавно обрели человеческое лицо.

Надо сказать, такую информацию о своем древнем роде я узнал не из литературы, а... на лекции. Еще в колледже, стараясь добрать недостающие очки, я записался на курс по социологии № 108 «Индустриальное развитие Америки». Читал его некто по имени Дональд Фогель, экономист с довольно радикальными суждениями, который был легендой Гарварда уже хотя бы благодаря своей безграничной любви к нецензурной лексике. Кроме того, курс был стопроцентной халявой. («Не верю я в эти ***, ***, ***, экзамены», – было любимой нецензурной фразой Фогеля, от которой все приходили в восторг). Сказать, что аудитория была полна – значит не сказать ничего. Она была забита до отказа: халявные баллы были нелишними и для зубрил-медиков, и для спортсменов-пофигистов...

Пока Фогель раскрывал свои лингвистические таланты, большинство слушателей либо читали «Кримсон»^[11], либо просто дремали. Но, к сожалению, в какой-то момент я проснулся, и, как назло, речь шла как раз о ранних этапах истории текстильной промышленности.

– За всю историю текстильной промышленности многие представители *** благородных гарвардских династий показали себя в довольно неприглядном свете. К примеру, Амос Брюстер Барретт, выпускник Гарварда 1794 года...

Ничего себе – *моя семейка!* А Фогель вообще в курсе, что я в зале? Или об этом Амесе Брюсе он рассказывает каждый год?

Услышанное далее заставило меня судорожно сжать ручки кресла:
– В 1814 году Амос и пара его гарвардских товарищей решили совместными усилиями осуществить промышленную революцию в Фолл Ривер, штат Массачусетс, для чего построили первые большие текстильные фабрики. И взяли на себя «заботу» обо всех своих рабочих – это называлось патернализмом. Они построили общежития для девочек, которых набирали на отдаленных фермах. Разумеется, половина их заработка уходила на оплату еды и жилья. Маленькие леди трудились по восемьдесят часов в неделю. И, естественно, Барретты учили их бережливости. «Храните деньги в банке, девушки». Угадайте, кому принадлежал банк?

Мне очень сильно захотелось превратиться в комара и незаметно улетучиться.

А тем временем Дон Фогель излагал историю предприятия Барреттов, и поток нецензурщины становился все мощнее. Он разглагольствовал добрую (явно не в буквальном смысле) половину часа. За это время я узнал совершенно поразительные вещи.

На начало XIX века половина из тех, кто трудился на фабриках в Фолл Ривер, были детьми, многие из которых едва достигли *пятилетнего* возраста. Им платили два доллара в неделю, женщинам – три, мужчины же получали огромную сумму в семь с половиной долларов.

Причем половину им выплачивали наличными, а вторую половину выдавали купонами. Которые, конечно, были действительны только в магазинах, тоже принадлежавших Барреттам.

Фогель не смолчал и о том, в насколько нечеловеческих условиях приходилось работать в текстильном цеху. Так как влажность воздуха в мастерских повышает качество изготавливаемой ткани, в помещения, где стояли ткацкие станки, специально *нагнетали* пар. В самый разгар лета окна там были наглухо закрыты, чтобы основа и уток оставались влажными.

– Но самая *** деталь во всей этой истории в другом. – Казалось, от напряжения у Фогеля вот-вот пойдет носом кровь. – Мало того, что условия труда были невыносимыми, мало того, что все эти бесчисленные несчастные случаи никак не компенсировались – так при всем этом *** зарплата рабочих постоянно *уменьшалась*! С увеличением дохода Барретты урезали *** зарплату тем, кто на них

трудился. И каждой следующей волне иммигрантов приходилось работать за все меньшие деньги. ***, *** – ну совершенно ***!

...В том же семестре в библиотеке Рэдклиффа я встретил девушку по имени Дженни Кавильери, выпускницу 64-го года. Ее отец был владельцем пекарни в Крэнстоне, а предками ее покойной матери Терезы Верны Кавильери были выходцы с Сицилии, которые когда-то эмигрировали в... Фолл Ривер, штат Массачусетс.

– Теперь вы понимаете, почему я порвал с семьей? – спросил я Лондона.

Доктор промолчал, а затем отчеканил:

– Продолжим завтра, в пять.

Я бегал.

После каждого сеанса психотерапии с доктором Лондоном я чувствовал себя еще более злым и растерянным, чем до начала сеанса. И единственным способом снять напряжение было до потери пульса нарезать километры на дорожках Центрального парка. Симпсон, кстати, если у него было немного свободного времени, вместе со мной наматывал круги вокруг бассейна.

К счастью, ему было не интересно, продолжил ли я общение с Джоанной Стайн. Говорила ли она с ним обо мне? Тоже, небось, поставила мне диагноз? Как бы то ни было, мы в разговоре ее избегали. Да и вообще, мне кажется, Стив был рад уже тому, что я хотя бы снова стал контактировать с окружающим миром. Так как не в моих принципах врать друзьям, я сразу сообщил Стиву, что начал ходить к психотерапевту. В детали, впрочем, не вдавался, да он и не спрашивал.

Сегодняшний сеанс здорово взбесил меня, и я с самого начала взял темп, слишком быстрый для Стива, – тот выдохся уже после первого круга.

– Так, дальше без меня, – задыхаясь, пропыхтел он. – Присоединюсь к тебе на третьем.

Я тоже изрядно вымотался, так что стал бежать медленнее, чтобы восстановить дыхание. Но даже на такой черепашьей скорости я обгонял некоторых возникающих из сумерек любителей бега. Разумеется, парни из Нью-Йоркского клуба обходили меня на раз, как и большинство студентов. А вот пожилых джентльменов, женщин, страдающих ожирением и детей младше двенадцати я играючи оставлял позади, даже при том, что бежал трусцой.

Пока совсем не выбился из сил. Пот заливал глаза, мне едва удавалось разбирать, во что одеты прохожие. Да я бы даже не смог сказать, в каком направлении бежал каждый из них. А потом произошло вот что.

Ярдах в восьмидесяти впереди я различил силуэт, облаченный в довольно дорогой спортивный костюм от «Адидас». Надо сказать, обладатель костюма бежал довольно быстро. Я решил сделать рывок и

обойти... эту девушку? Или это был просто худощавый парень с длинными светлыми волосами?

Расстояние не уменьшалось, так что я прибавил скорость. Хватило секунд двадцать, чтобы ее догнать. И правда девушка. Или парень с фантастической задницей – вот тогда мне точно к Лондону. Но нет – когда расстояние сократилось совсем, я совершенно четко разглядел стройную молодую женщину, чьи светлые локоны развевались на ветру. Так, Барретт, изображаем Боба Хейса^[12] – обходим дамочку с шиком и блеском. Я сконцентрировался, сменил скорость и красиво завершил обгон. Вперед, к новым горизонтам. Далеко впереди обнаружилась спина тучного оперного певца – а, старый добрый знакомый по пробежке. Что ж, мистер Баритон, будете следующей жертвой.

Потом мимо пронеслась синяя молния. Неужели спринтер? Вот черт, да ведь это та же фифа в «Адидасе». Разве я ее не оставил ярдах в двадцати позади себя? Но совершенно непостижимым образом она снова оказалась рядом. Должно быть, это какая-то новая звезда спорта. Я снова прибавил темп, чтоб рассмотреть ее поближе. Это оказалось непросто – я еле ноги волочил, а она была бодра, как огурчик. Но все-таки я ее нагнал! Спереди она выглядела еще более внушительно, чем сзади.

– Ты что, профессиональная бегунья? – поинтересовался я.

– С чего ты взял? – ответила она, совершенно не сбиваясь с дыхания.

– Ты проскочила мимо, как...

– Ну, это ведь ты бежал не слишком быстро, – ответила она.

Это что, оскорбление? Да кто она такая, черт побери?!

– Это что, оскорбление? – воскликнул я.

– Только если ты чересчур ранимый, – ответила она.

Несмотря на свою пуленепробиваемую выдержку, я разозлился:

– Кто-то здесь слишком высокого мнения о себе!

– А *это* что, оскорбление? – поинтересовалась дамочка.

– Оно самое, – ответил я. Честно, в отличие от нее.

– Предпочитаешь бегать в гордом одиночестве? – спросила она.

– Предпочитаю, – крикнул я.

– О'кей, – сказала она. И рванула вперед, прямо-таки дымясь от – явно притворного – негодования. Да будь я проклят, если поверил в

этот спектакль! Собрав в кулак все силы, которые у меня еще оставались, все-таки нагнал ее:

– Привет.

– Я думала, тебе нравится одиночество.

Дыхание было сбито, и диалог тоже получился неровным.

– За какую команду бегаешь? – запыхался я.

– Ни за какую, – ответила она, – тренируюсь для тенниса.

– Так ты у нас крутой атлет, – протянул я, нарочно изменив род.

– Да, – скромно сказала она. – А ты у нас, конечно, крутой мачо?

Мда, что бы ей такое ответить поостроумнее, когда все мои мысли занимает только вопрос, как удержать темп?

– Да, – сделал попытку я. Что, как стало ясно потом, было лучшим ответом. – Как там твой теннис?

– Ты не захочешь играть со мной, – отрезала она.

– А вот и захочу, – не сдавался я.

– Правда? – переспросила она. И, слава богу, перешла на шаг. – Тогда как насчет завтра?

– Разумеется, – пропыхтел я.

– В шесть? Теннисный клуб «Готхем», на углу 94-й и 1-й улиц, – предложила она.

– Я работаю до шести. Как насчет семи?

– Нет, я имела в виду с утра, – уточнила дамочка в «Адидасе».

– Шесть утра? Какой дурак припрется на теннисный корт в такую рань? – изумился я.

– Мы – если не струсил, – парировала она.

– Я? Да никогда. – Мое дыхание и мое остроумие восстанавливались одновременно.

Она улыбнулась во все свои тридцать два.

– Отлично. Корт забронирован на имя Марси Нэш. Кстати, это мое имя.

Она протянула мне руку. Не для поцелуя, конечно. Рукопожатие у нее оказалось неожиданным: не мощным, как у атлета, а вполне терпимым. Даже деликатным.

– Может, представишься?

Я решил слегка приколоться.

– Гонсалес, мадам. Панчо Б. Гонсалес.

– О! Ну хоть не Спида Гонсалес, – с облегчением выдохнула она.

– Нет, – ответил я, слегка удивившись, что Марси слышала о легендарном Спиди, персонаже не одной похабной истории, которые часто услышишь в мужских раздевалках.

– Так, Панчо, жду тебя в шесть утра, так что будь любезен приволочь свою задницу, – настоятельно порекомендовала она.

– Зачем?

– Естественно, чтоб я смогла порвать ее.

Я парировал:

– А мячи приносишь естественно ты?

– Естественно. Девушке в Нью-Йорке без них нельзя.

После чего сорвалась с места со скоростью, которой позавидовал бы сам Джесси Оуэнс^[13].

В пять утра Нью-Йорк выглядит мрачно во всех смыслах этого слова. В такую рань огни второго этажа, где располагался теннисный клуб, вызвали у меня ассоциацию с ночником в детской – только, разве что, в масштабах спящего города. Я расписался в журнале, и меня провели в раздевалку. Отчаянно борясь с одолевавшей меня зевотой, переоделся и, не торопясь, вышел на корт. Яркий свет моментально ослепил меня. На всех кортах кто-то играл. Складывалось впечатление, что чокнутые жители Нью-Йорка не могли начать очередной сумасшедший день без партии в теннис. Судя по всему, так они готовились к Большой игре за этими стенами.

Предчувствуя, что Марси Нэш наденет самую шикарную спортивную форму, какие только существуют, сам я оделся невероятно убого. Так, о моем костюме любой журнал мод написал бы, что он, мягко говоря, «не совсем белый». А ведь я всего лишь случайно вместе постирал в автоматической прачечной белье разных цветов. Майка, которую я выбрал, была в лучших традициях Стэнли Ковальски^[14]. Впрочем, сомневаюсь, что Марлон Брандо на съемках когда-нибудь носил нечто настолько убогое. В общем, моя одежда говорила о скромных финансовых возможностях. Иными словами, я выглядел, как бродяга.

Ну вот, я так и думал, мячи, которые принесла Марси, оказались флуоресцентными – такие ядовито-желтые, непременный атрибут всех профессиональных игроков в теннис.

– Доброе утро, солнышко, – поприветствовал я мою новую знакомую.

Которая уже разогрелась и отработывала подачи.

– За окном кромешная тьма, – сообщил я.

– Поэтому мы играем внутри, Санчо.

– Панчо, – поправил я, – мисс Нарси Мэш.

Да, и я умею каламбурить, так что выкусите, мадмуазель!

– Камни и гвозди сломают мне кости, но подачи моей ничем не сломить, – продекларировала Марси, посылая очередной мяч.

Ее волосы, на беговой дорожке развевавшиеся по ветру, теперь были стянуты в конский хвост (надо бы, наверное, отпустить по этому поводу пару шуточек). К тому же, на обоих запястьях Марси красовались напульсники – неизменный атрибут всех, кто играет в теннис и при этом слишком высокого мнения о себе.

– Можешь называть меня, как угодно, дорогой Панчо. Что ж, начнем? – предложила она.

– На что? – уточнил я.

– Пардон? – изумилась Марси.

– Ставки, – пояснил я, – на что играть будем?

– А что, тебе мало спортивного интереса? – спросила Марси Нэш с самым наивным и невинным видом.

– Спортивный интерес? В шесть утра? Мне нужен более осязаемый стимул, – воспротивился я.

– Полбакса, – предложила Марси.

– Напекаешь, что сегодня я настолько бедно выгляжу? – парировал я.

– Остряк... Нет, в смысле, сыграем на пятьдесят центов.

– Гм-гм. – Всем своим видом я выразил готовность отстаивать свою позицию до конца. Если она играет в этом клубе, то деньги у нее есть. Впрочем, с ее стороны это может быть и элементарное капиталовложение, которое легко окупится: удачная партия в теннис – удачная партия в лице того, с кем она сыграет.

– Ты что, богатенький Буратино? – спросила Марси.

– Какое это имеет отношение к делу? – ответил я. Пожалуй, более агрессивно, чем надо было – не хочу иметь ничего общего с денежными мешками Барреттов.

– Просто интересно, сколько ты сможешь проиграть, – пожала плечами она.

Щекотливый вопрос. Та же проблема: скольким сможет пожертвовать *Марси*. Так что я придумал, как нам обоим с честью выйти из этого положения.

– Послушай, – предложил я, – как насчет такого расклада: проигравший приглашает победителя на ужин? А победитель выбирает место.

– Я предпочитаю «21», – ответила она.

– Немного преждевременно. Но поскольку я тоже предпочту его, хотел бы предупредить: я ем, как слон.

– Не сомневаюсь. Бегаешь ты именно так, – поддела Марси.

Пора кончать заводить друг друга. И, черт побери, пришло время наконец начать игру.

И мы начали. Я – свою партию в «кошки-мышки». Мне хотелось как следует унизить ее под конец, поэтому я изображал самодовольного индюка. Пропускал абсолютно легкие подачи. Реагировал заторможенно. А Марси играла в полную силу.

И, надо сказать, играла она весьма неплохо. Стремительные движения, точные удары, сильные подачи. Иногда даже крученые. Да, похоже, она часто тренировалась и была в неплохой форме.

– Ты совсем недурно играешь.

Эту фразу выдала Марси. Мы играли уже довольно долго – без определенного результата. Пока что почти все партии заканчивались вничью: самые убийственные подачи я приберег напоследок.

– Боюсь, нам придется закончить, – сказала она. – В полдевятого мне надо быть на работе.

Такого я не ожидал и тут же стал ее уговаривать:

– Ну, детка (неумелая попытка скрыть агрессию), может, сыграем еще раз – хотя бы ради удовольствия? Назовем это игрой до внезапной смерти. Победитель получает ужин.

– Хорошо, – сдалась Марси. Тем не менее, было видно, что она нервничала. Видимо, опоздать боялась. Конечно, босс рассердится и не даст ей повышения. А у девочки амбиции! – Но только один раз и быстро, – неровным голосом добавила она.

– Мисс Нэш, обещаю, эта игра будет самой короткой в вашей жизни, – подмигнул я.

Так оно и вышло. Первую подачу я отдал ей. А затем не оставил ни малейшего шанса на победу. Раз-два, вот и вся игра. Марси Нэш была в полном шоке – я не дал ей набрать ни одного очка.

– Черт побери! – произнесла она. – Ты обвел меня вокруг пальца!

– Скажем так, мне понадобилось некоторое время, чтобы разыграться, – ответил я. – Надеюсь, ты не опоздаешь из-за меня на работу?

– Нет. То есть, все хорошо, – выдавила она, все еще в протрации. – Значит, в восемь вечера, в «21»?

Я кивнул.

– Столик бронировать на имя Гонсалес? – поинтересовалась она.

– Нет, это мой теннисный псевдоним. В основном меня зовут Барретт. Оливер «Великий Притворщик» Барретт.

– А... – протянула она, – «Гонсалес» мне нравилось больше.

И пулей понеслась в женскую раздевалку. Не знаю, почему, но мне вдруг стало смешно...

– Что вас так развеселило?

– Что, простите?

– Вы улыбаетесь, – сказал доктор Лондон.

– Это долгая и скучная история, – отмахнулся я. Но потом все же объяснил, что заставило депрессивного Барретта скинуть трагическую маску: – Дело не в Марси, дело в принципе. Обожаю ставить на место агрессивных особей женского пола.

– И ничего больше? – поинтересовался доктор.

– Ничего. Не думаю, кстати, что ее это сильно задело.

Марси была одета невероятно роскошно.

Ни малейшего намека на претенциозность. Наоборот. Всем своим существом она излучала высшую роскошь – роскошь в простоте. Казалось, Марси сама сделала себе прическу, но ее волосы были уложены безукоризненно. Она выглядела так, словно сошла с шикарного снимка талантливого фотографа.

Ее внешний вид привел меня в замешательство: вся эта невероятная утонченность, идеальная осанка, королевская выдержка... Рядом с ней я казался себе жухлым листком шпината, оказавшимся среди прекрасных орхидей. С такими данными она просто обязана быть моделью. Или кем-то из мира моды.

Я подошел к ее столику в тихом уголке.

– Привет, – сказала она.

– Надеюсь, ты не слишком долго меня прождала?

– Ты пришел даже раньше времени, – ответила Марси.

– Это, наверное, потому, что ты пришла еще раньше, – парировал я.

– Я бы сказала, что это логично, мистер Барретт, – улыбнулась она. – Ты присядешь или ждешь моего разрешения?

Я сел.

– Что пьешь? – поинтересовался я, показав на оранжевую жидкость в ее бокале.

– Апельсиновый сок, – спокойно ответила Марси.

– С чем? – недоумевал я.

– Со льдом.

– Только со льдом?

Она кивнула. Не успел я осведомиться о ее отношении к спиртному вообще, как появился официант и обратился к нам, словно к завсегдатаям заведения:

– Как вы поживаете сегодня вечером?

– Прекрасно. Что хорошего предложите? – ответил я, не в силах поддерживать его светский тон.

– Отведайте наших устриц. Они превосходны.

– Бостонский деликатес! – преисполнился я гастрономического шовинизма.

– Вообще-то у нас устрицы с Лонг Айленда, – ответил он.

– О'кей, посмотрим, так ли они хороши. – Я повернулся к Марси:
– Ну что, попробуем местное подобие?

Та молча улыбнулась.

– Может быть, аперитив? – Официант посмотрел на нее.

– Да. Принесите, пожалуйста, сердцевинку латука и каплю лимонного сока.

Ну, теперь-то понятно, что она модель. Иначе зачем морить себя голодом? Я заказал себе фетучини^[15] (прибавив: «И не жалеете масла!»). Официант поклонился и отбыл. Мы остались одни.

– Ну, вот мы и тут, – сказал я. (Должен признаться, что репетировал эту реплику все утро). Прежде чем Марси успела согласиться, что мы действительно тут, нас снова потревожили.

– Вина, мсье? – спросил наклонившийся к нам официант.

Я посмотрел на Марси.

– Пожалуйста, без меня, – произнесла она.

– Да брось, что будет от бокальчика вина? – сделал я последнюю попытку.

– У меня с этим очень строго, – сказала Марси. – Но тебе советую Мерсо (оно тут восхитительное) – иначе радость от победы будет неполной.

– Мерсо, – сказал я официанту.

– Шестьдесят шестого года, если можно, – пришла мне на помощь Марси. Официант ринулся выполнять заказ, снова оставив нас с ней вдвоем.

– Ты что, вообще не пьешь? – спросил я.

– Не из принципа. Просто не люблю терять контроль над своими чувствами.

Ну и какого черта это должно значить? Какие чувства она имела в виду?

– Так ты из Бостона? – спросила Марси. Диалог явно не клеился.

– Да. А ты? – поинтересовался я.

– А я нет, – ответила она.

Это ведь сейчас был наезд, не так ли?

– Работаешь в индустрии моды? – поинтересовался я.

– Отчасти. А ты?
– В сфере гражданских свобод.
– Даешь или отбираешь? – за ее обескураживающей улыбкой не удавалось распознать, какая доля сарказма присутствовала в этих словах.
– Пытаюсь заставить правительство соблюдать их.
– Трудная задача, – ответила Марси.
– Ты права, я пока и правда не слишком преуспел, – согласился я.
Подошел официант и церемонно наполнил мой бокал. Под вино хорошей выдержки я начал свой *opus magnum*^[16], просвещая Марси на тему того, как нелегко живет адвокат в наши времена.

Признаюсь честно, есть у меня один недостаток. Я не умею говорить с... девушками. Ну, то есть, понимаете, последний раз что-то вроде свидания у меня было очень много лет назад. Но одно я знал точно – чересчур много говорить о себе не стоило. А то еще будет жаловаться потом дома, что я самовлюбленный идиот.

Так что наш разговор вращался вокруг (точнее, я рассуждал) решений суда Уоррена по правам частных лиц. Продолжит ли сеть ресторанов «Бургер Кинг»^[17] содействовать Четвертой поправке^[18]? – Смотря каким будет состав Верховного суда! «Непременно сохрани копию нынешней Конституции, Марси, она скоро станет раритетом!»

К тому моменту, когда я добрался до Первой поправки^[19], нам уже подали нашумевшие устрицы, лонг-айлендские, разумеется. Они оказались весьма недурны. Но до бостонских, признаться, не дотягивали.

– Так вот, вернемся к Первой поправке – Верховный суд явно руководствуется двойными стандартами. В деле «О’Брайн против США», например, сожжение повестки не было признано заявлением, сделанным в форме юридически значимого действия. При этом суд поступил с точностью до наоборот в деле «Тинкер против Де-Мойн»^[20], постановив, что ношение нарукавных повязок в знак протеста против войны является заявлением в письменном виде. Как такое вообще возможно? И чью сторону они в итоге разделяют?!

– А ты как думаешь? – спросила Марси. Прежде чем я успел подумать, не намекает ли она, что я заболтался, нас снова атаковал официант – на этот раз насчет десерта. Я заказал кофе со сливками.

Марси – чай. Мне стало немного не по себе. Может, пора задуматься – а не слишком ли я много болтаю? Принести ей свои извинения за то, что меня слишком много? Но ведь она же в любой момент могла сама меня заткнуть, разве нет?

– А ты сам участвовал во всех этих процессах? – спросила Марси (издевается, что ли?).

– Да нет, конечно. Правда, сейчас я консультирую по поводу нового дела: «Отказник по убеждениям» – в качестве прецедента выступает дело «Уэббер против Призывной комиссии», которое вел я. Ну, и, плюс ко всему, я и волонтером активно работаю...

– И, судя по всему, даже не думаешь останавливаться, – добавила она.

– Ну, как сказал Джимми Хендрикс^[21] на фестивале в Вудстоке^[22]: «Мир грязнее некуда, всем нам пора браться за большую уборку».

– Ты что, был на фестивале? – полюбопытствовала Марси.

– Нет, прочитал заметку в «Таймс», – отмахнулся я.

– Ну надо же, – произнесла Марси.

То есть она разочарована? Или ей скучно? Вспоминая весь этот разговор, я понял, что так и не дал ей вставить ни слова.

– Ну, а ты чем занимаешься?

– Ничего социально значимого. Работаю в сети магазинов «Биннендэйл^[23]». Никогда не слышал это название?

Шутит она, что ли? Кто ж не знает про сеть элитных универмагов «Биннендэйл», роскошный магнит в сорок карат для тех, кто желает оставаться инкогнито? Откровение Марси сразу пролило свет на многие обстоятельства. Она идеально подходит для столь шикарного бизнеса: светлые волосы, твердость, стройная фигура. К тому же, девушка обладает прямо-таки брин-морским^[24] красноречием, которое действует настолько безотказно, что, уверен, она без труда могла бы даже крокодилу впарить сумочку из кожи его сородича.

– Сама я почти не связана с продажами, – продолжала она, пока я усердствовал с неуклюжими вопросами. Так, получается, что Марси стажер с грандиозными амбициями?

– Так с чем же ты конкретно связана? – спросил я напрямик. Если по-разному формулировать одни и те вопросы, свидетеля можно быстрее сбить с толку.

– Слушай, разве тебе так уж интересно, чем я вообще занимаюсь? – произнесла Марси, проведя изящной ручкой по своей не менее изящной шейке.

Так, вот это уже точно намек, что я, черт возьми, становлюсь назойливым.

– Надеюсь, моя юридическая лекция тебя не усыпила? – перевел я разговор на другую тему.

– Нет, мне правда было очень интересно. Просто хотелось бы больше услышать о тебе самом, – намекнула она.

Что же ей ответить? Я решил, что лучше всего рассказать правду:

– Не могу сказать, что разговор обо мне будет усладой для ушей.

– Почему?

Пауза. Я смотрел прямо в свою чашку.

– У меня была жена.

– У многих мужчин были жены, – заметила Марси. Но, как мне показалось, довольно деликатно.

– Да. Моя умерла.

Повисла пауза.

– Извини, – произнесла Марси.

– Ничего, – ответил я. А что еще можно было сказать?

Некоторое время мы сидели молча.

– Тебе надо было рассказать мне раньше, Оливер, – наконец, произнесла она.

– Это, знаешь ли, не так-то просто, – ответил я.

– Но ведь, если выговоришься, становится легче?

– Боже, ты говоришь точно, как мой психоаналитик! – раздраженно сказал я.

– Вау, – изумилась Марси. – Мне казалось, я копирую своего.

– Вот уж не думал, что он тебе нужен! – поразился я. Никогда бы не подумал, что человек может выглядеть настолько уравновешенным и при этом нуждаться в психиатре. И продолжил: – Ты же не потеряла жену.

Попытка черного юмора. Неудачная.

– Да. Я потеряла не жену. Мужа, – ответила Марси.

Вперед, Барретт, – самое время заткнуть свой бесстыжий рот собственным ботинком, бездушная ты скотина!

– Боже, Марси, – все, что мне удалось выдать.

– Это не то, что ты подумал, – быстро добавила она. – Обыкновенный развод. Вот только, когда мы расходимся и делили имущество, все психологические последствия почему-то достались именно мне. Майклу же отошло полное спокойствие.

– И каким он был, мистер Нэш? – спросил я, сильно заинтересовавшись парнем, сумевшим бросить такую девушку.

– Сменим тему, – сказала она, как мне показалось, немного грустно.

Странно, но я почувствовал удовлетворение от того, что под внешностью абсолютно уверенной в себе женщины, которой обладала Марси Нэш, скрывается нечто, о чем она не может говорить. Может, даже память об утрате. Это делало ее человечнее, а пьедестал, с которого она смотрела на мир, – не таким недосыгаемым. И все равно я понятия не имел, о чем говорить дальше.

Так что говорить пришлось Марси:

– Ого, а уже поздно.

И на самом деле: на моих часах было без четверти одиннадцать. Но то, что она вспомнила об этом именно сейчас, могло означать, что мне-таки удалось ее достать.

– Счет, пожалуйста, – обратилась она к проходившему мимо официанту.

– Эй, ты что? Плачу я, – одернул я ее.

– Ни в коем случае, – отрезала она, – пари на то и пари.

Да, вначале в мои планы входило заставить ее раскошелиться. Но теперь мне было очень стыдно за собственную бестактность. Хотелось как-то искупить свою вину.

– Счет, пожалуйста, – еще раз попытался я.

– Нет, – ответила она. – Мы можем еще и подраться, но в одежде от этого не будет ни пользы, ни удовольствия. Так что остынь, о'кей? – после чего повернулась к метрдотелю: – Дмитрий?

Оказывается, она знала, как его зовут.

– Да, мэм?

– Пожалуйста, добавьте чаевые и запишите за мной.

– Разумеется, мэм, – сказал Дмитрий и бесшумно удалился.

Я почувствовал себя не в своей тарелке: вначале этот чересчур откровенный разговор, потом намек на драку голышом – а что, если

она еще и сексуально агрессивна? Плюс ко всему, у девушки свой счет в «21». Да кто она такая, черт возьми?

– Оливер, – сказала она, демонстрируя все свои великолепные зубы, – я подброшу тебя домой.

– Подбросишь?

– Мне по дороге.

Похоже, я заметно напрягся от... очевидного.

– Но, Оливер, – произнесла Марси серьезным голосом... ну, может быть, в нем чувствовалась самая малость иронии. – Не думай, что ты обязан спать со мной только из-за того, что я оплатила твой ужин.

– Какое облегчение, – вздохнул я, притворяясь, что притворяюсь, – не хотел бы оставить впечатление плейбоя.

– О, нет, – ответила она, – чего угодно, но не плейбоя.

В такси меня осенило:

– Эй, Марси, – сказал я как можно более непринужденно, – а ведь я не говорил тебе, где я живу.

– Сама догадалась.

– А где живешь ты?

– Недалеко от тебя.

– Недостаточно конкретно. И, кажется, не хватает номера телефона.

– Да, пожалуй. – Ни объяснения, ни номера за этим не последовало.

– Марси?

– Оливер? – Ее голос был все так же приветлив и невозмутим.

– Зачем все эти секреты?

Она протянула руку, положила ладонь в кожаной перчатке поверх моего нервно сжатого кулака и сказала:

– Остановите тут, пожалуйста.

Черт побери! Из-за того, что улицы в этом часу были совершенно пусты, такси доехало до моего жилища слишком быстро. В данной ситуации такая скорость была совершенно лишней.

– Подождите минутку, – сказала Марси водителю. Я задержался, надеясь, что она назовет следующую остановку. Но Марси только улыбнулась и как-то чересчур бодро поблагодарила меня.

– Нет, что ты, – моя вежливость граничила со злостью, – это я должен благодарить тебя.

Снова пауза. Черт меня побери, если еще что-нибудь скажу. Я вылез из машины.

– Оливер, – произнесла Марси, – как насчет партейки в теннис в следующий вторник?

Я готов был подпрыгнуть от счастья, так что плохо удалось это скрыть.

– Но это же только через неделю. Почему бы нам не встретиться раньше?

– Потому что я буду в Кливленде, – отрезала она.

– Все время? Никто и никогда еще не проводил в Кливленде целую неделю!

– Не будь таким снобом, дружище. Я позвоню тебе в понедельник вечером. Спокойной ночи, прекрасный принц!

Такси сорвалось с места так, будто за ним гнались все черти ада.

К тому моменту, как я отпер дверь, я успел основательно разозлиться.

Какого черта это все должно было значить? И кто же она такая, дьявол ее возьми?

– Эта стерва точно что-то от меня скрывает!

– И какие у вас фантазии на этот счет? – спросил доктор Лондон. Что же это такое... Я ведь говорил простые, очевидные вещи – так нет, Лондону подавай полет фантазии! Между прочим, еще дядюшка Фрейд говорил о такой штуке, как психическая реальность.

– Слушайте, доктор, я же не псих. Марси Нэш меня и вправду дурачит!

– Да?

Станным образом он не поинтересовался, отчего, собственно, я так переживаю из-за девушки, которую вижу второй раз в жизни. Сам себя я спрашивал много раз и пришел к выводу, что все дело в азарте: мне просто не хочется проигрывать ей – в какую бы игру она ни играла.

Я призвал на помощь всю свою выдержку и подробно рассказал доктору, что мне удалось выяснить. Дело в том, что я попросил мою секретаршу Аниту узнать телефон Марси («Просто хочу перекинуться парой слов!»). Естественно, у меня не было ни малейшего представления о ее координатах. Но я знал, что у Аниты талант доставать нужных людей из-под земли.

Первым делом она позвонила в «Биннендейл», где ей ответили, что никакой Марси Нэш среди их персонала не значится. Это Аниту не смутило. Она обзвонила всевозможные отели в Кливленде и пригородах. Ни в одном из них девушка под таким именем не останавливалась. Анита обзвонила также отели и мотели попроще – все так же безрезультатно. Никого с именем Марси Нэш – ни в Кливленде, ни в его окрестностях.

Получается, что Марси врет и на самом деле она не та, за кого себя выдает.

– И какие вы делаете... выводы? – поинтересовался доктор Лондон.

– Ну, я же ее не выдумал! – ответил я.

Этого доктор отрицать не стал. Рассмотрение дела было открыто, и я повел процесс уверенно – сказывалось, сколько времени я ломал над этим голову последние несколько дней.

– Во-первых, совершенно ясно, что Марси (или как там ее по-настоящему зовут) живет не одна. Иначе зачем ей скрывать свой адрес и телефон? Может, она даже все еще замужем.

– Тогда зачем ей видеться с вами?

Мать честная – либо доктор Лондон был совершенно наивным человеком, либо он безнадежно отстал от жизни. А может, просто иронизировал?

– Понятия не имею. В газетах пишут, что мы живем в эпоху свободных нравов. Может, у них с мужем «открытый» брак? – предположил я.

– Но если она придерживается свободных взглядов, почему бы не сказать об этом вам? – изумился доктор.

– Вот в этом-то и заключается весь парадокс. Я так думаю, что Марси лет тридцать, просто она выглядит моложе. А это значит, что она, как и я, из поколения начала шестидесятых, а тогда моральные установки в обществе были совсем иными. Так что девушки ее поколения скорее скажут, что едут в Кливленд, чем признаются, что отправились развлекаться куда-нибудь на Бермуды.

– Вам так кажется? – скептически поинтересовался Лондон.

– Ну хорошо, не на Бермуды, а на Барбадос, – сдался я. – В любом случае, она поехала туда с тем, с кем живет. И это либо ее муж, либо кто-то еще.

– Что вас очень злит?..

Да уж, чтобы понять, что я в бешенстве, не нужно было иметь диплом психолога!

– Потому что она лгала мне, черт побери! – заорал я.

И испугался, как бы мой вопль не напугал другого пациента, который тихо-мирно листал старый номер «Нью-Йоркера» в приемной. И заткнулся на пару секунд. Зачем пытаться убедить доктора Лондона в том, в чем я сам не уверен?

– Господи, мне жаль того парня, которому понравится эта лицемерная ханжа! – произнес я.

Повисла напряженная пауза.

– «Понравится»? – переспросил доктор Лондон, используя против меня мое собственное высказывание.

– Вот только не надо, – рассмеялся я. – Мне эта стерва совершенно не нравится. Причем так сильно, что я бы с удовольствием

не только послал ее ко всем чертям, но и объяснил бы поточней, как туда добраться.

В комнате снова воцарилась тишина.

– Проблема в том, – признался я, – что у меня нет ее адреса.

Я спал, или мне снилось, что я сплю. Из этого состояния меня безжалостно вырвал телефонный звонок.

– Привет! Я разбудила, помешала или как-нибудь иначе вторглась в твою частную жизнь? – голос в трубке принадлежал Марси Нэш. Как же с ней было забавно говорить по телефону! Она фактически поинтересовалась, ждал ли я, как верная собачка, ее звонка или мне было чем заняться и без нее.

– Мое времяпровождение является предметом особой секретности, – ответил я – пусть думает, что я развлекаюсь. – Где это ты?

– В аэропорту, – ответила она как ни в чем не бывало.

– С кем? – спросил я, надеясь застать ее врасплох.

– С целой оравой усталых бизнесменов.

Да, похоже, бизнес на самом деле был утомительным.

– Загорела хоть? – попытался я ее поддеть.

– Что? Эй, Оливер, ты что там, куришь в мое отсутствие? Прочисть мозги и скажи мне – играем мы с тобой в теннис завтра утром?

Я потянулся за часами, лежащими на тумбочке. Они показывали без нескольких минут час ночи.

– Уже сегодняшним, – сказал я. Меня здорово злила неизвестность – чем она занималась всю эту неделю? И то, что она не попалась ни на одном моем вопросе. И вообще вся эта загадочность.

– Играем в шесть? – спросила она. – Никакие ответы, кроме «да» или «нет», не принимаются!

За эту пару секунд я обдумал многое. Какого дьявола она возвращается из развеселой поездки в тропики и собирается играть со мной в теннис в эту чертову рань? Почему бы ей не сыграть с тем парнем, с которым она живет? Дело во мне? Или потому что тот парень завтракает со своей женой? Было огромное искушение послать ее к черту и спать дальше.

– Да. Хорошо, я приду, – произнес я. Что отнюдь не соответствовало моим намерениям.

Я сделал из нее отбивную. Не проявив ни капли снисхождения и не сказав ни одного лишнего слова (только «Готова?» перед тем, как начать), я провел очень жесткую игру. К тому же, Марси и без моей агрессии была не на высоте – она даже выглядела несколько бледно. Неужели на Бермудах шел дождь? Или она проводила слишком много времени в номере? Ну и ладно, ее проблемы.

– Ого, – выдохнула она, когда поняла, что совершенно разгромлена. – Панчо не расположен шутить сегодня.

– У меня была целая неделя, чтоб растерять чувство юмора, – сквозь зубы процедил я.

– Почему? – казалось бы, искренне изумилась Марси.

– Показалась несмешной твоя шутка насчет Кливленда.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она не менее искренним голосом.

– Да мне даже разговаривать об этом с тобой не хочется.

Казалось, мой ответ смутил Марси: она вела себя так, будто не понимала, в чем проблема.

– Слушай, мы же взрослые люди, – сказала она, – может, объяснишь, какая муха тебя укусила?

– Нечего объяснять.

– О'кей, – сказала она разочарованно. – То есть обедать со мной ты не собираешься?

– А мы что, планировали пообедать? – спросил я, словно в первый раз об этом слышал.

– А разве не подразумевалось, что победитель получает приз?

Я на секунду задумался. Сказать сейчас? Или сначала роскошно пообедать за ее счет, а потом послать к черту?

– Так и быть, можешь меня угостить, – великодушно позволил я.

– Где встретимся и когда? – мою невежливость Марси проигнорировала.

– Давай я заеду за тобой, – предложил я.

– Я не бываю дома. – Ага, знакомая песенка.

– Даже если понадобится ехать к черту на кулички, – упорствовал я.

– О'кей, Оливер. Я позвоню тебе в полседьмого и скажу, где я буду.

– А если меня не будет дома? – состряпал я вполне подходящий ответ. И добавил: – Случается, что клиенты назначают встречу где-нибудь уж совсем в открытом космосе.

– О'кей, обещаю звонить до тех пор, пока твоя ракета не приземлится, – подмигнула Марси и направилась к женской раздевалке.

Где-то на полпути она обернулась:

– Знаешь, Оливер, я уже начинаю думать, что ты и правда такой псих, каким кажешься.

– Я сорвал крупный джекпот, – похвастался я.

Доктор Лондон не спешил с поздравлениями. Впрочем, он уже слышал от меня про это дело и во время прежних встреч. Так что я еще раз вкратце изложил суть процесса «Ченнинг против Ривербэнка». Ривербэнк – роскошный кондоминиум на Ист-Энд авеню, а Чарльз Ф. Ченнинг-младший – директор «Магнитекса», бывший Гражданин года, выдающийся представитель партии республиканцев... с абсолютно черной кожей.

Дело было в том, что Ченнингу-младшему не досталось квартиры в новом кондоминиуме, и объяснение было писано вилами по воде. Поэтому тот обратился к Джонасу и Маршу. Не последнюю роль тут сыграла наша безукоризненная репутация. Дело Ченнинга было поручено мне.

Процесс был выигран в два счета. Не понадобилось даже прибегать к закону о новом жилье (содержавшему некоторые разночтения). Я просто обратился к прецеденту «Джонс против Майера». Верховный суд рассматривал дело Джонса в прошлом году (392 US. 409) и вынес вердикт, что, в соответствии с актом о гражданских правах 1866 года, каждый гражданин США имеет право на приобретение недвижимости.

Об этом же говорилось и в Первой поправке. Так что доводы представителей Ривербэнка были аргументированно отклонены. А мой клиент въезжал в новые апартаменты уже тридцатого числа.

– Впервые заработал для фирмы кругленькую сумму, – добавил я. – Ченнинг ведь миллионер.

Но доктора Лондона и это не впечатлило.

– Старик Джонас пригласил меня на ленч. Марш – второй совладелец – на чашку кофе. Они предлагают мне стать партнером фирмы.

Лондон по-прежнему молчал. Господи, мне что, сплясать, что ли, чтобы он хоть какое-то мнение высказал?

– Сегодня ночью я намерен уложить Марси Нэш в койку, – отчаянно произнес я.

Ну наконец-то: доктор кашлянул.

– Вам не интересно, зачем? – этот вопрос я задал тоном, требующим ответной реакции.

– Потому что она вам нравится, – сказал Лондон.

Я рассмеялся. Судя по всему, он так ничего и не понял. Тогда я объяснил, что затащить ее в койку – единственный способ узнать ответы на интересующие меня вопросы. Как бы цинично это ни звучало, но в данном случае ключ к разгадке тайны Марси Нэш лежит в постели. А когда я узнаю, что же она скрывает, я пошлю ее к черту – и настроение у меня будет прекрасное.

Если после всего этого Лондон заикнется о фантазиях – уйду немедленно.

Но он не стал, а вместо этого попросил меня разобраться, почему я чувствую себя таким довольным. С чего я, собственно, распустил хвост? И не является ли моя эйфория от профессионального триумфа попыткой отвести внимание от того, что я в чем-то... не уверен?

Конечно, нет! С чего мне быть неуверенным?

Она же просто девушка.

Или как раз в этом-то и проблема?

– Марси, я же голый!

– Что это значит?

– Что ты вытащила меня из душа.

– Мне перезвонить? Не хочу нарушать твоего ежемесячного ритуала, – ехидно произнесла Марси.

– Нет, ты мне не мешаешь. – Ее комментарий я пропустил мимо ушей. – Так где ты сейчас, черт возьми?

– Торговый центр «Уайт Плейнс». «Биннендейл».

– Выходи минут через двадцать, я тебя подвезу.

– Оливер, тебе же ехать до меня пятнадцать миль!

– Хорошо. Тогда я забираю тебя через *пятнадцать* минут.

– Хотя бы сделай мне маленькое одолжение.

– ?

– Не забудь одеться.

«Тарга-911S»^[25] – прекрасный автомобиль. Ну и вожу я прилично (когда я выхожу на встречную полосу – это так впечатляет

полицейских, что они забывают меня тормозить). Так что я был у торгового центра ровно двадцать семь минут спустя.

Марси Нэш ждала меня (позировала?) точно там, где мы договорились. В руках она держала пакет. А фигура ее выглядела еще соблазнительнее, чем в нашу предыдущую встречу, если такое вообще возможно.

– Привет, – помахала она мне. Когда я выпрыгнул из машины, она подошла и поцеловала меня в щеку. И вручила мне пакет. – Я приготовила тебе небольшой подарок. Надеюсь, ты теперь подбросишь. Кстати, мне нравится твоя машина.

– Ты ей тоже нравишься, – ответил я.

– Тогда я сяду за руль.

Ох... Не бойся, мой маленький «Порше», я тебя в обиду не дам.

– Не в этот раз, Марси, – возразил я.

– Не бойся, я знаю дорогу, – упорствовала она.

– Куда?

– Туда, куда мы направляемся. Пожалуйста...

– Марси, нет. Это очень хрупкий инструмент.

– Кончай трястись, – ответила она, садясь на водительское сиденье. – Твой инструмент в надежных руках.

Я убедился, что так оно и было. Водила Марси, как Джон Стюарт^[26]. Разве что тому не удавалось закладывать такие крутые виражи и на таких скоростях. Честно говоря, убеждался я в этом с некоторой тревогой. Если не с ужасом.

– Как тебе? – сказала Марси.

– Что? – переспросил я, стараясь не смотреть на спидометр.

– Твой подарок.

Ах, да! Совершенно забыл. Я обнаружил, что судорожно сжимаю ее пакет.

– Открой уже и посмотри, – с укором произнесла Марси.

В свертке оказался черный свитер из мягкого кашемира, украшенный алой эмблемой «Альфа-Ромео».

– Эмилио Аскарелли. Новый талант из Италии, – с гордостью произнесла Марси.

Ясно, что у нее были деньги, чтоб позволить себе такого рода подарки. Но зачем она дарит мне свитер? Чувствует себя виноватой?

– Это потрясающе, Марси. Большое спасибо! – поблагодарил я из вежливости.

– Я рада, что тебе понравилось. Одна из граней моей профессии – угадывать вкусы публики, – заметила она.

– А, значит, ты из тех, кто удовлетворяет публику за деньги? – улыбнулся я.

– А разве не все мы так или иначе удовлетворяем публику за деньги? – ответила Марси. В этих словах был неповторимый шарм. И изящество.

Может быть, не так уж она и не права?

Вы можете спросить, отчего я был так уверен, что в постели у нас все будет о'кей, хотя не мог с уверенностью судить даже о собственных чувствах. Но как раз это проще сделать, если нет эмоций. Да, уже само словосочетание «заниматься любовью» подразумевает наличие этой самой любви. Но секс уже давно превратился в очередной вид спорта. Так что в этом плане я не переживал.

Но чем больше я смотрел на очаровательную водительницу и чем меньше – на спидометр, тем меня сильнее одолевали сомнения, посеянные доктором. Если отвлечься от всей этой ее таинственности и моей мнимой враждебности – может ли быть, что Марси мне просто нравится, и я себя обманываю, чтобы скрыть беспокойство?

Разве можно все еще бережно хранить память о том, каково это – заниматься любовью с Дженни Кавильери, на самом деле и в то же время поступать, как я? Смогу ли я изобразить страсть, на самом деле ее не испытывая?

У других людей же это как-то получается. Вот и я смогу!

Более того, теперь это единственно возможный для меня способ.

Кухня ресторанчика «Le Méchant Loup» в Белфорд Хиллс традиционно получает от посетителей оценку «хорошо». Но деревенская атмосфера и удобные номера наверху добавляют недостающий балл до уверенного «отлично». «Уютно раскинувшийся в тени величественных деревьев «Le Méchant Loup» оградит Вас от всех тревог городской жизни».

Чего там не пишут – так того, что это просто идеальное место для свидания «с продолжением». Даже если за обедом вы уснете со скуки, то наверху, в номерах, вам точно будет не до сна. Выяснив, что к этим номерам у нас с Марси все и идет, я пришел к выводу, что мои шансы на успех можно оценить на «отлично».

Тем не менее я беспокоился.

Это место выбрал не я. И заказ делал не я. И не я так виртуозно привез нас сюда на *моем* любимом «Порше».

Мы свернули с шоссе и проехали несколько миль по узкой дороге через лес, пока впереди не забрезжил свет фонаря и перед нами не возникла вывеска «Le Méchant Loup».

Марси (наконец-то!) притормозила и заехала во двор. В лунном свете я разглядел очертания роскошного шале в швейцарском стиле. Внутри виднелись два огромных камина, освещающих мерцающим светом столовую и спальню. Верхние помещения были погружены во тьму. На парковке, помимо моего «Порше», стояла только одна машина – белый «Мерседес SLC». Да уж, сегодня это место явно не было переполнено. Сразу становилось понятно, что общение предстояло... интимное.

– Надеюсь, еда здесь стоит того, чтобы переться в такую даль! – произнес я.

– Надеюсь, ты не будешь разочарован, – в тон мне ответила Марси. И взяла меня за руку.

Мы устроились за столиком рядом с камином. Я заказал напитки.

– Один апельсиновый сок и графин чего-нибудь калифорнийского, но только не французского.

– Сесар Чавес^[27] мог бы гордиться тобой, – сказала Марси, когда официантка отошла, – ты бы еще попросил ее проверить, собраны ли апельсины членами профсоюза.

– Меня никто не уполномочивал следить за соблюдением твоих моральных установок, Марси! – парировал я.

Потом осмотрелся. В огромном зале мы были совершенно одни.

– Мы что, приехали слишком рано? – поинтересовался я.

– Думаю, место здесь отдаленное и публика появляется обычно не раньше выходных, – ответила Марси.

– Вот как, – протянул я и, хотя до этого убеждал себя, что не стоит об этом спрашивать, все-таки спросил ее: – Ты была здесь прежде?

– Нет, – сказала Марси. Я сразу просек, что она лжет.

– Зачем же ты тогда выбрала именно этот ресторан?

– Мне говорили, здесь романтично. И ведь не обманули, правда?

– Да... Тут замечательно, – сказал я. И взял ее за руку.

– У них тут камин в каждом номере, – добавила Марси.

– Это прекрасно, – ответил я.

– Да, по-моему, там мы точно не замерзнем, – улыбнулась она в ответ.

Мы помолчали какое-то время. Потом я призвал на помощь всю непринужденность, на какую был способен, и спросил:

– А что, там, наверху, у нас заказан номер?

Марси кивнула. И тут же добавила:

– На всякий случай.

Я обнаружил, что нахожусь совсем не в таком хорошем настроении, как хотелось бы.

– На случай чего? – спросил я.

– Ну, например, снегопада, – предположила Марси и крепче сжала мою руку.

Официантка принесла стакан сока для Марси и графин с вином для меня. Жар от камина в сочетании с вином подогрели во мне желание узнать правду.

– Скажи, Марси, а на чье имя ты делала заказ? – уточнил я.

– Дональд Дак, – с непроницаемым лицом ответила она.

– Нет, в самом деле, Марси. Мне интересно, какие имена ты выбираешь для разных случаев, – не отставал я.

– ?

– Например, в Кливленде.

– Опять про Кливленд? – закатила глаза Марси.

– Мне просто интересно, под каким именем ты останавливалась в Кливленде? – во мне проснулся дотошный внутренний юрист.

– Ни под каким, – ответила она, не задумываясь. И не растерявшись.

Попалась!

– То есть я не останавливалась там в отеле, – добавила она.

Даже так?

– Но ты ездила в Кливленд?

Марси поджала губы.

– Оливер, – сказала она после небольшой паузы. – Зачем весь этот допрос?

Я улыбнулся.

– Марси, друзья ведь должны быть искренними друг с другом, не так ли? – Кажется, сработало. Мое «друзья» произвело на Марси необходимое впечатление.

– Очевидно, – ответила она.

Похоже, что моя деликатность и непринужденный тон смягчили ее. Тогда я спросил прямо:

– Ты ведь многое скрываешь о себе?

– Я действительно была в Кливленде, Оливер.

– Хорошо, а что насчет всего остального?

Марси помолчала. А потом кивнула.

Получается, я был прав. Ситуация наконец прояснилась. Или начинала проясняться.

Мы долго не произносили ни слова. Марси просто сидела молча, уставившись на огонь в камине. Но я чувствовал брешь в ее ауре несокрушимой самоуверенности. Она выглядела... ранимой, что ли. Я даже почувствовал угрызения совести. Которые тут же подавил.

– Ну и?..

Марси наклонилась вперед и коснулась моей руки.

– Слушай, знаю, я была скрытной. Но пожалуйста, не обижайся. Я тебе все расскажу.

Что все это значит? Ладонь она не отдернула. И предложила:

– Может, закажем обед?

Что делать – дать ей тайм-аут? Но тогда я рискую упустить момент истины!

– Марси, мы можем вначале поговорить? – сказал я.

Она заколебалась. Потом ответила:

– Если ты так настаиваешь.

– Пожалуйста, помоги мне разобраться, ладно?

Она кивнула. И я приступил к зачитанию показаний со стороны обвинения.

– Что бы ты подумала о девушке, которая не оставляет ни адреса, ни телефона? Которая уезжает в командировку и останавливается непонятно где и которая никогда не рассказывает – точнее, тщательно избегает любых разговоров – о роде своих занятий?

Похоже, облегчать мне задачу Марси не собиралась:

– Ну, так и что ты подумал?

– У тебя есть кто-то еще, – сказал я спокойно и без всякого осуждения.

Марси улыбнулась, но в ее улыбке сквозило напряжение. Она покачала головой.

– Или ты замужем. Или тот, с кем ты встречаешься, женат.

Марси внимательно посмотрела на меня:

– Подчеркните правильный ответ?

– Да.

– Тогда все мимо.

Вот же засада!

– Оливер, зачем мне тогда с тобой встречаться? – сказала Марси.

– Наверное, у вас свободные отношения.

Похоже, это определение прозвучало для нее совсем не лестно.

– Оливер, я не такая.

– А какая же ты?

– Сложно сказать, – ответила она. – Немного авантюристка, наверное.

– Скорее завравшаяся дрянь, – выпалил я.

И немедленно пожалел об этом.

– Это вы сейчас привели пример терминологии, которая используется в суде, мистер Барретт? – наконец произнесла Марси.

– Нет, – вежливо ответил я. – Просто там бы я мог привлечь тебя за лжесвидетельство, а тут не могу.

– Почему же ты такой придурок, Оливер! Обаятельная и довольно привлекательная девушка буквально вешается тебе на шею. А ты начинаешь играть в великого инквизитора, вместо того, чтобы вести себя как нормальный мужик! – взорвалась она.

Это «нормальный» меня и добило. Вот же сучка!

– Послушай, Марси, если тебе не нравится, как я себя веду, давай с этим закончим! – заорал я.

– А у нас что, что-то *начиналось*? Если тебе вдруг срочно понадобилось пойти куда-то: в суд, в церковь, да хоть в монастырь – я тебя не держу! – буркнула Марси.

– С превеликим удовольствием, – ответил я и встал из-за стола.

– Пока! – сказала она.

– Пока! – ответил я. Но ни один из нас не двинулся с места.

– Иди. Я заплачу, – сказала Марси и отмахнулась, словно от мухи.

И все же просто так я уйти не мог:

– Слушай, я же не законченный сукин сын. Не могу же я оставить тебя в этой дыре одну!

– Пожалуйста, не надо играть в галантность. У меня есть машина.

Да что же это такое! Опять она попала на откровенном вранье?

– Ты же говорила, что ни разу не была здесь. Откуда же здесь взяться машине? Она у тебя что, на дистанционном управлении? – решил я ее добить.

– Оливер, – сказала Марси. Судя по всему, она здорово разозлилась, – я не собираюсь лечить тебя от паранойи. Но, чтобы ты уже, наконец, свалил, скажу, что машину подогнал мой коллега по работе. Потому что, независимо от того, чем кончится наше свидание, утром я должна быть в Хартфорде^[28].

– Почему в Хартфорде? – потребовал я, хоть это меня правда совершенно не касалось.

– Потому что мой богатый любовник хочет застраховать мою жизнь на миллион долларов! – не выдержала Марси. – А теперь катись к черту!

Я понял, что в самом деле зашел слишком далеко, и смутился. Мне стало ясно, что нам обоим надо перестать орать и успокоиться. Но мы сказали друг другу такие ужасные вещи, что остаться я просто *не мог*.

На улице шел сильный дождь. Я весь вымок, пока открывал машину.

– Может быть, прокатимся?

Эти слова принадлежали Марси, которая стояла позади меня. С серьезным лицом. Она даже плащ не накинула, прямо так выскочила под дождь.

– Нет, Марси. Мы уже слишком долго ходим кругами. – С этими словами я, наконец, разделался с замком и распахнул дверцу.

– Оливер, я же не просто так...

– Уверен, что не просто так, – отрезал я.

– Но ты не оставил мне ни единого шанса объяснить...

– А ты не сказала мне ни единого слова правды! – крикнул я.

Потом сел в машину и закрыл дверь. Марси стояла все так же неподвижно и смотрела на меня. Я завел мотор. Потом опустил стекло. Она наклонилась ко мне.

– Ты позвонишь? – тихо спросила она.

– Ты не оставила мне своего номера, помнишь? – сказал я, даже не думая издеваться. – Подумай об этом.

Я вдавил педаль газа и унесся по направлению к Нью-Йорку. Собираясь забыть Марси Нэш навсегда.

– Чего вы испугались?

Таким был единственный комментарий доктора Лондона, когда я закончил рассказ.

– А я не испугался, – поправил его я.

– Но вы убежали, – заметил Лондон.

– Просто стало совершенно очевидно, что Марси Нэш – обычная стерва, которой что-то было от меня нужно!

– То есть, от вас ей нужен был секс?

Да он сама наивность!

– Нет, вы не поняли, доктор, – попытался я объяснить терпеливо, как только мог. – Моя фамилия – синоним слова «деньги». Не нужно много труда, чтобы узнать.

Ваша честь, у меня все. Заявление сделано, в зале суда тишина.

– Вы в это сами не верите, – наконец изрек доктор Лондон. То, с каким убеждением он это произнес, заставило меня и правда усомниться в собственных доводах.

– Пожалуй, я действительно в это не верю, – с неохотой признался я.

Мы снова помолчали какое-то время.

– Так, хорошо, из нас двоих доктор – вы. Вот и скажите мне: что же я чувствую? – наконец произнес я.

– Оливер, – сказал он, – вы же сюда пришли для того, чтобы разобраться в самом себе. – А потом повторил вопрос: – Так что вы чувствуете?

– Пожалуй, обиду, – поделился я.

– Больше ничего? – упорствовал Лондон.

– Страх... Ну, самую малость, – выдавил я из себя.

– Что вас пугает?

На этот вопрос я не мог ответить сразу. Да и вообще вслух. Да, я боялся. Не того, что Марси признается: «Да, я живу с игроком НХЛ, у которого ученая степень по астрофизике, – это меня так возбуждает!».

Нет. Больше всего я боялся услышать: «Оливер, ты мне нравишься».

Такой вариант развития событий потряс бы меня куда сильнее.

Марси определенно была для меня загадкой. Но не в том смысле, как, к примеру, Мата Хари. И уж, конечно, она не Блудница Вавилонская. Потому что единственным недостатком этой девушки было полное отсутствие каких-либо недостатков. А значит, мне совершенно точно нужно было найти в ней хоть какой-нибудь изъян! И, что бы там ни вынудило Марси мне врать, сам я вел себя не лучше. Пытаясь себя убедить, что она мне... безразлична.

Что не совсем так. Вернее, почти совсем не так.

Вот оттого-то я и запаниковал и сбежал: мне показалось, что даже сама мысль о том, что мне может нравиться кто-то еще, будет предательством по отношению к Дженни. Единственной девушке, которую я когда-либо любил по-настоящему.

Но не могу же я провести всю жизнь в своей скорлупе, трясясь от страха, как бы нормальные, живые эмоции не застали меня врасплох! Вот только легче от понимания проблемы мне почему-то не стало. Теперь меня раздирали два вопроса.

Первый: как не осквернить светлую память о Дженни?

Второй: где искать Марси Нэш?

– Знаешь что, Барретт, ты – чокнутый лунатик! – Стивен был вне себя от негодования. И еще бы: я выдернул его прямо с очередной смены в больнице и притащил сюда, в теннисный клуб «Готхэм». Где, как я надеялся, встречу Марси Нэш.

– Да помолчи ты, Симпсон! – сказал я, сделав рукой соответствующий жест: потише, мол.

– С какой стати? Боишься теннисные мячики разбудить? – на лице Симпсона читалось недоумение и отвращение. – Так что, Барретт, – ныл он, переодеваясь из медицинской спецодежды в спортивный костюм, который я принес для него, – может, ты все-таки расскажешь, зачем мы сюда приперлись в такую рань.

– Мне очень нужна твоя помощь, Стив. Как партнера, которому я могу доверять.

Конечно, он ничего не понял: я ведь ему рассказал далеко не все.

– Слушай, – продолжал он, – я и так трачу все свое свободное время на пробежки в Центральном парке с тобой. Не могу же я всю жизнь помогать тебе с такими мазохистскими начинаниями! Зачем мы приперлись играть в теннис *засветло*, черт тебя дерит?!

– Стив, я тебя очень прошу, – произнес я настолько убедительно, что Симпсон проникся. То есть хотя бы брюзжать перестал.

Мы вышли из раздевалки и побрели к кортам. Стив шел медленно от усталости, а я – потому что голова пухла от мыслей.

– Кажется, у нас корт номер шесть, – сказал Стив. И зевнул во весь рот.

– Знаю. – По дороге я рассматривал тех, кто тренировался на первых пяти кортах. Марси там не было.

Мы проторчали в «Готхэме» до восьми утра. Когда стало ясно, что затея успехом не увенчалась, Стив уже еле стоял на ногах и отчаянно просился домой. Впрочем, и сам я играл из рук вон плохо.

– Да, Барретт, ты явно не на высоте сегодня, – пропыхтел Симпсон, когда мы переодевались. – Небось и сам переутомился?

– Да-да, – ответил я, думая, где же может быть Марси. Может, снова уехала в Кливленд?

– Стив, пожалуйста, будь другом, окажи мне услугу. Речь идет об очень важном деле! – попросил я.

– Что еще? – подозрительно спросил он.

– Сыграй со мной еще раз. Завтра.

Мой умоляющий тон подсказал Симпсону, что дело серьезное.

– Ну ладно. Но не в шесть утра, – сказал он.

– В том-то и проблема, что нужно именно в шесть! – упорствовал я.

– Только не шесть утра, черт тебя дери, Барретт!!! Всему есть предел! – завопил Симпсон. И врезал кулаком по шкафчику.

– Пожалуйста, – повторил я. И признался: – Стив, тут замешана девушка.

Он широко раскрыл слипающиеся глаза:

– Правда?

Я кивнул. А потом рассказал, что мы с Марси встретились в этом клубе, и я просто не знаю, где еще ее искать.

По-моему, это успокоило Стивена. И он согласился. Но уточнил:

– А если она не придет и завтра?

– Тогда мы просто будем ходить сюда, пока она не появится, – честно ответил я.

Он только пожал плечами. Друг остается другом, даже если он не выспался и вымотан до последней степени.

На работе я по-прежнему допекал Аниту вопросами, были ли звонки. Даже если требовалось всего на минутку отлучиться в туалет, возвращался я оттуда с неизменным «Мне кто-нибудь звонил?».

Если Анита уходила обедать, я оставался за нее, и таким образом телефон ни минуты не оставался без присмотра (не доверяю этим новомодным коммутаторам). Я не пропустил бы звонка Марси.

Только вот она не звонила.

В среду днем пришлось отлучиться на предварительные слушания, так что меня не было целых два мучительных часа. Я вбежал в двери офиса где-то в пятнадцать минут шестого. И первым делом заорал:

– Анита, мне кто-нибудь звонил?

– Да, вам звонили, – ответила Анита, закатив глаза.

– Отлично... *Кто?*

– Ваш доктор. Будет дома этим вечером после восьми.

С чего бы Лондону понадобилось звонить мне в офис? Неужели у меня все настолько плохо, что, так как мы не смогли в тот день встретиться, он решил принять меня у себя дома?

– Что *конкретно* он сказал? – стал я додумывать Аниту.

– Господи боже мой, я же сказала! Она просто просила передать... – стала объяснять та.

– Это была *женщина*? – изумился я.

– Можно я договорю до конца? Так вот, она просто просила передать вам: «Доктор Стайн этим вечером будет дома», – закончила Анита.

– Стайн... – разочарованно протянул я. Значит, звонила Джоанна.

– А вы думали, кто? Джонас Солк^[29]? – съязвила Анита.

Я на секунду задумался. Так, может быть, сейчас мне необходима именно дружеская беседа с кем-нибудь вроде Джоанны? Но это будет нечестно. Она слишком... цельная натура для такого мужчины, как я.

– Больше ничего? – жалобно спросил я.

– Я оставила несколько записок. Все насчет внутренних дел компании. Я могу идти? – сказала Анита.

– Да, да... – отмахнулся я.

Я ринулся к рабочему столу. Все Анитины записки, как я и думал, относились к делам, которые вела фирма. Ни слова от Марси.

Прошло два дня. Новая напасть – теперь старик Джонас пригласил меня на совещание в свой офис. Черт! Я пообещал Аните оплатить ей ланч, если она посидит пока в офисе. С Джонасом и Маршем мы стали обсуждать дело Гарольда Бэя. Он работал в ФБР – занимался прослушкой телефонных переговоров. Только однажды внезапно понял, что прослушивают его самого. «Жучки» были в те дни весьма распространенным явлением. Но Гарольд и сам мог рассказать кучу историй о слежке за многими известными политическими деятелями в Белом доме. Естественно, с деньгами у него было негусто. Но Джонас посчитал это дело важным – «общество должно быть в курсе, что творится сейчас в Вашингтоне».

Совещание закончилось, и ровно через секунду я уже был у дверей своего кабинета. И снова додумывал Аниту:

– Ну как, были звонки?

– Звонили из Вашингтона, – ответила она. Судя по всему, это произвело на нее впечатление. – Директор Бюро экономических перспектив.

– Ну надо же, – сказал я без особого энтузиазма. – Кто-нибудь еще звонил?

– А кого вы хотели услышать-то? Неужели Жаклин Онассис? – язвительно уточнила Анита.

– Не шути так больше, милочка, – отрезал я и с грохотом захлопнул дверь.

Я успел, однако, расслышать, как Анита удивленно пробормотала:

– И *какая муха* его укусила?

Конечно, я не только сидел и ждал звонка, но и каждое утро играл в теннис. Если Симпсон не мог играть, я брал «уроки» у Пэтти Кларка, тамошнего тренера-ветерана:

– Слушай, сынок, Пэтти учил всех. Отсюда его ученики шли напрямиком на Уимблдон!

– Может, вы помните и Марси Нэш?

– Ты о той маленькой красотке...

– Да, да...

– ... которая в паре с этой рыжей выиграла в сорок восьмом году?

– Проехали, Пэтти. Забудьте.

– Честно говоря, не помню даже, занимались мы с ней или нет.

Несмотря на то, что я стал полноправным членом теннисного клуба «Готхэм» (шансы быть принятым в который были пропорциональны толщине кошелька), помогать мне там не стали. Клуб не предоставлял никому никакой информации о своих членах.

– Вы хотите сказать, что у вас нет списков? – ошарашенно спросил я.

– Они только для внутреннего пользования. Прошу прощения, мистер Барретт.

У меня даже в какой-то момент была мысль попросить Гарольда Бэя поставить их телефон на прослушку. Конечно, я этого не сделал, но теперь вы понимаете, в каком я был тогда состоянии?

К тому же, я каждый день бегал в парке. Пытаясь разглядеть лица бегущих мне навстречу людей. Безрезультатно. Чем бы ни занималась

Марси, должно быть, она проводила в разъездах много времени. Но я не сдавался.

Мне думалось, что неплохо бы проверить все счета в «21», потому что, когда я попытался выяснить у метрдотеля Дмитрия, с кем я ужинал в тот день, у того начался приступ неконтролируемой амнезии.

Естественно, я заходил и в «Биннендейл». Выдумав довольно плохонькую историю о богатой тете и ее наследстве, я выяснил, что среди персонала числятся трое по фамилии Нэш. С каждым из них я побеседовал лично.

С первой, в отделе женской обуви, мне удалось встретиться с Присциллой Нэш. Приятная пожилая женщина проработала в магазине больше сорока лет. Она никогда не была замужем, из родственников у нее был только дядя Хэнк, который жил в Джорджии, а в квартире она уютилась с котом по кличке Агамемнон. Вся эта информация обошлась мне в восемьдесят баксов – ровно столько стоила пара женских сапожек, которые я купил якобы «в подарок на день рождения для моей сестры». Сапожки я подарил Аните, и, похоже, она окончательно убедилась, что я сбрендил.

В отделе мужской одежды работала девушка по имени Элви Нэш, шикарная и очень симпатичная чернокожая красотка.

– Вам помочь? – просияла она. Да уж, помогите мне!

Начала она с того, что поведала мне главную модную тенденцию – сочетать рубашки со свитерами. Я не успел глазом моргнуть, как стал обладателем целых шести комплектов. Которые обошлись мне в триста с лишним долларов.

– Теперь девушки на вас будут просто вешаться. Вы выглядите просто потрясающе! – похвалила меня мисс Элви напоследок. И я удалился, выглядя просто потрясающе. Но, к сожалению, только выглядя.

К счастью для моих финансов, третьим и последним из Нэшей оказался байер Родни П. Нэш, который, к тому же, последние шесть недель отдыхал где-то в Европе.

– И что мы в итоге имеем? – спрашивал Стив, который прямо-таки стоически терпел утренние игры в теннис со мной.

– Ничего, – сокрушался я.

А еще меня изводил постоянно повторяющийся кошмар.

Каждый раз я заново переживал мучительную ссору с Дженни, произошедшую в первый год нашего брака. Тогда Дженнифер начала убеждать меня, что мне нужно встретиться с отцом или хотя бы помириться с ним по телефону. До сих пор мурашки по коже, стоит лишь вспомнить, как я кричал на нее. Прямо словно с цепи сорвался! Испугавшись, она ушла из дому бог знает куда. Я искал ее по всему Кембриджу – безуспешно. Но когда я вернулся домой, Дженни сидела на ступеньках и ждала меня.

Все это снилось мне каждую ночь. С одной только поправкой: в моих снах она не возвращалась. Я сбивал ноги с тем же рвением. Я возвращался в таком же отчаянии. А в конце никто не ждал меня на крыльце.

Что это, черт возьми, значит? Я боюсь, что потерял Дженни?

Или хочу (!) ее потерять?

Доктор Лондон предположил: может быть, эта ситуация напоминает то, что у меня произошло с другой девушкой, которую я обидел так же, как и Дженни?

Да. Я разыскиваю Марси Нэш.

Но что общего у Марси и Дженни?

Конечно, ничего.

Через три недели я сдался. Марси (или как там ее на самом деле зовут) не позвонит. Да и в чем тут ее вина? Между тем, жесткий график тренировок уже грозил свести меня в могилу. Не говоря уж о постоянном ожидании звонка. Конечно, на работе дела тоже шли отвратительно – если на них вообще оставалось время. Все катилось к чертям! За исключением настроения, которое уже и без того было ниже плинтуса. С этим надо кончать. К трехнедельному юбилею моего поражения при «Le Méchant Loup» я сказал себе: дело закрыто. Завтра снова становлюсь нормальным человеком. И, чтобы достойно отметить это великое достижение, я решил слегка расслабиться.

– Где вас искать, если будете нужны? – спросила Анита, которая смертельно устала от меня за эти три недели.

– Никому я не нужен, – ответил я. И с гордо поднятой головой отправился домой.

Теперь меня больше не будут мучить видения: нет, это не Марси в двух шагах впереди – это просто очередная блондинка высокого роста. Как-то я даже увидел одну такую с ракеткой в руках. Мне стоило немалых усилий ее догнать – это оказалась еще одна копия Марси. Кажется, Нью-Йорк прямо-таки кишит ими.

Когда дойду до 50-й авеню, надо обязательно пройти мимо «Биннендейл». Так, как было три недели назад, – спокойно. С приятными мыслями – за какое новое дело взяться или что купить на ужин. Больше никаких дорогостоящих расследований, никакого систематического прочесывания отделов в надежде наткнуться на Марси во «Все для тенниса» или «Женском белье». Просто брошу взгляд на витрину и пройду мимо.

Так. Стоп. С моего последнего (то есть вчерашнего) посещения тут, похоже, что-то изменилось. Новая вывеска гласит: «ЭКСКЛЮЗИВ – ТОЛЬКО ЧТО ИЗ ИТАЛИИ. НОВИНКА ОТ ЭМИЛИО АСКАРЕЛЛИ».

Мощный торс манекена был затянут в кашемировый свитер. Черный. С эмблемой «Альфа-Ромео». Я мог хоть сейчас привлечь владельцев за лжесвидетельство, предъявив в качестве вещественного доказательства собственное тело. По странному совпадению

облаченное в такой же свитер. Который я получил несколько недель назад. Три, если быть точным.

Вот тебе и зацепка! Кто-то подарил или продал его Марси, и этот кто-то, видимо, занимается импортом таких вещичек. С этими данными на руках можно было снова идти на штурм цитадели – потребовать ответы и наконец получить их.

Остановись, Оливер. Ты говорил, что инцидент исчерпан, и он на самом деле исчерпан. Жизнь продолжается. Дело о чертовом кашемировом свитере закрыто.

Через несколько минут я уже был дома и перебирал свою обширную коллекцию спортивных костюмов, планируя пробежку в Центральном парке. Выбор носков уже сузился до трех или четырех, когда зазвонил телефон.

Ну и пусть себе звонят, пока не надоеет. Сейчас мне важнее выйти пробежаться.

Что-то им не надоедало. Скорее всего Анита с каким-нибудь очередным важным вопросом из Вашингтона.

Я взял трубку и сообщил:

– Барретта нет дома.

– Да? Вероятно, он вышел со своим клиентом в открытый космос?

Черт меня подери, это была Марси.

– Э-э... – И почему в такой момент это все, на что оказалось способно мое красноречие?!

– Чем занимаешься? – спросила она довольно деликатно.

– Собираюсь побегать в Центральном парке, – ответил я.

– Жаль. Я могла бы присоединиться, но уже бегала утром.

Теперь понятно, почему у меня не получалось встретиться с ней на пробежке по вечерам.

– Вот оно как, – протянул я. И торопливо добавил: – Жаль.

– Я звонила тебе в офис, хотела узнать, не хочешь ли ты со мной пообедать. Но если ты собираешься...

– Честно говоря, я немного проголодался, – тут же пошел я на попятную.

Марси немного помолчала, а потом произнесла:

– Это хорошо.

– Где встретимся? – спросил я.

– Можешь забрать меня? – ответила она вопросом на вопрос.

Я могу – *что?!*

– А где ты? – поинтересовался я.

– В «Биннендейл». Мой офис на верхнем этаже. Просто скажи, что ты к...

– О'кей. Когда? – перебил я Марси.

– Не торопись. Когда тебе удобно. Я подожду, – ответила она.

– О'кей.

Трубки мы положили одновременно.

Передо мной встал вопрос, что делать: отправиться прямо так? Или вначале побриться и принять душ?

Я нашел компромисс: сначала душ, потом взять такси. Через пятнадцать минут я уже был у «Биннендейл».

Сначала я хотел подняться по лестнице, но потом рассудил, что появиться с пожарной лестницы – как-то не солидно. Пришлось дожидаться лифта. И ползти на нем на самый верх.

Когда двери раскрылись, я попал в самый настоящий рай. Ковер лежал, словно огромный участок девственно-прекрасного песчаного пляжа. И был таким же мягким на ощупь. У самой кромки «берега» сидела секретарша. За спиной у нее виднелась Америка – карта Соединенных Штатов с маленькими флажками, которые указывали расположение филиалов сети «Биннендейл».

– Вам помочь, сэр? – спросила секретарша.

– Э... Да. Меня зовут Барретт... – промямлил я.

– Да. Вы к Марси, – подсказала она.

– Э... Верно, – кивнул я.

– Пройдите по вот этому коридору до конца, – указала секретарша.

Я рванул вперед, но тут же заставил себя притормозить. Барретт, не беги. Иди как можно медленнее.

Коридор был удивительно красивым и казался почти бесконечным. Впрочем, компания подобралась славная.

Вначале я миновал офис Уильяма Эшворта (главный менеджер по маркетингу).

Потом Арнольда Х. Сандела, казначея.

Затем Стивена Николса-младшего, первого вице-президента.

Наконец коридор закончился. Я оказался в просторной приемной, где сидели сразу две секретарши.

Когда я вошел, позади них распахнулись высоченные двери.

И появилась Марси.

Я застыл на месте.

Марси смотрела на меня, а я на нее. Никакие подобающие ситуации слова на ум не приходили.

– Заходи, – наконец сказала она (первый приз за самообладание).

Мы вошли. И оказались вдвоем в огромном, элегантно обставленном кабинете. Ну, теперь мне все стало ясно.

После долгой паузы она заговорила:

– Последние три недели были скверными.

– Да уж. Я почти разорился в этих бутиках, пока пытался найти тебя.

Марси улыбнулась.

– Послушай, – сказал я, – кажется, я был чересчур нетерпелив.

– Понимаю, – ответила она. – Я тоже была чересчур скрытной.

Но теперь загадка разрешилась.

– Это не ты работаешь в «Биннендейл». Скорее он работает на тебя, – подытожил я.

Марси кивнула. Почти смущенно.

– Мне надо было сказать тебе раньше, – произнесла она.

– Все нормально. Теперь я все понимаю.

Марси вздохнула с облегчением, как будто у нее гора с плеч свалилась.

– Ты даже не представляешь, как мне это знакомо. Когда ты богат, то всегда задаешь себе идиотский вопрос: «Они любят меня или мои деньги?» Знакомо ведь? – спросил я.

– Знакомо...

Мне хотелось сказать больше. Например: «Ты же красива. Умна. У тебя есть тысячи достоинств, которые привели бы в восторг любого парня». Но я не мог. Пока.

Кто-то должен был сделать первый шаг.

– Пойдем отсюда, – предложил я.

Она кивнула. Покопалась в верхнем ящике стола и кинула мне ключ.

– Машина припаркована внизу.

– Хочешь, чтобы вел я? – улыбнулся я.

Марси улыбнулась в ответ и опять кивнула:

– Но пожалуйста, Оливер, будь осторожен. Мои инструменты не менее хрупкие, чем твои.

Кажется, я видел это в газетах пару лет назад. Уолтер Биннендейл, основатель сети магазинов «Биннендейл», внезапно скончался, и его империю магазинов в 11 городах унаследовала совсем юная дочь Марси.

Когда-то у нее был старший брат. Любители гонок помнят, как в 1965 году Бин Биннендейл разбился у Зандфорта всего через несколько секунд после того, как обошел Буасье и стал лидером гонки. Так что Марси осталась единственной наследницей. Всезнающие журналюги, конечно, предсказывали, что юная мисс Биннендейл продаст фирму и заживет, как полагается богатой наследнице. Однако двадцатичетырехлетняя Марси решила заняться бизнесом и продолжить дело своего отца.

Эксперты злорадно посмеивались. То, что Марси Нэш взяла на себя управление компанией, несомненно, должно было привести ее к разорению. Только вот дела «Биннендейл» почему-то шли на удивление хорошо. Настолько, что через два года была открыта новая сеть филиалов на западном побережье. В прессе такое положение вещей охарактеризовали фразой: «Новичкам всегда везет», думая, что это везение продлится недолго. Когда новый, семнадцатый, филиал открылся в Лос-Анджелесе, прибыль Биннендейлов удвоилась. Может, конечно, Марси просто повезло, но теперь те, кто раньше втихаря смеялся над ней, поняли, с кем имеют дело.

Периодически я читал что-то о невероятном успехе торговой сети «Биннендейл». Но имя той, кто стоял во главе компании, упоминалось совсем невзначай. О Марси практически не писали. Ее лицо оставалось неизвестным для широкой публики – ни одной фотографии в газетах. Никакой скандальной хроники брака в журнале «People», никаких подробностей о разводе – ничего. Подобная анонимность почти нереальна, если тыходишь в число богатейших людей страны. А уж если еще и являешься по совместительству одной из красивейших женщин – тем более. Так что я даже не особенно удивился бы, если бы узнал, что Марси платит за то, чтобы о ней не писали.

Таков был ход моих мыслей, пока я вел белый «Мерседес» Марси вдоль по Меррит-Парквей. Перед тем, как мы выехали, я воспользовался телефоном в ее кабинете – отменил визит к доктору Лондону. А Марси попросила секретаршу «послать куда подальше все сегодняшние встречи». Мы сели в машину, и я вдавил педаль газа.

Марси улыбалась, наблюдая, как я глумлюсь над ее частной собственностью:

– Оливер, сама не понимаю, почему, но ты мне нравишься. Только ты до крайности импульсивен!

– Знаешь, ты ничуть не лучше. Если бы ты с самого начала сказала: «Моя фамилия Биннендейл», мы бы избежали стольких проблем! Я бы ответил: «Ну и что? Это восхищает меня намного меньше, чем твоя попка», – сказал я с улыбкой.

Ее взгляд говорил, что она поверила.

– Слушай, я знаю, что это немного отдаёт паранойей. Но ты же помнишь, что мне уже однажды не повезло, – пролепетала она.

– Что же такого натворил твой бывший муж? – спросил я.

– Мне? Или кому-то еще? Поточнее, пожалуйста, – сказала Марси.

– Например, что он делает сейчас? – задал я очередной вопрос.

– Ничего, – ответила она.

– Ничего?

– Хорошо, скажем так, он... в шоколаде, – сказала Марси.

Очень странным тоном. Стоп... Не имела же она в виду то, что я сейчас подумал?..

– То есть ты... платишь ему, ты хотела сказать?

– Я не «хотела сказать». Я сказала. Теперь он богатый разведенный муж.

Поразительно! Как же так вышло, что из всех людей именно Марси пришлось *так* обмануться в человеке?

Я даже не спрашивал, но она все рассказала. Потому что хотела, чтобы ее выслушали.

– Я училась в колледже и сама толком не понимала, в чем моя роль в этой жизни. И тут, откуда ни возьмись, появляется парень – такой красивый, такой харизматичный...

Мне захотелось побыстрее проскочить эту часть рассказа.

– ... который говорит то, во что я так хотела поверить. – Она замолчала. И продолжила через мгновение: – Я была ребенком. И

влюбилась, как сумасшедшая.

– Что же было потом? – спросил я.

– Ну, папа все еще надеялся уговорить брата вылезти из сиденья болида и присоединиться к совету директоров. Конечно, Бин не собирался внимать папиным мольбам и наставлениям. Так что, когда я представила ему Майкла, папа обалдел от настолько шикарной партии. Он казался отцу чем-то средним между Иисусом Христом и Альбертом Эйнштейном – разве что прическа у Майкла была поскромнее. В общем, папа считал его абсолютным совершенством, и даже если бы очень захотела, в обратном я бы его убедить не смогла. Думаю, он даже меня полюбил сильнее, когда я привела вот такого неотразимого «нового сына». Во время свадьбы я была уверена, что он даже «Согласен» скажет за меня.

– А Бин как реагировал? – прервал ее я.

– Возненавидел Майкла с первого взгляда. Надо сказать, это у них было взаимно. Брат всегда говорил мне, что мой парень – «барракуда в костюме», – ответила Марси.

– Видимо, это и правда было так? – уточнил я.

– Ну... Это не совсем справедливо. Я имею в виду, по отношению к барракудам, – сказала она.

Похоже, Марси шутила так не в первый раз. И прозвучало это далеко не весело.

– Так все-таки почему вы расстались? – задал я главный вопрос.

– Майкл не любил меня.

Марси сказала это таким голосом, словно ей было все равно.

– То есть? – настаивал я.

– Думаю, Майкл просек, что даже несмотря на то, как к нему относился Уолтер, рано или поздно Бин возьмется за ум и станет боссом. Идея быть дублером его не вдохновила, и он самоустранился.

– Вот гад, – глубокомысленно резюмировал я.

– Да. Всего-то надо было потерпеть чуть меньше, чем полгода... – она не договорила. Даже не пожелала Майклу гореть в аду.

Я вообще не знал, как отреагировать на ее рассказ. Ну не говорить же: «Мне жаль, что он с тобой так поступил?» Так что я просто молчал и следил за дорогой. Под музыку Джоан Баэз^[30].

Потом мне вдруг пришел в голову новый вопрос:

– Марси, скажи, а почему ты думаешь, что со мной будет иначе?

– Не знаю. Я просто надеюсь...

Марси запнулась. И коснулась моей руки. По спине побежали мурашки. Это было больше, чем обычное общение. Так, нужно приступить к решительным действиям.

– Марси, а у тебя не возникало никаких ассоциаций в контексте моей фамилии? – спросил я.

– Нет. А должны были? – Тут ее осенило: – Постой, Барретт... Инвестиционный банк? Заводы? Так это твои родственники?

– Дальний родственник. Мой отец.

Некоторое время мы ехали молча. Потом она тихо произнесла:

– Я не знала.

Признаюсь, *мне* было приятно.

Мы ехали все дальше – в ночной бархат, опустившийся на город.

Я уже не сомневался в своих намерениях. Просто искал подходящее место.

– По-моему, там должен быть камин.

– Да, Оливер.

Мы остановились в «Хижинах дяди Эбнера» в Вермонте. Они были расположены прямо на берегу озера Кенауоки. Шестнадцать с половиной долларов ночь – дрова для камина были включены в стоимость. Мы перекусили в ближайшем бистро «Говард Джонсонс» – я решил, что перед тем, как провести незабываемую ночь перед камином, устрою Марси классный ужин.

За едой мы вспоминали детство.

Я доконал Марси историей своего преклонения перед отцом, смешанного с моим вечным стремлением идти ему наперекор. Она, в свою очередь, рассказала о своей вариации на тему: оказывается, все, что она делала в жизни, было вызовом ее Большому Папочке.

– Честно говоря, он вообще вспомнил о моем существовании, только когда Бин погиб, – закончила Марси свою тираду.

Наш разговор напоминал беседу актеров, сравнивающих свою игру в разных постановках «Гамлета». Только вот Марси не желала играть Офелию. Она, как и я, была меланхоличным принцем. Мне всегда казалось, что женщины соперничают со своими матерями. Но свою мать Марси не упомянула в разговоре ни разу.

- А мама у тебя есть? – наконец не выдержал я.
- Да, – ответила она совершенно ровным голосом.
- Она жива? – спросил я.

Марси кивнула.

– Они с Уолтером развелись в 1956-м. Она не добивалась родительских прав. Вышла замуж за торговца недвижимостью из Сан-Диего.

- Ты ее никогда не видела? – изумился я.
- Почему же, она пришла на нашу с Майклом свадьбу.

Марси скорчила подобие улыбки, но это не убедило меня, что разговор о матери не вызывает у нее никаких эмоций.

- Прости. Не надо было об этом.
- Я бы все равно рассказала. Твоя очередь, – подтолкнула меня

Марси.

- Что? – не понял я.
- Расскажи что-нибудь ужасное о своем прошлом, – попросила она.

Я задумался на минуту. А потом признался:

- Ну, я не всегда соблюдал правила, когда играл в хоккей.
- В самом деле? – загорелась Марси.
- Угу.
- Оливер, я хочу подробностей.

Она на самом деле хотела их. Полчаса я рассказывал всякие истории из моего хоккейного прошлого, но Марси все было мало. И тогда я легонько прикоснулся указательным пальцем к ее губам:

- Давай завтра, Марси.
- Когда я расплачивался, она заметила:
- Это был лучший ужин в моей жизни.
- Почему-то я решил, что речь идет не о макаронах и мороженом.

Рука в руке, мы вернулись в «Хижины».

Зажгли камин.

И помогли друг другу снять напряжение этого вечера.

Потом произошло самое приятное – как-то само по себе. После чего мы заснули в объятиях друг друга.

Хотя Марси проснулась рано, я уже сидел на берегу и наблюдал восход солнца. В плаще и с растрепанными волосами Марси подошла,

села рядом и прошептала (хотя вокруг не было ни души):

– Как ты, Оливер?

– О'кей. – Я коснулся ее руки. Зная, что и голос, и глаза выдали то, что я чувствовал на самом деле.

– Тебя что-то беспокоит?

Я кивнул.

– Потому что ты думал о... Дженни?

– Нет, – сказал я и посмотрел в сторону озера. – Потому что не думал.

Потом мы встали и двинулись в «Говард Джонсонс» завтракать.

– Какие чувства вы испытываете?

– Неужели по мне не видно, доктор?

На моем лице сияла улыбка до ушей. Интересно, какие еще симптомы нужны доктору Лондону, чтобы поставить диагноз «абсолютно счастлив»? Мне что, станцевать прямо в его кабинете?

– Я не могу определить это с медицинской точки зрения – похоже, не существует медицинского эквивалента слова «счастлив», – улыбнулся я.

Доктор по-прежнему хранил молчание. Мог бы хотя бы поздравить.

– Доктор, я на седьмом небе от счастья – выше, чем флаг на 4 июля^[31]!

Конечно, это шаблонная фраза. Но, черт побери, меня переполняло счастье, и мне очень хотелось даже не просто поделиться им, а прямо-таки кричать о нем на каждом углу. После долгих месяцев полного оупения я испытывал что-то, напоминающее нормальные человеческие эмоции. Как же так сформулировать, чтобы мой психоаналитик понял?

– Послушайте, доктор, мы с Марси нравимся друг другу и намерены развивать наши отношения. В каменной статуе потекла живая кровь, – заверил я.

– Это – в общем, – предположил доктор Лондон.

– Это главное, – настаивал я. – Как вы не понимаете, что мне, наконец, хорошо?

Лондон молчал. Почему человек, который так хорошо понимал мою боль, теперь остается глухим к моему счастью? Я посмотрел ему в глаза.

Доктор произнес только одну фразу: «Встречаемся завтра в пять».

Я кивнул и выскочил на улицу.

Из Вермонта мы выехали в семь сорок пять. Пара остановок на кофе, заправку и поцелуи, в полдвенадцатого мы уже остановились перед крепостью в стиле «барокко» – домом Марси. Машину поручили

швейцару. Я взял Марси за руку и привлек на расстояние приятной близости.

– На нас же смотрят! – запротестовала она. Впрочем, не слишком настойчиво.

– Мы же в Нью-Йорке. Всем до лампочки! – ответил я.

И поцеловал ее. Как я и предсказывал, никому в городе не было до нас дела. Кроме нас самих.

– Пообедаем вместе? – предложил я.

– Но *сейчас* время обеда, – ответила Марси.

– Отлично! Мы как раз вовремя.

– Я вообще-то занята, – сказала Марси.

– Не переживай! С твоим шефом мы договоримся, – подмигнул я.

– Но у тебя тоже есть обязанности. Кто стоял на страже гражданских прав, пока нас не было в городе?

Вот уж это она мне не впаяет!

– Марси, а я тут вообще-то реализую свое фундаментальное право на счастье. – Я взял ее за руку.

– Не на улице же! – одернула меня Марси.

– Хорошо. Поднимемся наверх и что-нибудь съедим, а? – предложил я.

– Мистер Барретт, будьте так добры, идите в свой офис и займитесь делом. К ужину вернетесь! – напутствовала Марси Нэш.

– Когда? – нетерпеливо спросил я.

– К ужину, – повторила она и попыталась вырваться. Но я не отпускал ее руку.

– А я *уже* голоден.

– Придется подождать до девяти! – поддразнила она меня.

– Шесть тридцать, – сделал я свою ставку.

– Полдевятого.

– Семь, – настаивал я.

– Восемь – и это последнее слово! – прикрикнула Марси.

– Ты безжалостна! – с грустью сказал я.

– Да, я безжалостная стерва, – ответила она. Потом улыбнулась и устремилась к своему невероятному замку.

Зевать я начал, когда зашел в лифт на работе. Мы почти не спали этой ночью, и сейчас усталость начинала сказываться. И вид у меня

был помятый. В одном из автоматов на заправке я купил дешевую бритву и попытался побриться. К сожалению, рубашек там не нашлось. Поэтому я все равно выглядел так, будто всю ночь занимался тем, чем занимался.

– Здравствуйте, господин Ромео, – завопила Анита, увидев меня.

Откуда она, черт возьми, узнала?!

– Прочитала у вас на свитере: «Альфа-Ромео» и решила, что это Ваше имя. Ведь вы точно не мистер Барретт. Тот появляется в офисе с первыми лучами солнца.

– Я проспал, – сказал я и попытался укрыться у себя в кабинете.

– Оливер, там вас ждет сюрприз, – остановила меня Анита.

Я застыл на месте.

– Что такое?

– Ваш кабинет атаковали разносчики цветов.

– Кто?

– А вы разве не чувствуете запах?

Я вошел в свой кабинет... точнее, то, что было им еще вчера. Сейчас я угодил в теплицу. Повсюду меня окружали цветы. Даже рабочий стол превратился в огромную подставку для роз.

– Кто-то вас очень любит, – сказала Анита, с наслаждением вдыхая тонкие ароматы.

– Было письмо? – спросил я, от души надеясь, что она не вскрывала его.

– На ваших розах – то есть у вас на столе.

Я схватил конверт. К счастью, он был запечатан и помечен: «Личное».

– Очень плотная бумага, – сказала Анита. – Даже на просвет ни слова не смогла разобрать.

– Можете идти на обед, – сказал я, подарив ей не самый дружелюбный взгляд.

– Что случилось, Оливер? – спросила она, пристально разглядывая меня. А что такое – выгляжу я нормально, подумаешь, рубашка слегка помялась.

– В каком смысле? – не понял я.

– Вы забыли поинтересоваться, были ли сообщения.

Я еще раз посоветовал ей идти. И повесить на мою дверь табличку «Не беспокоить».

– Мы что, в отеле, что ли? – захлопнула она за собой дверь.

Я почти разорвал конверт в клочья, пока, наконец, открыл его и достал записку:

*Не знаю, какие тебе нравятся, поэтому купила
все сразу.
С любовью,*

М.

Я улыбнулся и тут же набрал номер Марси.

– Она на конференции. Могу я спросить, кто звонит? – ответил голос секретарши.

– Это ее дядя Эбнер, – ответил я голосом доброго дядюшки.

Пауза, щелчок, и голос Марси в трубке:

– Слушаю?

Ее тон был сугубо официальным.

– А почему так сухо? – недовольно произнес я.

– Я на совещании с управляющими сети на западном побережье! – прошипела Марси в трубку.

Значит, собрала сливки общества. И теперь разыгрывает перед ними роль Снежной королевы.

– Я перезвоню позже, – сказала Марси, отчаянно пытаюсь сохранить свой имидж недоступной бизнес-вумен.

– Я коротко. Цветы изумительны... – начал я.

– Отлично. Я перезвоню... – прервала она.

– И еще одно. У тебя самая прекрасная попка... – заговорил было я...

Щелчок! Ах ты ж зараза какая – трубку бросила!

В сердце заныло, а веки отяжелели под напором внезапно навалившейся усталости.

– Он что, умер?

Кто-то рядом издавал звуки, напоминавшие человеческую речь. Голос принадлежал Барри Поллаку, который недавно устроился к нам работать.

– Еще утром выглядел вполне здоровым. – А вот это уже Анита, которая, судя по всему, пробуетея на роль безутешной вдовы.

– Как он вообще сюда зашел? – спросил Барри.

Я сел. Черт, оказывается, я заснул на своем ложе из роз.

– Привет, ребята, – пробормотал я, зевая, но пытаюсь изобразить, что сиеста на рабочем столе – обычное дело. – В следующий раз сначала стучите, ладно?

– Мы стучали, – робко сказал Барри, – много раз. А потом решили войти, чтобы проверить... что с вами все хорошо.

– Все прекрасно, – ответил я, непринужденным движением смахнув с костюма пару лепестков.

– Я сделаю кофе. – Анита вышла.

– Что у тебя, Барри? – спросил я.

– Помните дело о школьном попечительском совете? Мы готовили его вместе, – начал Барри.

– Ага. – Я смутно начинал вспоминать, что где-то в другой Вселенной Оливер Барретт был адвокатом. – У нас, наверное, назначена встреча?

– Да. Сегодня в три, – ответил он, перебирая бумаги и переминаясь с ноги на ногу.

– О'кей, значит, встретимся здесь, – отмахнулся я.

– Так это... Сейчас почти полпятого, – сказал Барри, надеясь, что его пунктуальность не сочтут оскорблением.

– Полпятого! О черт! – я вскочил.

– Я собрал много материалов, – начал он.

– Нет. Слушай, Барри, давай встретимся завтра и поговорим об этом, о'кей? – И я направился к двери.

– Когда? – недоуменно спросил Поллак.

– Реши сам. Пусть рабочий день начнется с этого.

– Тогда в полдевятого?

Я замялся. Дело попечительского совета определенно не стояло на первом месте в списке моих завтрашних утренних занятий.

– Нет. Я встречаюсь с... важной шишкой. Лучше в десять, – произнес я.

– О'кей, – кивнул Поллак.

– В половину одиннадцатого было бы еще лучше, Барри, – добавил я.

– О'кей, – опять кивнул Поллак.

Вылетая за дверь, я еще слышал его бормотание:

– Я на самом деле собрал очень много материалов...

К доктору Лондону я пришел раньше назначенного, но сбежал оттуда с радостью. Лондон, похоже, был не особо настроен меня слушать, а у меня самого была куча срочных дел. Например, постричься. И подобрать гардероб. Надо ли надевать галстук? А брать с собой зубную щетку? Черт, все равно остается несколько часов. Так что я решил побегать в Центральном парке.

Убить время. И взглянуть на ее дом.

Замок принцессы охраняет целый полк. Вначале Страж Ворот тщательно проверит законность вашего нахождения на королевской территории. Затем, если чистота ваших помыслов сомнению не подлежит, он проведет вас в приемную, где верные слуги попытаются посредством коммутатора выяснить, снизойдут ли здесь до вас, простого смертного.

– Да, мистер Барретт, – произнес цербер в ливрее. – Можете войти.

Причем произнес таким тоном, что я понял: будь его воля, я вряд ли бы переступил порог этого дома.

– Восхитительно, – ответил я. – Вы не проводите меня в покои мисс Биннендейл?

– Пройдите через двор, дальний проход направо, лифт на верхний этаж, – сухо произнес цербер.

– Квартира номер..? – уточнил я.

– Там только одна квартира, мистер Барретт, – отрезал угрюмый лакей.

– Спасибо. Чрезвычайно благодарен. (Ах ты ж самодовольная задница.)

На площадке моему взору предстала единственная дверь, и та без номера. Впрочем, и без еще какой-либо информации. Сжимая в руке букетик, купленный здесь же на углу, я деликатно нажал на кнопку звонка.

Марси открыла почти мгновенно. На ней была эта шелковая вещица, которые в домашней обстановке прекрасно смотрятся, будь их владелица, скажем, царицей Савской. В любом случае, то, что не было скрыто под тканью, выглядело очень аппетитно.

– Эй, мистер, где-то я вас уже видела, – сказала Марси.

– Я тебе напомню, где, как только окажусь внутри, – ответил я с улыбкой.

– Зачем ждать? – подмигнула она.

Я без промедления заключил Марси в шелках в свои объятия. А затем протянул ей цветы.

– Это все, что мне удалось добыть. Какой-то безумный полуночник скупил все цветы в городе.

Марси взяла меня за руку и повела внутрь.

Все дальше и дальше.

Пространства вокруг было столько, что это начинало действовать на нервы. Мебель подобрана с великолепным вкусом, хотя, на мой взгляд, ее было чересчур много. Но больше всего меня поразила площадь.

На стенах – картины, наподобие тех, что украшали мою комнату в Гарварде. Только это были не репродукции.

– Мне нравится твой чрезвычайно любопытный музей, – сказал я.

– А мне понравился твой крайне любопытный звонок, – парировала она, умело сглаживая пафос.

Вдруг мы оказались в месте, которое смахивало на стадион.

Судя по всему, то, что предстало моему взору, в простонародье звалось гостиной, но выглядело это помещение чересчур монументально: потолки высотой футов двадцать и громадные окна, выходящие на Центральный парк, причем вид из них открывался настолько захватывающий, что я даже не мог сосредоточиться на картинах, развешанных на стенах вокруг. Хотя некоторые из них были столь же сюрреалистическими, сколь и воздействие этого зала на меня.

Марси мое изумление развлекало.

– Мой дом небольшой, но все же это дом, – сказала она.

– Боже, Марси, но здесь же при желании можно устроить целый теннисный корт! – изумленно воскликнул я.

– Могу. Если ты будешь играть со мной, – подмигнула Марси.

У нас ушло достаточно много времени, только чтобы пересечь эту комнату. Каблуки щелкали по паркетному полу в унисон.

– Куда мы направляемся? – не выдержал я. – В Пенсильванию?

– Кое-куда поуютнее, – ответила она и крепче сжала мою руку.

Мы оказались в библиотеке. Отблески камина отражались в стекле бокалов, наполненных вином. Мы сели.

– За что будем пить? – спросила она.

– За попку Марси! – поднял бокал я.

– Нет, – забраковала она мой тост.

– За грудь Марси! – сделал я новую попытку.

– Даю тебе еще одну попытку, – отмела вариант обладательница этой самой груди.

– Хорошо, за мозги Марси...

– Уже лучше.

– Которые так же очаровательны, как ее попка и грудь.

– Пошляк, – укоризненно произнесла она.

– Прошу прощения, мэм, – раскаялся я, – я готов взять все слова обратно.

– Пожалуйста, Оливер. Не надо. Мне понравилось.

И мы выпили. Эти несколько бокалов, наконец, развязали мне язык по поводу ее обиталища.

– Эй, Марси, как ты можешь жить в этом мавзолее? Да, мой фамильный особняк был *огромен*, но во дворе хотя бы были лужайки, где я мог играть. А у тебя тут ничего, кроме комнат – древних и пыльных.

Она пожала плечами.

– Где вы жили с Майклом? – спросил я.

– В двухэтажном особняке на Парк авеню.

– Который теперь достался ему?

Она кивнула, потом добавила:

– Впрочем, спортивные туфли мне удалось вернуть.

– Чрезвычайно щедро. Но потом ты вернулась под крыло к папочке?

– Пардон, доктор, но я дура не до *такой* степени. После развода папа предусмотрительно отправил меня в командировку по дальним филиалам. И я работала там, как проклятая. Это было что-то вроде стажировки-терапии. Он умер внезапно. Я вернулась на похороны и осталась здесь, как мне казалось, лишь на время. Конечно, мне не надо было здесь появляться. Но с тех пор, как каждое утро я стала начинать за папиным рабочим столом, какой-то странный рефлекс заставил меня почувствовать, что я... уже дома.

– Это бывает. Не оправдывайся, – успокоил я. Потом встал, подошел к ней и дотронулся до самой ее очаровательной детали.

Бог мой, сразу же в комнате возникло привидение!

Древний старец, одетый во все черное – кроме белого кружевного воротничка и фартука.

– Извините за беспокойство, но стучал, – сказал призрак, приближаясь.

– Да, Милдред? – небрежно ответила Марси, в то время как я пытался спрятать свои пальцы под рукавом.

– Ужин готов, – сообщило видение и испарилось. Марси улыбнулась мне.

И я улыбнулся в ответ.

Несмотря на странную обстановку, я чувствовал себя счастливым. Потому что рядом со мной был... кто-то еще. Я совсем забыл, каково это – чувствовать рядом чье-то сердцебиение.

– Ты не голоден, Оливер?

– Уверен, что буду – к тому моменту, когда мы доберемся до столовой.

И мы отправились в путь. Прошли еще одну галерею, пересекли «теннисный корт» и попали в столовую, которая, казалось, вся была сделана из красного дерева и хрусталя.

– Хочу сразу заметить, – сказала Марси, когда мы сели за огромный стол, – дизайн ужина мой, исполнение – профессионалов.

– Ты имеешь в виду поваров? – поинтересовался я.

– Да. Из меня получилась не очень хорошая хозяйка, – смутилась она.

– Не волнуйся. Еще недавно я питался исключительно чем-то вроде собачьих консервов.

Ужин получился не похожим на предыдущий.

Еда, конечно, была лучше, а вот разговоры проигрывали по всем параметрам.

– Какой соус... Телятина а-ля Веллингтон... О, Шато-Марго пятьдесят девятого года... Это суфле просто великолепно, – нахваливал я многочисленные яства на столе. Но в основном просто жевал.

– Оливер, ты сегодня немного молчалив.

– Просто потерял дар речи от всех этих гастрономических чудес.

Марси, кажется, уловила иронию:

– Я перестаралась, да?

– Не переживай. Какая разница, *что* мы едим. Главное, что мы едим вместе, – заверил я.

– Да, – согласилась она.

Но я понял: ей кажется, что мне что-то не нравится. Наверное, так оно и было, хотя я и не хотел обидеть Марси. Надеюсь, она не расстроилась.

В любом случае, я попытался успокоить ее:

– Марси, это не значит, что мне не понравилось. На самом деле, это напомнило мне дом.

– Который ты презираешь. – В ее голосе слышалась горечь.

– С чего ты взяла?

– Ты сам сказал. Вчера.

И точно. Кажется, пока мы были в ГоДжо. (Неужели с тех пор прошел всего один короткий день?)

– Слушай, мне очень жаль, если я тебя обидел. Просто мои родители устраивали ужины в таком стиле, мне это всегда казалось каким-то пережитком прошлого. Но у тебя это получается... элегантно, что ли, – сказал я.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? – спросила Марси.

Ответ потребовал некоторой доли дипломатии.

– Нет, – искренне признался я.

– И вовсе я не обиделась, – сказала она голосом, утверждавшим прямо противоположное. – Мне просто хотелось произвести впечатление. Знаешь, я не часто устраиваю подобные трапезы.

Услышав эту фразу, я вздохнул с облегчением.

– Насколько часто? – осведомился я.

– Второй раз.

– За неделю?

– Второй раз со смерти папы. (Который скончался шесть лет назад.)

Ну вот, теперь я чувствовал себя законченным сукиным сыном.

– Может, все-таки выпьем кофе? – спросила хозяйка дома.

– Могу я сам выбрать комнату? – намекнул я.

– Нет. В моих владениях ты следуешь за мной.

Я проследовал за ней. Назад в библиотеку. Там стоял кофе, а из скрытых динамиков доносились обрывки Моцарта.

– Ты на самом деле принимала тут гостей всего дважды? – спросил я.

Она кивнула:

– И оба раза это были партнеры по бизнесу.

– А как насчет личной жизни? – Я старался быть деликатным.
– В последнее время стала налаживаться, – улыбнулась она.
– Нет, Марси, серьезно, чем ты обычно занимаешься в Нью-Йорке по вечерам? – упорствовал я.

– Ой, ты знаешь, у меня столько дел. Я возвращаюсь домой, бегаю в парке, если на улице еще светло. Потом спешу обратно на работу. У меня в офисе есть выход на линию, так что я принимаю звонки из Калифорнии.

– Готов поспорить, аж до полуночи? – съязвил я.

– Не всегда.

– А потом?

– Стараюсь не отрываться от окружающего мира.

– Ага! То есть... – попытался я ее добить.

– Пара сэндвичей под имбирный эль в компании Джонни, – улыбнулась Марси.

– Джонни? – Я не смог скрыть ревности.

– Карсона^[32]. Интересно послушать за ужином.

– А-а... – Успокоившись, я снова перешел в наступление. – А чем-нибудь, кроме работы, ты занимаешься?

– Маршалл Маклюэн^[33] сказал: «Когда человек полностью увлечен работой – это уже не работа», – ответила Марси.

– Он спорол глупость. И ты тоже. Нет, Марси. Ты говоришь себе, что увлечена, но на самом деле пытаешься работой заглушить свое одиночество, – заметил я.

– Боже, Оливер, – изумленно сказала она. – Как ты можешь столько знать о человеке, с которым знаком всего несколько дней?

– Никак, – согласился я. – Я говорю о себе.

Забавно. Мы оба знали, что будем делать дальше, но ни один не решался прервать разговор. Наконец, я решил вернуться на землю.

– Эй, Марси, уже полдвенадцатого.

– А что, у тебя комендантский час? – улыбнулась она.

– Нет. У меня и другого ничего нет. Одежды, например, с собой, – осклабился я.

– А что, приглашение прозвучало настолько двусмысленно?

– Ну, скажем, довольно неоднозначно, и я не решился прийти со своим вещмешком.

Марси улыбнулась.

– Я специально так сделала, – призналась она.

– Зачем? – спросил я.

Она встала и протянула мне руку. Мы вошли в спальню.

На кровати было не меньше дюжины шелковых ночных сорочек.

И все они были моего размера.

– Ты что, планировала меня здесь поселить на целый год? – засмеялся я.

– Звучит странно, друг мой, но если вдруг у тебя возникнет такое желание – сорочки найдутся, – подмигнула она.

– Марси? – позвал я.

– Да?

– У меня много... желаний.

Потом мы любили друг друга так, будто предыдущая ночь была всего лишь репетицией.

Утро наступило слишком быстро. Было где-то пять часов утра, но будильник на стороне Марси просигналил подъем.

– Который час? – простонал я.

– Ровно пять, – сказала Марси. – Проснись и пой.

Она поцеловала меня в лоб.

– Ты с ума сошла, – промямлил я, накрывшись подушкой.

– Ты что, забыл? Зал бронирован на шесть.

– Брось, суд в этом часу не... – Тут до меня дошло. – Ты что, про теннис?

– Да. С шести до восьми. Зачем терять такую возможность? – сказала Марси.

– У меня есть идея получше, чем мы могли бы заняться, – подмигнул я.

– Чем? – изобразила непонимание Марси, хотя я уже обнимал ее. – Волейболом?

– Если хочешь, можем назвать это так, – сказал я, впившись в ее губы.

Как бы это ни называлось, она послушно согласилась играть.

Принимая душ, я размышлял, что отличало жилище Уолтера Биннендейла от моего родного Довер-Хауса в Ипсвиче, штат

Массачусетс. И понял. У нас были совершенно разные ванны.

Дело не в произведениях искусства. Шедевры и у нас дома были. Причем, так как наш род был более древним, даже прошлого века. Обстановка в основных помещениях была примерно одинаковой – то есть старой: я не признаю антиквариат.

Зато ванны отличались разительно! Барретты проявили всю свою неистребимую приверженность пуританским традициям: функциональный и простой белый кафель, спартанская обстановка. Ничего не отвлекало и не задерживало взгляд.

Ванны Биннендейлов были полной противоположностью: казалось, они подошли бы самому римскому императору. Точнее, они прекрасно вписывались в концепцию древнеримских терм. Если бы представитель рода Барреттов, даже самый либеральный, услышал о том, что ванную комнату можно «обустроить», он был бы совершенно ошарашен.

В зеркале, сквозь чуть приоткрытые двери, отражалась спальня.

Куда как раз въезжала тележка.

Которую толкал Милдред.

Она была уставлена яствами.

К тому времени, как я закончил вытираться, Марси уже сидела за столом – в одеянии, явно не предназначенном для выхода на работу (по крайней мере, я на это надеялся).

Я уселся напротив, завернувшись только в полотенце.

– Кофе, бекон, яйца? – спросила Марси.

– Здесь прямо как в отеле! – ответил я.

– Вы все еще недовольны, мистер Барретт? – подмигнула она.

– Нет, было забавно, – ответил я, намазывая маслом горячую булочку, – и вполне можно повторить, – я сделал паузу, – лет через тридцать.

Она выглядела недоумевающей.

– Слушай, это место – рай для палеонтологов. Здесь полно спящих динозавров.

Она смотрела на меня.

– Это не то, чего тебе хочется на самом деле, – продолжал я.

Что-то в лице у нее дрогнуло.

– Я просто хочу быть с тобой, – ответила она.

Она не была застенчивой. И не говорила метафорами, как я.

– О'кей, – сказал я. Чтоб обдумать, что говорить дальше.

– Так когда ты хочешь уехать? – спросила она.

– Сегодня.

Это ее не расстроило:

– Просто скажи мне, где и когда встретимся.

– В пять в Центральном парке. У входа со стороны Ист-Сайда, рядом с бассейном.

– Что мне взять? – спросила она.

– Кроссовки для пробежек, – ответил я с улыбкой.

На меня навалилась депрессия – словно я грохнулся на землю с километровой высоты.

– Просто невыносимо, – пожаловался я доктору Лондону. – Почему вы не предупредили меня, что такое случится?

Дело в том, что с самого утра я почувствовал, как вместо переполнявшей меня эйфории в душу прокралась грусть, которую невозможно было выразить словами.

– Ведь все же в порядке... – начал я. Потом сообразил, насколько смешно это звучит. – То есть у нас-то с Марси все прекрасно. Дело во мне. Я слишком напряжен. Я не могу...

Я замолчал и не стал уточнять, чего именно не могу.

Не то чтобы я не знал. Просто произнести это мне стоило больших усилий:

– Привести ее к себе домой. Понимаете?

Наверное, я снова чересчур опережаю события. Может быть, не стоит так рано требовать от Марси прийти ко мне? Зачем торопить ее с... обязательствами?

– А вдруг я просто эгоистично... использую Марси, пытаюсь с ее помощью заполнить пустоту, которая у меня внутри, – думал я вслух. – Или это из-за Дженни. Я хочу сказать, что теперь, почти два года спустя, я мог бы встречаться с кем-нибудь и оправдать это. Но приводить другую женщину домой! Чужой человек в моем доме, в моей постели... Вернее, конечно же, это уже не наш с Дженни дом, и постель уже не наша. Доводы разума говорят, что это не должно мешать моим отношениям с Марси. Но, черт побери, *мешает!*

«Дом»... Для меня это по-прежнему место, где жили мы с Дженни.

Говорят, что нет такого мужа, который не мечтал бы хоть на секунду побыть холостяком. Тогда получается, я извращенец: я невозможно скучаю по тому времени, когда был женат.

И мне помогает наличие священного места. С постелью, куда не залезет никто посторонний. Чтобы поддерживать иллюзию, что рядом со мной все еще кто-то есть.

Даже сейчас продолжают приходить письма, предназначенные для нас обоих. Рэдклифф^[34] регулярно присылает ей просьбы о пожертвованиях. Конечно – я ведь не сообщил о смерти Дженни никому, кроме самых близких людей.

Единственная чужая вещь в квартире – зубная щетка Филлиппа Кавильери.

Вот видите, все это выглядит либо не очень честно по отношению к одной девушке...

Либо уж совсем как осквернение памяти другой.

Доктор Лондон заговорил.

– Тогда выходит, что, как ни крути, вы не правы.

Мне было ясно, что он понимает, но легче от этого, увы, не стало.

– Неужели непременно должно быть или то, или другое? – спросил он с аллюзией, которая пришлась бы по вкусу самому Кьеркегору^[35]. – Разве у вашей проблемы нет иного объяснения?

– Какого? – Я на самом деле не знал.

Последовала пауза.

– Она вам определенно нравится, – намекнул доктор Лондон.

Я обдумал его слова. А потом уточнил:

– Которая из них?

Наше randevu с Марси пришлось отложить.

Совершенно забыв о сеансе у психиатра в пять часов вечера, я назначил на это время свидание с ней. Пришлось позвонить и все отменить.

– Что, трусили, друг мой? – на сей раз она была в своем кабинете одна и могла подразнить меня вволю.

– Слушай, я задержусь всего на час. Шестьдесят минут.

– А тебе можно доверять? – спросила Марси.

– А разве решение не за тобой?

В любом случае, на пробежку мы отправились, когда уже наступили сумерки. Которые были как никогда красивы, отраженные, вместе с огнями Нью-Йорка, в воде озера.

Сейчас, когда я снова смотрел на Марси, я чувствовал, как вчерашние сомнения отступают. Она была красива. Я совершенно забыл, насколько она могла быть красивой. Я поцеловал ее. Затем мы приступили к пробежке.

– Как прошел день? – спросил я.

– А, обычные катастрофы, переизбыток продукции, недостаток продукции, транспортные накладки и паника в коридорах. Но больше всего мои мысли занимал ты.

Хотя у меня в запасе была пара тем для беседы, она как-то не клеилась. Я снова и снова возвращался к тому же: Марси пришла по моему требованию. Теперь мы оба здесь. Так что же она чувствует?

– Тебе не интересно, куда мы направляемся? – спросил я, совсем отчаявшись.

– Компас ведь вроде у тебя, друг, – ответила Марси.

– Ты взяла с собой одежду?

– Ну не в спортивной форме я буду с тобой ужинать!

Мне стало любопытно, что она с собой прихватила.

– Где твои вещи? – поинтересовался я.

– В машине. – Она показала куда-то в сторону 5-й. – Обычный саквояж. Такие бизнес-туристы берут в самолет. Очень удобно.

– Для коротких поездок, – подытожил я.

– Ну, да, – сказала она, притворившись, что не поняла. Мы начали следующий круг.

– Я подумал – почему бы нам не заглянуть ко мне, – заметил я.

– О'кей, – сказала Марси.

– Там не очень просторно...

– Отлично.

– ... И мы приготовим ужин. Своими силами. Я добуду все эти гребаные продукты...

– Прекрасно, – ответила Марси. Еще через сто ярдов она остановилась и почти жалобно произнесла: – Погоди, Оливер, а кто будет готовить сам ужин?

Я уставился на нее:

– Что-то мне подсказывает, что ты не в восторге от моего предложения.

И правда. На последнем круге она рассказала мне о своем кулинарном опыте, который стремился к нулю. Когда-то она собиралась даже пойти на курсы Кордон Бле, но Майк не позволил. Ничего, учиться готовить никогда не поздно. Мне даже понравилась эта мысль: сам-то я умел готовить макароны, яичницу и еще с полдюжины блюд. А потому в одночасье стал экспертом, способным ввести ее в мир кухни.

По дороге – кстати, пешком добираться до моего жилища гораздо быстрее, чем на машине, – мы заглянули в один из ресторанчиков, где продавали китайскую еду на вынос. Выбор дался мне с огромным трудом.

– Проблемы? – поинтересовалась Марси, наблюдая, как я мучительно изучаю меню.

– Ага. Не могу сосредоточиться.

– Это всего лишь ужин, – сказала Марси. Для меня осталось загадкой, что она имела в виду.

Я сидел у себя в гостиной, пытался читать воскресный выпуск «Таймс» и сделать вид, что леди у меня в ванной – обычное дело.

– Слушай, – сказала она, – полотенца у тебя не совсем... свежие.

– И правда, – подтвердил я.

– А чистых нет?

– Нет.

Некоторое время она молчала.

– Ладно, ничего со мной не будет, – наконец сказала она, выходя из ванной.

После нее там остался запах женщины. Я собирался сполоснуться по-быстрому (душ работал, прямо скажем, не особо хорошо), но запах ее духов заставил меня задержаться под тонкой струей воды дольше, чем планировалось. Может, я просто боялся покинуть бодрящее тепло душа?

Да, меня переполняли эмоции. Да, я был как никогда уязвимым в тот момент. Странное дело: снаружи меня дожидается женщина, готовая играть по моим правилам, а я никак не могу понять – хорошо это или нет.

Единственное, в чем я мог быть уверен, – что я снова способен чувствовать.

Марси Биннендейл уже хозяйничала на моей крошечной кухне: с видом эксперта пыталась справиться с плитой.

– Чтобы зажечь огонь в конфорках, нужны *спички*, Марси. – Я закашлялся и быстро открыл окно. – Давай покажу.

– Прости, – сказала она, смутившись донельзя. – Я растерялась.

Я подогрел купленные нами шедевры китайской кухни, достал из холодильника пару бутылок пива и налил в стакан апельсинового сока. Марси накрыла на кофейный стол.

– И где ты только взял эти ножи и вилки? – спросила она.

– Да так, то там, то сям... – ответил я.

– Вижу. Каждая в единственном экземпляре, – улыбнулась Марси.

– А я люблю разнообразие.

Когда-то у нас с Дженни был полный набор столового серебра. Но он теперь в надежном месте. Как и все, что напоминает о ней.

Мы устроились прямо на полу и приступили к ужину. Я старался вести себя непринужденно, но меня одолела невесть откуда взявшаяся скованность. Я надеялся, что атмосфера маленькой запущенной квартирki напомнит Марси о нормальной человеческой жизни.

– Здесь мило, – сказала она, дотронувшись до моей руки. – А музыка у тебя есть?

– Нет. – Стерео Дженни я тоже отдал.

– Совсем?

– Только радио, оно же и будильник.

– Не возражаешь, если я включу QXR^[36]?

Я кивнул и попытался улыбнуться. Марси подошла к радиоприемнику, который стоял у кровати. На расстоянии в три или четыре шага от места нашей стоянки. Интересно, вернется она на место или будет ждать меня около моего скромного ложа? Заметила ли Марси, насколько я зажат? Может, она думает, что мой энтузиазм пошел на спад?

Вдруг зазвонил телефон.

Марси стояла прямо рядом с ним.

– Мне взять трубку?

– Почему бы и нет? – ответил я.

– А вдруг это какая-нибудь из твоих подружек? – улыбнулась она.

– Ты мне льстишь. Исключено. Возьми трубку ты.

Она пожала плечами и ответила.

– Добрый вечер... Да, вы туда попали... Да. Он... Кто я? А какое это имеет значение?

Кто там, черт возьми, допрашивает моих личных гостей? Я встал и решительно выхватил трубку:

– Кто это?

Трубка помолчала, потом разразилась скрипучим:

– Поздравляю!

– Ох... Фил.

– Хвала небесам, – рек святой Кавильери.

– Как ты, Фил? – спросил я невинным голосом.

Мой вопрос он проигнорировал и продолжил заваливать меня своими:

– Она красивая?

– Кто, Фил? – холодно переспросил я.

– Та крошка, с которой я говорил.

– А, да это просто горничная.

– В десять вечера? Придумай что-нибудь поинтереснее!

– Я хотел сказать, моя секретарша. Помнишь Аниту? Ту, с длинными волосами? Позвал, чтобы передать ей пару документов по делу попечительского совета.

– Не дури ближнего своего. Если это – Анита, то я кардинал Крэнстонский.

– Фил, я занят.

– Разумеется, я вижу, то есть слышу. И умолкаю. Но с тебя подробности в следующем же письме!

Филипп и так был не из тех, кто объясняется шепотом, а теперь он говорил настолько громогласно, что передача шла на всю квартиру. Марси хохотала.

– Слушай, – я удивился сам себе, насколько безмятежным голосом это произнес, – когда мы уже увидимся?

– На свадьбе, – ответил Фил.

– Что ты несешь? – взорвался я.

– Она высокая? Худая или полная? Блондинка, брюнетка? – продолжал донимать меня вопросами Фил.

– Она пышка, – не сдержался я.

– Ага! – вцепился Фил в мою несчастную шуточку. – Ты признал, что это женщина. Следующий вопрос: она любит тебя?

– Не знаю.

– Так, ладно, сделаем вид, что я не задавал этого вопроса. Конечно, она тебя любит! Ведь ты же прекрасный парень! Если нужны доказательства, у меня найдется пара-тройка историй. Так что позови ее к телефону!

– Не стоит, – воспротивился я.

– Значит, она знает? Она влюблена в тебя?

– Не знаю.

– Тогда какого черта она делает у тебя дома в десять вечера?

У Марси от хохота на глазах уже выступили слезы. И смеялась она надо мной, точнее, над моими жалкими потугами изображать святую невинность.

– Оливер, я знаю, что не вовремя, так что всего один вопрос – и делайте там с ней все, что хотите.

– Насчет нашей встречи, Фил...

– Оливер, я не об этом тебя хочу спросить.

– Так о чем, Фил?

– Когда свадьба? – И он грохнул трубку на рычаг. Кажется, я слышал его смех и из самого Крэнстона.

– Кто это был? – спросила Марси, хотя, по-моему, догадалась и сама. – Похоже, он тебя очень любит.

Взглядом я поблагодарил ее за понимание. Вслух же сказал:

– Да. И это взаимно.

Марси подошла и села на кровать. Потом взяла мою руку.

– Оливер, я знаю, тебе не по себе, – сказала она.

– Здесь слишком тесно.

– Да. И у тебя в голове. И у меня.

Мы посидели в тишине. Что еще она поняла?

– Я никогда не спала с Майклом в большой квартире, – наконец, произнесла Марси.

– А я никогда не спал с Дженни... здесь, – ответил я.

– Понимаю, – сказала она. – Но если бы я встретила с его родителями, головная боль или тошнота на весь день была бы мне обеспечена. Вот и для тебя то, что напоминает о Дженни, все еще причиняет боль.

Она была абсолютно права.

– Мне уйти? – спросила она. – Если ты скажешь «да», я не обижусь.

Без малейшего сомнения, словно это было *единственно* возможным вариантом ответа, я ответил: «Нет».

– Давай просто прогуляемся. Выпьем чего-нибудь, – предложил я.

У Марси был странный способ нравиться. И он был мне симпатичен. И еще ее умение... справляться с проблемами.

Вино – мне, апельсиновый сок – Марси.

Она чувствовала, что мне нужно решиться, поэтому поддерживала легкую беседу. Мы говорили о ее работе.

Немногие из нас знают, *чем* занимаются президенты крупных торговых сетей. Так вот, ответу – ничем привлекательным. Они вынуждены посещать каждый магазин и совать там нос в каждый закоулок.

– И как часто? – поинтересовался я.

– Постоянно. А остальное время я провожу в Европе или на Востоке. Чтобы уловить, каким будет следующий секси стиль.

– А что на языке бизнеса значит «секси»?

– Смотри: каждый раз, когда ты надеваешь тот кашемировый свитер, который я тебе подарила, ты рекламируешь один из наших стилей: «Фэнтези» или «Секси». Сами по себе такие свитера могут продаваться хоть в двадцати разных магазинах. Но мы обычно

выбираем такие шмотки, без которых имиджмейкеры и модные люди просто не могут обойтись, хотя пока об этом не догадываются. Если мы все правильно рассчитаем, то, увидев такую одежду в нашей рекламе, люди в очереди за ней выстраиваются. Улавливаешь?

– Если перевести все это на язык экономии, – произнес я с торжественностью выпускника университета Лиги Плюща. – Вы создаете фальшивый спрос на изначально бесполезный товар.

– Примитивно, но в целом правильно, – кивнула она.

– Другими словами, если вы говорите: «В моде дерьмо», все кидаются скупать навоз, – подмигнул я.

– Точно. Единственная проблема: кто-то может выбросить такой замечательный лозунг раньше нас!

Машина Марси была припаркована (в нарушение всех правил парковки!) перед моим домом. Когда мы вернулись, было уже очень поздно. Но я чувствовал себя лучше. Или количество выпитого вина взяло свое.

– Ну, – сказала она, – я проводила тебя до дому.

Да вы просто сама тактичность, Марси Нэш! Теперь у меня были оба варианта. И я уже знал, какой из них мне... нужен.

– Марси, если ты уйдешь, то будешь спать одна, и я буду спать один. Если перевести все это на язык экономии, получится неэффективное использование спальных ресурсов. Согласна?

– Допустим, – сказала она.

– Кроме того, мне очень хочется тебя обнять, – добавил я.

Она приняла это ненавязчивое приглашение.

Когда Марси разбудила меня, в руках она сжимала чашку кофе...

В пенопластовом стаканчике?!

– Я так и не сумела зажечь эту штуковину, – призналась она, – пришлось пойти в магазинчик на углу.

Уясните себе, пожалуйста, одну вещь. Мы не «живем вместе». Хотя лето прошло просто замечательно.

Мы обедали друг с другом, разговаривали друг с другом, смеялись (или спорили) друг с другом, спали друг с другом под одной крышей (то есть в моем полуподвале). Но без всяких договоренностей и обязательств. Все, что у нас было, – это «здесь и сейчас». Хотя мы старались бывать вместе как можно больше. Мне кажется, мы вышли на ту редкую стадию, когда двух человек связывает нечто вроде... дружбы. Что тем более нечасто встретишь, что она у нас не платоническая.

Да, одежду Марси держала в своем королевском замке. Когда она заезжала туда переодеться, забирала заодно корреспонденцию и еду, приготовленную ее теперь уже не заваленным работой персоналом. Мы ужинали у кофейного столика при помощи моих «единственных в своем роде» ложек и обсуждали то, о чем говорят по радио. Останется ли в истории Линдон Б. Джонсон^[37]? Какой еще ужас готовит Вьетнаму Никсон^[38]? Сообщения о полетах на Луну – в то время, когда умирают города. Доктор Спок^[39]. Джеймс Эрл Рей^[40]. Несчастный случай в Чаппакуиддике^[41]. «Грин Бэй Пэкерс»^[42]. Спиро Т^[43]. Джекки О^[44]. Станет ли мир лучше, если Коузелл^[45] и Киссинджер^[46] поменяются профессиями.

Иногда Марси засиживается на работе до двенадцати. Я заезжаю за ней, мы покупаем какой-нибудь там сэндвич и неторопливо идем домой – то есть, ко мне.

Иногда мне приходится отлучиться в Вашингтон, и тогда Марси остается в одиночестве, хотя у нее всегда есть чем заняться. Потом она встречает меня в аэропорту «Ла Гуардия»^[47] и везет домой. Впрочем, чаще доставкой из аэропорта занимаюсь все-таки я.

Дело в том, что специфика работы президента торговой сети подразумевает массу поездок: нужно постоянно наносить визиты в каждый из филиалов. Минимум неделя требуется на Восточный коридор, дня три на Кливленд, Цинциннати и Чикаго. Не стоит забывать про Западную сеть: Денвер, Лос-Анджелес, Сан-Франциско.

Конечно, все филиалы подряд объехать невозможно. Центром операций остается Нью-Йорк, где она «подзаряжает батарейки». Свои. Ну и мои, конечно. Много дней мы проводим вместе. Иногда даже целую неделю.

Естественно, мне хотелось бы видеть Марси чаще, но я понимаю, что у каждого свои обязанности. В наше время газеты много пишут про «подавление индивидуальности партнеров мужьями-сексистами». Но я больше не собираюсь повторять свои ошибки со времен Дженни. К тому же, я знаю о парах, которым повезло намного меньше, чем нам с Марси. Например, Данцигеры. Люси Данцигер работает на факультете психологии Принстона, а ее муж Питер преподает математику в Бостоне. Даже с двойной академической зарплатой они не могут позволить себе того, чем наслаждаемся мы с Марси: сотни телефонных разговоров, уик-энды в экзотических уголках – а о нашей поездке в Цинциннати в пору слагать баллады!

Да, признаюсь честно, мне и правда бывает одиноко, когда Марси в отъезде. Особенно летом, когда в Центральном парке только и видишь влюбленные парочки. Телефон – не всегда равноценная замена. Хотя бы потому, что в ту секунду, когда кладешь трубку, руки остаются пусты.

Мы, как это теперь называют в СМИ, – современная пара. Он работает. Она работает. Они делят обязательства – точнее, у них нет никаких обязательств. Они уважают друг друга. Обычно у них не бывает детей.

Если честно, мне бы хотелось когда-нибудь иметь детей. И я не считаю брак пережитком прошлого. Но, в любом случае, вся эта дискуссия бессмысленна. Марси никогда не была сторонницей материнства или матримониальных установок. По-моему, ее вполне устраивает теперешнее положение вещей: наша взаимная привязанность, для которой нет ограничений – ни временем, ни социальными установками.

Мы не говорим об этом, когда мы вместе. Мы слишком заняты. Один из плюсов непрерывного движения в том, что оно позволяет меньше оставаться в моей берлоге (хотя Марси ни разу не жаловалась на клаустрофобию). Мы бегаем. Мы много играем в теннис (слава богу, не в шесть утра!). Мы смотрим много фильмов и спектаклей – из рекомендованного Уолтером Керром^[48]. Оба не перевариваем званые

обеда. Оба жаждем общества друг друга и предпочитаем оставаться наедине. Впрочем, иногда мы все же заглядываем на вечерок к друзьям.

Первыми из которых – имея на то полное право – стали Симпсоны. Гвен горела желанием приготовить что-нибудь, но, предчувствуя, что мой желудок не будет от этого в восторге, я решил назначить встречу на нейтральной территории – в ресторане «Джаматти». Мы договорились на восемь вечера.

Да, совсем забыл. В общем, у Марси небольшая проблема с общением: если она вступала в беседу, беседе конец. Причем даже не в том смысле, что она всегда королева вечера. Во-первых, из-за внешности (собственно, в этом и вся загвоздка). Даже такой любящий муж, как Стив, способен заглядеться на Марси. Пусть издали, но это уж точно не назвать обычным созерцанием. Конечно, он не станет пялиться на нее, но поглядывать будет пристальнее обычного. Получалось, Марси априори затмевала его жену. Как и любую другую женщину, даже если оделась бы в самый скромный свой наряд. Естественно, это не приводит ее соперниц в восторг.

Мы шагали по засыпанному опилками полу «Джаматти». Стивен уже встал из-за стола (интересно, это демонстрация хороших манер или способ лучше разглядеть ноги Марси?). Гвен улыбалась. Я надеялся, что, несмотря на все свое внешнее спокойствие и очевидное пижонство, девушка, с которой я встречался, не показалась бы им всего лишь пустышкой.

Следующая проблема – как представить Марси. Слово «Биннендейл» не оставит равнодушным даже законченного сноба. Да, конечно, есть шаблоны, с которых можно начать беседу с любой знаменитостью («Отличный удар, мистер Мейлер»^[49]; «Как там национальная безопасность, профессор Киссинджер?» и так далее). Если речь идет о звездах, всегда есть, с чего начать. Но как вежливо высказать отношение к роду деятельности компании Марси? «Мне нравится ваша новая коллекция?»

Нет, естественно, Марси как-то справилась с ситуацией. Она всегда старалась начинать разговоры сама. Но прерывала тех, кто чересчур много говорил *о ней*. Из-за чего у этих людей не получалось

узнать ее получше. Что объясняло, почему они считали Марси недружелюбной.

В любом случае, наш разговор начинался с шуточек о том, как тяжело было найти ресторан («Так вы тоже потерялись?»). Джон Леннон тоже предпочитал «Джаматти», когда бывал в Нью-Йорке. Словом, обычная праздная болтовня, какую часто услышишь на вечеринках.

Потом мяч приняла Марси. Ей очень хотелось наладить хорошие отношения с моими друзьями, поэтому Стива она завалила вопросами по неврологии. Проявив при этом знания куда большие, чем можно было ожидать от непрофессионала.

Узнав, что Гвен преподает историю в Дальтоне, она перевела разговор на тему частного образования в Нью-Йорке: во времена ее учебы в Брирли^[50] там все было жестко структурировано. А теперь она с энтузиазмом рассказывала об изменениях в программе. В особенности по математике, где детей уже с раннего возраста приучают к компьютерам.

Гвен не могла похвастаться подобной осведомленностью, так как преподавание истории не оставляло ей времени на то, чтобы быть в курсе других предметов. Она поинтересовалась, откуда у Марси такие познания в системе образования Нью-Йорка. Марси ответила, что всегда берет с собой в самолет множество журналов.

Я уже вне себя от досады – меня глодала обида. За Марси. Никто не замечал гадкого утенка под наружностью прекрасного лебедя. Как они не возьмут в толк: Марси была настолько не уверена в себе, что вынуждена напускать на себя еще более невозмутимый вид! Я-то понимал, но вот взять управление беседой в свои руки у меня вышло не очень хорошо.

Тем не менее, я попытался – и перевел разговор на тему спорта. Стив сразу воодушевился, а Гвен на глазах стала спокойнее. И вот мы уже обсуждали спортивные новости дня: Кубок Стэнли^[51], Кубок Дэвиса^[52], Фил Эспозито^[53], Дерек Сандерсон^[54], Билли Расселл^[55], перейдут ли «Нью-Йорк Янкиз»^[56] в «Джерси»^[57] – и мне приятно, что лед, наконец, сломан. Каждый участник беседы, наконец, настолько раскован, что звучат даже похабные фразочки из лексикона обитателей мужских раздевалок.

Когда официант принял у нас заказ, до меня дошло, что партию исполняло только трио. Потому что Гвен Симпсон присоединилась к разговору со словами: «Я возьму scallopine alla minoressе^[58]».

– Что же, черт побери, не то с Марси?

Эту фразу Стив произнес пару дней спустя, когда мы заканчивали пробежку (Марси как раз уехала на неделю по Восточному коридору). Между делом я поинтересовался у него, что думают он и Гвен. Когда мы вышли из парка и пересекали 5-ю авеню, он снова произнес:

– Что же с ней не то?

– Что ты имеешь в виду – «Что с ней не то»?

– Ничего, черт побери!

Стивен посмотрел на меня и покачал головой. Я все еще не понимал.

– В том-то и дело, – сказал он, – она абсолютно идеальна.

Что же, черт побери, со мной не так?

Я лишь недавно снова стал человеком. Лепестки моей души готовы раскрыться миру. Казалось бы, я должен быть счастлив. Но почему-то настроение у меня было меццо-меццо – словно блюз падающих листьев.

Не то чтобы я пребывал в депрессии.

Да и с чего бы? Жизнь идет полным ходом. На работе все отлично. Настолько, что у меня появилось несколько лишних часов для «Всадников» в Гарлеме и для защиты гражданских свобод.

И для Марси, которая, по словам Стивена Симпсона, абсолютно идеальна. Наши с ней интересы совпадают почти во всем.

Мы с Марси в буквальном смысле команда. Точнее, смешанная пара. Участвуем в турнире трех штатов. Мы легко покорили теннисный клуб «Готхэм» и теперь играем против пар из провинций. Играем довольно хорошо (то есть, я хочу сказать, еще ни разу не проиграли).

Все это – полностью ее заслуга. Я, конечно, мог с легкостью обходить парней, против которых мы играли, но Марси своих соперниц просто громила. Никогда не думал, что наступит день, когда я признаюсь, что в спортивном плане я так себе. Но я хотя бы держусь, и благодаря Марси мы уже выиграли не одно соревнование и находимся на верном пути к первым золотым трофеям.

Марси была последовательна и с честью выдерживала все испытания по мере того, как мы поднимались в турнирной таблице – жесткий график требовал либо играть по ночам, либо проигрывать. Четвертьфинал соревнований за кубок клуба «Готхэм» начинался в девять вечера в среду. Так вот, весь день Марси провела в Кливленде, потом вернулась вечерним рейсом, переделалась в спортивную форму прямо в самолете и, пока я компостировал мозги судье, уже была на поле, и это в четверть восьмого. Мы вырвали победу, дотащились домой и свалились с ног. На следующее утро, в семь, она вылетала в Чикаго. К счастью, в ту неделю, когда она должна была находиться на побережье, игр не было.

Итак: мужчина и женщина, с одинаковым настроем и ритмом жизни. Прекрасно – у нас все получается.

Так какого же черта я счастлив совсем не пропорционально тому, что показывает турнирная таблица?

Естественно, это было первым моим вопросом на следующей встрече с доктором Лондоном.

– Док, у меня нет депрессии. Я чувствую себя великолепно. Я полон оптимизма. Марси и я... мы...

Пауза. Я собирался сказать: «Общаемся непрерывно».

– ...почти не разговариваем.

Неужели я это произнес? Да, именно, как ни парадоксально звучит. Не мы ли с Марси каждую ночь – километровые счета тому доказательство – часами напролет болтаем по телефону?

Да. Но болтать и общаться – не одно и то же. «Я счастлива, Оливер» – не общение. Это просто заявление.

Может, конечно, я и не прав.

Черт возьми, да что я вообще знаю о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной? Только то, что вынес из опыта тех лет, которые прожил в браке. Вряд ли стоит сравнивать мои отношения с Марси с тем, что у меня было с Дженни. Ну, то есть мы с Дженни были по уши влюблены друг в друга. Мне в голову не приходило критически рассматривать наши отношения. Не нужно было отдавать свои чувства на растерзание психиатру. И я уж точно никогда не смогу четко объяснить, почему был абсолютно счастлив с Дженни.

Хотя, знаете, дело было все-таки в том, что у нас с Джен практически не было ничего общего. Ее вообще не интересовал спорт. Когда я, кусая локти от волнения, следил за ходом футбольного матча, она вполне могла читать книгу.

И плавать ее научил я.

К сожалению, научить ее водить машину я так и не успел.

Что же, черт побери, выходит, быть мужем и женой – значит учиться друг у друга?

Клянусь собственной задницей, это так!

Но не плаванию, вождению или чтению карт. И даже – тут я вспомнил недавний инцидент в моей квартире – не зажиганию газовой плиты.

Это значит постоянно узнавать себя – через непрерывный диалог с НЕЙ. Протягивать все новые ниточки, устанавливать новые связи.

Дженни могла меня разбудить, если ей вдруг приснится кошмар. Еще задолго до того, как мы узнали о ее болезни, она часто спрашивала меня испуганным голосом: «Оливер, скажи, если окажется, что я не могу иметь детей, ты ведь меня не разлюбишь?»

И то, что она получала в ответ на проявление своих чувств, не было чисто рефлекторным ободрением, наоборот, это были совершенно новые, доселе неизвестные мне эмоции. Да, Джен, мое самолюбие будет очень уязвлено, если я пойму, что у меня не может быть ребенка от тебя. Человека, которого я люблю.

Конечно, это не повлияло на наши отношения. Но искреннее беспокойство, вызвавшее столь же искренний ее вопрос, заставило меня понять, что я далеко не герой. Что на самом деле я недостаточно зрел, чтобы на весть о бездетности Дженни отреагировать хладнокровно. Я сказал ей, что нуждаюсь в *ней*, чтобы справиться с этим. И тогда, благодаря тому, что мы смогли признаться друг другу в своих сомнениях, мы стали лучше понимать самих себя.

Это нас сблизило.

– Оливер, ты даже не стал врать.

– Ну, разве тебя не расстроило мое малодушие, хоть это и правда?

– Нет. Наоборот, я рада.

– Почему это?

– Потому что знаю, что ты никогда меня не обманешь.

Подобных разговоров у нас с Марси еще ни разу не было. Вернее, естественно, она со мной делилась своими проблемами, когда была подавлена или на нервах. Что боится, как бы я не нашел себе новое «развлечение», пока она будет в разъездах. То же самое переживал и я. Станным образом, мы говорили друг другу нужные слова – вот только слишком легко они слетали с языка.

Может, это все потому, что я ожидал чего-то большего. Из-за моей нетерпеливой натуры. Ведь те, у кого был счастливый брак, знают точно, чего им нужно. И чего им не хватает. Но было бы нечестно требовать слишком многого от человека, у которого никогда не было... друга... которому можно было бы доверять.

И все равно, надеюсь, когда-нибудь я буду *нужен* Марси больше, чем теперь. И тогда, может быть, она даже разбудит меня среди ночи и

спросит что-то вроде: «Оливер, скажи, если окажется, что я не могу иметь детей, ты ведь меня не разлюбишь?»

– Марси, я буду горько плакать всю неделю.

Произнес я эту фразу в холле аэропорта. Часы показывали шесть утра.

– Не неделю, а одиннадцать дней, – поправила она, – мы еще ни разу не расставались так надолго.

– Да, – улыбнулся я. – Я просто подумал: а вдруг на демонстрации применят слезоточивый газ?

– Ты говоришь это так, словно будешь специально нарываться, Оливер! – укоризненно посмотрела на меня Марси.

В точку. Да, побывать на демонстрации и столкнуться с полицией кое для кого признак настоящего мачо. Чем не повод поднять самооценку, которая с приходом в мою жизнь Марси опустилась ниже плинтуса.

– И не надо провоцировать чертовых копов, – добавила Марси.

– Обещаю. Буду вести себя хорошо, – неохотно пробурчал я.

Затем объявили посадку. Поцеловав ее на прощание, я помчался, зевая на ходу, на свой автобус до Вашингтона.

Признаюсь честно, я люблю, когда моего участия требуют какие-нибудь «очень важные» дела. В эту субботу в Вашингтоне должен был состояться крупный антивоенный марш, и за три дня до него организаторы обратились ко мне с просьбой помочь в переговорах с Департаментом юстиции. «Ты нам правда очень нужен», – сказал мне Фредди Гарднер. Я ходил, гордый, как павлин, пока не узнал, что для них я не только опытный профессионал, но и «человек, который выглядит, как идеальный республиканец».

Загвоздка номер один заключалась в том, по какому маршруту двинутся демонстранты в этот раз. Дело в том, что обычно митингующие проходят по Пенсильвания-авеню, мимо президентского дворца, однако в этом году администрация президента настоятельно потребовала, чтобы марш прошел южнее. Интересно, думал я, насколько? Что ж нам, к Панамскому каналу, что ли, идти?

Каждую ночь я отправлял Марси подробные сводки.

– Клейндиенст (коллега) продолжает занудствовать: «Будут беспорядки», «Будут беспорядки».

- Откуда, черт его дери, он знает? – заинтересовалась Марси.
- В этом-то и штука! Вот и я у него спросил: с чего, мать его, он это взял? – ответил я.
- Прямо такими словами? – пораженно спросила Марси.
- Ну... почти. В любом случае он ответил: «Так сказал Митчелл» (наш общий знакомый по работе).
- А откуда знает Митчелл?
- Я спрашивал. Никакого ответа. Я чуть ему не вмазал, еле удержался.
- Очень «зрелый» поступок был бы. Ты вообще как, не хулиганишь? – улыбнулась Марси на том конце провода.
- Если бы за эротические мысли давали срок – уже бы мотал пожизненное, – ответил я с идиотской ухмылкой.
- Я рада, – сказала она.
- Конечно, счета за телефон нам приходили просто сверхгигантские.

На вечер четверга два епископа и целая орава священников назначили «Мессу мира» под стенами Пентагона. Нас предупредили, что скорее всего их попытаются арестовать, так что среди прихожан оказалась масса юристов.

– Беспорядки были? – спросила Марси, когда созванивалась со мной тем вечером.

– Нет. Полиция вела себя довольно вежливо. Но люди, толпа! Это невероятно. Они орали священникам вещи, которые и пьяные в баре постыдились бы сказать. Мне захотелось снести пару голов.

- И как, снес? – поинтересовалась Марси.
- Только мысленно, – развеял я ее опасения.
- Это хорошо, – довольным голосом произнесла она.
- Я скучаю по тебе, Марси. Мне хочется тебя обнять.
- Терпи. А что стало со священниками?
- Мы обратились в суд в Александрии, чтоб помочь им выкарабкаться. Вроде все прошло нормально. С чего ты, черт возьми, сменила тему? Я что, не могу поплакаться, как соскучился по тебе?..

В пятницу правительство отыгралось. Несомненно, молитвами мистера Никсона (и Билли Грэма^[59]) на Вашингтон обрушились

порывы холодного ветра. К тому же, на улице была огромная влажность. Но все это не остановило процессию со свечами, идущую за потрясающим капелланом Йеля по имени Билл Коффин. Черт побери, язык у этого парня был подвешен так, что он мог бы вернуть к религии даже меня. Позже я ходил послушать его в Национальный кафедральный собор. Я стоял в задних рядах (собор был забит под завязку) и дышал воздухом солидарности. В этот момент я отдал бы что угодно за возможность подержать Марси за руку.

Пока я совершал свой беспрецедентный визит в дом божий, орды Йиппи^[60], Безумцев, «Синоптиков»^[61] и прочих безмозглых придурков устроили безобразное побоище в районе развязки Дюпон. Разом подтвердив все опасения, которые я пытался развеять последнюю неделю.

– Сукины дети, – рассказывал я Марси, – им не нужно даже *повода* – лишь бы потом любоваться на себя в газетах и по телевизору.

– Им-то и надо было снести башку, – заметила она.

– Ты чертовски права, – расстроено ответил я.

– А где был ты?

– В церкви.

Марси не поверила. Чтобы убедить ее, пришлось процитировать пару отрывков из проповеди Коффина.

– Знаешь, я уверена, – сказала она, – что в завтрашних газетах будет полколонки про службу и три страницы о беспорядках.

Увы, она оказалась права.

Мне плохо спалось. Совесть мучила: я наслаждаюсь роскошью дешевого мотеля, в то время как тысячи демонстрантов обосновались на ледяной земле и мокрых скамейках.

Суббота встретила нас ледяным ветром, но радовало то, что хотя бы прекратился дождь. Пока в моей юридической помощи еще никто не нуждался, и не было ничего, против чего можно было протестовать, я решил прогуляться к собору Святого Марка, который превратился в место встреч.

Церковь была заполнена людьми. Они спасались от холода, пили кофе или просто молча ждали начала. Все было организовано очень хорошо – были даже распорядители, задачей которых было охранять

демонстрантов от полиции (и наоборот). Ну, и врачи тоже были, ведь люди за тридцать попадались сплошь и рядом.

У кофейного автомата группа медиков объясняла волонтерам, что делать в случае применения слезоточивого газа.

Знаете, иногда, когда ты один в толпе неизвестных людей, тебе начинают мерещиться знакомые лица. Судя по всему, это произошло со мной сейчас, потому что одна из медсестер, по-моему, здорово смахивала на... Джоанну Стайн.

– Привет, – сказала она, когда я брал кофе. Это *и правда* была Джоанна.

– Не хочу прерывать семинар по первой помощи, – произнес я.

– Все о'кей, – ответила она. – Я рада видеть тебя здесь. Как ты?

– Замерз.

Я не знал, надо ли извиниться за то, что не перезвонил ей. Момент был не слишком подходящим. Хотя, по-моему, в ее взгляде читался именно этот вопрос.

– Неважно выглядишь, Джо, – наконец проговорил я.

– Всю ночь провела в пути, – пожалала плечами Джоанна.

– Тяжко тебе пришлось, – сказал я и предложил ей стаканчик кофе.

– Ты один? – спросила она.

В каком это смысле?

– Надеюсь присоединиться к пяти сотням тысяч других, – ответил я. Вроде выпутался.

– Ага, – кивнула она.

Повисла пауза.

– А кстати, Джо, как твои родители и братья поживают? – как бы невзначай поинтересовался я.

– Братья где-то здесь. Мама с папой играют в Нью-Йорке, – ответила Джо. И добавила: – Так ты на демонстрацию приехал?

– Естественно, – сказал я, стараясь звучать как можно естественнее. И немедленно пожалел, что соврал. Вдруг она сейчас пригласит меня присоединиться к ее друзьям?

– Ты... прекрасно выглядишь, – отметила она. Похоже, она тянула время в надежде, что я проявлю чуть больше интереса.

Но мне было чертовски неловко просто стоять тут и пытаться вести светский разговор.

– Извини, Джо. Меня там, на холоде, ждут мои коллеги, – промямлил я.

– Понимаю. Хочешь, выйдем вместе? – предложила она.

– Нет, это просто...

Она поняла, что мне не очень удобно, и отстала.

– Ну, тогда приятного тебе вечера!

Я помедлил, но потом все-таки двинулся к выходу.

– Привет оркестру! – крикнул я.

– Они будут рады видеть тебя, Оливер. Приходи как-нибудь в воскресенье, – подмигнула Джоанна.

Пройдя пару метров, я оглянулся. Джо присоединилась к группе врачей, которая состояла из еще одной медсестры и двух врачей. Очевидно, это те, с кем она сюда приехала. Интересно, они просто коллеги? Или один из них ее бойфренд?

Не твое собачье дело, Оливер.

Я шел с ними. Но не пел. Толпа, словно огромная сороконожка, миновала суд округа, ФБР, Департамент юстиции и сделала резкий поворот у самого казначейства. В конце концов мы добрались до устремленного ввысь мемориала Джорджу Вашингтону, отцу нации.

За весь день я отморозил себе задницу, сидя на земле. И немного подремал под речи ораторов. Но даже в таком состоянии меня проняло, когда многотысячный хор запел «Дайте миру шанс».

Я не пел. У меня никогда не было слуха. Нет, конечно, если бы рядом был оркестр Джоанны, я мог бы попробовать. Но как-то странно петь соло в толпе.

В свой нью-йоркский полуподвал я вернулся совершенно измотанным. Как только я отпер дверь, тут же зазвонил телефон. Я схватил трубку, как полоумный.

Голова была совершенно пуста.

– Привет, – запищал я фальцетом, – это Эбби Хоффман^[62]. Поздравляю вас и желаю веселого Нового года!

По-моему, смешная шутка получилась.

Только Марси на том конце провода почему-то не смеялась.

Потому что это была не Марси.

– Гм... Оливер?

Моя маленькая шуточка, кажется, оказалась не ко времени.

– Добрый вечер, отец. Я... м-м... не думал, что это ты.

– Гм... да.

Мы помолчали. Потом отец все-таки сказал:

– Как дела, сын?

– Отлично. Как мама?

– Хорошо. Она тоже здесь. Гм... Оливер, насчет следующей субботы.

– Да, сэр?

– Мы встречаемся в Нью-Хейвене^[63]?

Вот черт, напрочь забыл про эту встречу, которую мы назначили еще в июне!

– М-м... Конечно. Разумеется, – непринужденно произнес я.

– Отлично. Ты на машине? – уточнил папа.

– Да.

– Значит, встречаемся прямо у ворот стадиона? Скажем, в полдень?

– О'кей.

– А потом, надеюсь, поужинаем.

Ну же, Оливер, скажи «да». Он же хочет видеть тебя. Это чувствуется по голосу.

– Да, сэр, – неохотно ответил я.

– Отлично. Гм... Мама тоже хочет поговорить с тобой.

Неделя бурных демонстраций закончилась для меня сдержанным разговором с родителями.

Марси позвонила в полночь.

– В новостях сообщили, что, пока вы там митинговали, Никсон смотрел футбол, – съязвила она.

Теперь это уже не имело никакого значения.

– Без тебя дома так пусто, – отозвался я.

– Еще неделя, и все.

– Эта чертова разлука должна наконец закончиться! – возопил я.

– Она и закончится, друг мой. Через семь дней, – пообещала Марси.

В моей семье привязанность и любовь призваны выражать традиции. У нас не приняты публичные изъятия чувств. Вместо этого мы посещаем обряды рода, тем самым демонстрируя нашу... лояльность ему. Таких священнодействий в году четыре: Рождество, естественно, Пасха и День Благодарения и, конечно, главный ритуал осени, Святой уик-энд. День морального Армагеддона, когда вступают в бой Добро и Зло, а Свет противостоит Тьме. Другими словами, Матч. Старый добрый Гарвард против Йеля.

В этот день нужно смеяться и плакать. А еще – и в гораздо большей степени – орать, визжать, вести себя, как недоразвитые подростки, и, разумеется, надраться в стельку.

В нашей семье все это, впрочем, проходит немного спокойнее. Если выпускники других университетов, заправившись Кровавой Мэри еще на стоянке, устраивают массовую драку не отходя от ворот, все, что интересует Барреттов, – спортивные достижения Гарварда.

Когда я был маленьким, отец брал меня на каждую игру на Солджер Филд^[64]. И подробно разбирал каждый момент каждой игры. В результате в десять лет я уже разбирался в самых причудливых сигналах рефери. Кроме того, я научился правильно вести себя как примерный болельщик. Отец никогда не вопил. Когда у гарвардцев дела шли хорошо, он говорил (почти про себя) фразы вроде «Молодец», «Отлично». Если же наши гладиаторы были не в ударе – например, когда мы продули 55:0, – единственной реакцией отца могло быть только слово «Жаль».

Да, отец был самым настоящим спортсменом. Выступал за Гарвард (гребля на академической одиночке). Он надевал галстук с черными и малиновыми полосами – в стиле заслуженного выпускника родного университета. Почетный значок с эмблемой университета давал право бронировать лучшие места на футбольных матчах. По правую руку от президента.

Ничего не изменилось за эти годы – матчи «Гарвард против Йеля» проходили по давно установленному стандарту. Только мой собственный статус теперь был иным. Теперь у меня тоже был свой

значок (по хоккею). А следовательно, и право на собственное место в престижном ряду. То есть я даже мог бы привести сюда своего сына и учить его – как понять, что назначили пенальти, к примеру.

Однако пока что я продолжал ходить на игры вместе с отцом. Кроме разве что тех лет, когда учился в колледже и был женат на Дженни. Мама же забросила футбол много лет назад, единственный раз за всю жизнь отказавшись подчиняться отцу: «Я не понимаю смысла всего этого, – сказала она ему, – к тому же, у меня мерзнут ноги».

Если матч должен был состояться на территории Кембриджа, то затем мы отправлялись ужинать в степенный бостонский «Locke-Ober's». Когда полем битвы становился Нью-Хейвен, отец предпочитал «Kausey's»: обстановка там была не такая древняя, а кухня – на порядок лучше. Вот и в этот раз мы отправились туда. Альма-матер проиграла со счетом 7:0, и матч был какой-то неинтересный – особо нечего обсуждать. Ну вот, теперь не исключено, что беседа коснется вещей, со спортом не связанных. Я намеревался не говорить о Марси.

– Жаль, – сказал отец.

– Подумаешь, какой-то футбол, – ответил я, похоже, чисто автоматически уйдя в оппозицию.

– От Масси я ожидал более агрессивной игры, – ответил отец.

– Гарвард хорош в защите, – предположил я.

– Да. Может, ты и прав.

Мы заказали лангуста. Учитывая, сколько народу было в ресторане, ждать нам точно пришлось бы долго. Вокруг бродили пьяные йельцы и распевали во всю глотку победные гимны, восхваляя футболистов. В любом случае, нам с отцом повезло – выбранный нами столик находился в тихом месте, где мы могли слышать друг друга. Конечно, если бы у нас вообще нашлись общие темы для беседы.

– Как ты? – спросил папа.

– Да все по-прежнему, – ответил я. (Каюсь, я никогда не пытался облегчить наши разговоры.)

– С настроением... лучше? – пытается проявлять интерес. Допустим.

– Немного.

– Замечательно.

Сегодня я заметил, что отец выглядел более хмурым, чем в прошлом году. И даже более озадаченным, чем когда мы ужинали в Нью-Йорке прошлым летом.

– Оливер, – начал он тоном, обычно предвещающим неприятности, – могу я быть откровенным?

Пап, ты что, серьезно?!

– Разумеется, – ответил я.

– Я хотел бы поговорить с тобой о будущем.

– О моем будущем, сэр? – спросил я, в душе уже вовсю готовясь к обороне.

– Не совсем. О будущем Семьи.

Я вдруг подумал, что либо отец болен, либо мама. С этих двоих вполне стало бы сообщить об этом с таким вот флегматичным видом. Или вообще просто прислать письмо. (Очень в стиле мамы!)

– Как ты знаешь, мне уже шестьдесят пять, – объявил он.

– Будет в марте, – поправил я. Пусть знает, что я в курсе.

– Хорошо, тем не менее я должен думать так, будто мне уже шестьдесят пять.

Ему что, не терпится узнать размер своей пенсии?

– Согласно правилам партнерства...

Я абстрагировался от того, что он нес ближайшие минут десять. Поскольку слышал все это в тех же выражениях и относительно того же вопроса двенадцать месяцев назад. То есть я уже заранее знал, о чем он.

Только в этот раз обставлено все было несколько иначе. В прошлом году, после нескольких разговоров с гарвардскими шишками, мы остановились перекусить уже в Бостоне. Отец припарковался прямо у своего офиса на Стэйт-стрит. В этом здании размещалась лишь одна фирма, та, чье название, собственно, и украшало фасад: «Инвестиционный банк Барретта, Уорда и Сеймура».

По пути к ресторану отец посмотрел наверх и заметил:

– Правда, по вечерам здесь зловещая тишина?

– В твоем личном офисе всегда тихо, – отозвался я.

– Так вот, это затишье перед бурей.

– Но ты ведь любишь такое затишье.

– Да, Оливер, – сказал он, – мне нравится.

Что? Не деньги, определенно. И не сама власть, гарантированная за счет вложений в города, предприятия или корпорации. Думаю, он имел в виду ответственность. Вот что его возбуждало – если отца вообще когда-нибудь что-нибудь возбуждало. Ответственность по отношению к заводам, которыми владела Компания, к самой Компании и к ее священному институту моральных ценностей – Гарварду. И, конечно, к Семье.

– Как ты знаешь, мне уже шестьдесят четыре, – объявил отец тем вечером в Бостоне – целый матч Гарвард – Йель назад.

– В следующем марте, – уточнил я, дав таким образом понять, что помню день его рождения.

– ...а согласно правилам партнерства, я должен уйти в отставку в шестьдесят восемь.

Повисла пауза. Мы шли по пустынным улочкам Бостона.

– Нам необходимо поговорить об этом, Оливер.

– О чем, сэр?

– Кто станет старшим партнером после меня.

– Мистер Сеймур, – предположил я. В конце концов, есть еще два партнера – судя по названию компании и вывеске над офисом.

– Сеймур и его семья владеют двенадцатью процентами, – сказал отец. – У Уорда десять.

Господь свидетель – не я спросил его об этом, он сам.

– Еще несколько процентов акций у тети Элен – их по ее просьбе контролирую я. – Он вздохнул и продолжил: – Остальное принадлежит нам.

Мне захотелось перебить его. Просто чтобы не дать закончить:

– ... а в конечном счете – тебе.

Если бы я не представлял, каких усилий от него потребовал этот разговор, давно бы сменил тему. Вот только он однозначно готовился к этому моменту долго и тщательно.

– Разве Сеймур не может стать старшим партнером? – поинтересовался я.

– Может. В случае, если никто больше не согласится принять... непосредственной ответственности за долю Барреттов.

– О'кей, допустим, он согласится? – что должно было означать «Допустим, я не соглашусь?».

– Тогда, согласно правилам партнерства, они могут выкупить нашу долю, – он помедлил, – но, разумеется, после этого все будет по-другому.

Папа не просто констатировал факт. Его голос звучал жалобно.

– Что это значит? – спросил я.

– Семья... Ее... участие.

Он знал, что я понял. Он знал, что я знал, почему мы идем так медленно. Но дистанция подошла к концу. Мы стояли у входа в «Locke-Ober's».

Так что он успел добавить только:

– Подумай об этом.

Я кивнул, но знал, что не стану думать об этом ни секунды.

Атмосфера внутри была немного лучше теперешней. «Малиновые» в тот день совершили чудеса. На последней минуте Господь простер десницу свою над командой Гарварда, посредством посланника своего молодого защитника по имени Чампи. Шестнадцать очков меньше чем за шестьдесят финальных секунд, и на тебе – поразительный результат – ничья. Повод, чтобы отметить. Радостные мелодии неслись отовсюду:

Мы к воротам устремимся дружно,
Наш взрывной порыв неукротим!
И за Гарвард всех порвем, коль нужно, —
Гарвард наш родной непобедим!^[65]

В такой атмосфере любые разговоры о семейных традициях казались совершенно неуместными – ведь все вокруг говорили о футболе. Мы прославляли Чампи, Гатто и «малиновых». Мы пили за сезон без единого проигрыша – первый для Гарварда с тех пор, как мой отец поступил в колледж.

Теперь, год спустя, все было совсем иначе и намного серьезнее. Дело было не только в том, что Гарвард продул, но и в том, что прошел еще год, а вопрос с наследником оставался нерешенным. И стал намного более насущным.

– Отец, я юрист. У меня свои обязанности, своя ответственность, – сказал я.

– Понимаю. Но наш центр операций в Бостоне совсем не будет мешать твоей социальной деятельности. Скорее наоборот: можешь считать работу в Фирме ее другой стороной.

Мне не хотелось обижать его, поэтому я не стал говорить, что «другая сторона» – как раз то, с чем я так серьезно борюсь.

– Я понимаю, – сказал я, – но, честно говоря...

Здесь пришлось помедлить, облекая свои воинственные доводы в как можно менее резкие слова.

– Отец, я ценю, что ты обратился ко мне. Но я на самом деле... не склонен принять твое предложение...

Кажется, сказано было вполне определенно – отец даже не сказал обычного «У тебя есть время подумать, сынок».

– Понимаю, – сказал он. – Я разочарован, но понимаю.

На обратном пути я достаточно успокоился, чтоб состричь самому себе под нос:

– В нашей семье вполне достаточно одного миллионера.

Хоть бы Марси уже была дома!

– Оливер, ты уверен?

– Да, Марси.

Марси уже была дома, когда я вернулся из Нью-Хейвена, и была свежа и бодра. Невозможно было даже представить, что она провела весь день в самолете.

Хотя разговор с отцом был всего лишь одной из множества новостей, он заинтересовал ее больше других.

– Ты отказался, даже не задумываясь? – изумилась она.

– Не задумываясь и не сомневаясь.

Потом я вспомнил, с кем говорю. И поинтересовался:

– Естественно, будь ты на моем месте, ты бы возглавила эту проклятую компанию, не так ли? То есть, ты ведь так и поступила.

– Но я была очень сердита, – искренне призналась Марси. – Мне столько всего хотелось доказать.

– И мне. Именно потому я и отказался, – заметил я.

– И ты допустишь, чтобы... м-м... наследство ушло к другим?

– Хорошее наследство – первые предприятия с каторжными условиями труда в Америке!

– Оливер, это древняя история. В наше время член профсоюза зарабатывает баснословные...

– Да какая, к черту, разница!

– Посмотри, сколько хорошего сделала твоя семья! Больница, Барретт-Холл в Гарварде. Пожертвования...

– Слушай, давай сменим тему, ладно?

– Почему? Ты ведешь себя, как ребенок. Как какой-нибудь левый радикал из прошлого!

Какого дьявола она так отчаянно пытается уговорить меня взять на себя руководство папиной компанией, черт бы ее побрал?

– К черту все это, Марси!

Внезапно раздавшийся телефонный звонок просигналил «Брейк!».

– Мне ответить? – спросила Марси.

– Перезвонят. Совесть надо иметь – почти полночь на дворе, – отмахнулся я.

– А вдруг что-то важное? – настаивала она.

– У меня нет ничего настолько важного!
– Я тоже живу здесь, – сказала Марси.
– Значит, ответь, – буркнул я, понимая, что вечер воссоединения любимых окончательно испоганен.

Марси ответила.

– Это тебя, – сказала она и передала трубку мне.
– Что надо? – рявкнул я.
– Эй, мистер Чудесный! Она еще там! – радостно сообщил голос. Это был Филипп Кавильери. Пришлось улыбнуться.
– Ты меня проверяешь?
– Тебе ответить честно? Да. Так как у тебя продвигается дело? – тоном великого конспиратора произнес Фил.
– Что ты имеешь в виду, Филипп?
– Как что?! Динь-дон, динь-дон, – ответил тот.
– Что это? Часы с кукушкой?
– Свадебные колокольчики. Когда мы их услышим, черт побери?
– Фил, ты узнаешь первым.
– Так скажи мне сейчас, чтоб я мог спокойно отойти ко сну.
– Филипп, – ответил я в притворном негодовании, – ты позвонил, чтобы проводить пропаганду брака или чтобы сообщить что-нибудь полезное?
– Ага. Давай поговорим о птичке.
– Фил, я же уже сказал...
– Да не о твоей птичке! О настоящей. Я имею в виду фаршированную индейку. На День благодарения.
– Ой – это же на следующей неделе.
– Я хочу, чтобы ты и этот интеллигентный женский голос присоединились к нашему семейному празднованию.
– А кто приглашен, кроме нас? – уточнил я.
– Отцы-пилигримы! Какая, к чертям, разница?
– Кого ты там наприглашал еще, Фил? – настаивал я, не на шутку опасаясь толпы шумных итальянцев из Крэнстона.
– Пока что никого. Ну, разве что я сам приду, – хихикнул он.
– А... – протянул я. И вспомнил, что Филипп терпеть не мог шумные семейные праздники. («Ненавижу этих вечно вопящих бамбино», – говорил он. Я делал вид, что верю его оправданиям).

– Отлично. Следовательно, ты мог бы приехать к нам сюда, – я взглянул на Марси. Она одобрительно улыбалась, одновременно усиленно показывая жестами: «Кто, черт побери, готовить-то будет?»

– Марси хочет с тобой встретиться, – продолжал настаивать я.

– Эмм... Я, пожалуй, не смогу, – заупрямился Филипп.

– Давай, – настаивал я по-прежнему.

– О'кей. Когда? – сдался Кавильери.

– Рано утром. Просто дай знать, когда прибывает твой поезд.

– Привезти с собой что-нибудь? Хочу напомнить, что у меня лучшие тыквенные пироги на всем Род-Айленде.

– Не откажемся. Было бы здорово, – облизнулся я.

Марси отчаянно сигнализировала: «А остальное?»

– Гм... Фил, еще одна вещь. Ты умеешь готовить индейку?

– Как самый настоящий индеец! – завопил он. – А еще я могу достать тушку индейки у своего друга Анджело. Ты уверен, что она не обидится?

– Кто, Фил?

– Твоя прекрасная невеста. Некоторые леди очень обижаются, когда на их кухне хозяйничает чужой мужик.

– Марси женщина современная, – успокоил его я.

Тем временем современная женщина уже подпрыгивала от восторга.

– Отлично. Значит, она и вправду замечательная. Ее зовут Марси, да? Как думаешь, Оливер, я ей понравлюсь? – донимал меня вопросами Филипп.

– Ответ положительный, – подмигнул я в телефонную трубку.

– Тогда я приезжаю на поезде в пол-одиннадцатого. О'кей?

– О'кей.

Я уже собирался положить трубку, когда снова услышал его голос.

– Ты тут еще, Оливер?

– Да, Фил?

– А знаешь, День благодарения – самое подходящее время для свадьбы.

– Спокойной ночи, Фил.

Сеанс связи, наконец, завершился. Я обернулся к Марси:

– Ты рада, что он приедет?

– Если ты уверен, что я ему понравлюсь, – смутилась та.

– Слушай, что ты так волнуешься? – отмахнулся я.

– Будет куда лучше, если мне не придется готовить.

Мы рассмеялись.

– Минутку, Оливер, – сказала она, – разве тебя не ждут дома, в Ипсвиче?

Верно. День благодарения – одна из святых дат Барреттов. Но ничего не попишешь: у меня *непредвиденные обстоятельства*.

– Я позвоню и скажу, что задержался из-за дела попечительского совета. Рассмотрение как раз начинается в понедельник, – придумал я.

Марси пришлось тоже внести изменения в свой график.

– Мне надо быть в Чикаго, но я прилечу сюда на ужин, а потом вернусь последним самолетом. День благодарения – очень важная дата: в пятницу начинаются распродажи.

– Отлично. Семейный праздник много значит для Фила.

– Я рада, – улыбнулась Марси.

– О'кей, теперь, когда мы все организовали, – сказал я, – могу ли я рассказать, что чувствую?

– Да. Что такое? – Марси приняла обличье заботливой медсестры.

– Мне грустно. Гарвард проиграл Йелю. И день был совсем неудачный. Нет ли у тебя каких-нибудь идей, как можно было бы утешить меня?

– Тебя срочно нужно полечить, – нахмурилась Марси, – не хочешь прилечь на эту кровать?

– Хочу, – ответил я. И лег. Она присела на краешек.

– А теперь можешь делать все, что хочешь, – предложила она.

Я послушался.

После чего мы заснули, совершенно счастливые.

Всю неделю Фил Кавильери, не покладая рук, готовил праздничное угощение. Наверняка постоянные звонки мне влетели ему в кругленькую сумму.

– Как думаешь, Марси понравится начинка с грецкими орехами?

– Марси еще на работе, Фил, – ответил я.

– В восемь вечера? – изумился Кавильери.

– Да, по средам она работает допоздна, – придумал я объяснение.

– Какой у нее там номер? – похоже, чтобы выяснить отношение Марси к орехам, он был готов звонить прямо сейчас на работу.

– Она занята, Фил. Но, да, вспомнил! Она обожает грецкие орехи, – нашелся я.

– Великолепно!

И он исчезал. Ненадолго.

В последующие дни имели место телефонные конференции по грибам, тыкве («Может, лучше кабачки?»), виду клюквы («Желе или целые ягоды?») и прочим овощам и ягодам.

– Они будут прямо с фермы, – заверил Фил. Я сразу подумал, что ему придется везти их аж с Род-Айленда – не то, что ваша нью-йоркская мороженая синтетика!

Естественно, все важнейшие решения за Марси принял я. У нее как раз была неделя в Цинциннати, Кливленде и Чикаго. Хотя мы общались довольно часто – не меньше часа каждый вечер, меню в список важнейших тем для обсуждения явно не входило.

– Как идет дело попечительского совета, друг мой? – интересовалась Марси.

– Я готов. Барри проделал огромную работу. Мне осталось только выступить. Сейчас как раз перечитываю список запрещенных материалов. Представляешь, эти скоты не разрешают ученикам читать Воннегута. И даже «Над пропастью во ржи».

– О, это очень грустная книга, – вздохнула Марси, – бедный одинокий Холден Коулфилд.

– А меня ты не пожалеешь? Я тоже очень одинок.

– Ох, Оливер, я не просто жалею. Я обливаюсь слезами.

Если бы мой телефон прослушивался, агент на прослушке тоже обливался бы слезами каждую ночь, когда звонила Марси.

Утром Дня благодарения меня разбудила индейка. Внес ее лично Филипп Кавильери, который в последний момент решил, что ему нужен самый ранний рейс. Чтобы иметь в запасе достаточно времени на все («Знаю я эту твою плитку – тот еще раздолбанный тостер»).

– Ну и где она? – спросил Филипп, когда сгрузил все свертки и пакеты на полки холодильника и обшарил все углы в поисках объекта своего любопытства.

– Фил, она здесь не живет. Кроме того, она в Чикаго, – ответил я.

– Почему?

– Бизнес.

– Ух! Так она деловая женщина?

– Да.

Это его впечатлило, и он тут же спросил:

– Она *ценит* тебя, Оливер?

Господи, это никогда не кончится!

– Давай-ка уже начнем готовить ужин, Фил! – предложил я.

Я занялся уборкой, а Фил – готовкой. Я накрывал на стол. Он расставлял на нем холодные закуски. К полудню можно было объявлять готовность номер один. Не хватало лишь индейки, которая должна была поспеть в полпятого. Самолет Марси приземлялся в «Ла Гуардии» в полчетвертого. В праздник не бывает пробок, так что мы спокойно успеем сесть за стол к пяти. В ожидании обеда мы с Филом заглушали голод просмотром футбола по телевизору. Он отказался выйти даже на пару минут, хотя день был невероятно ясным и солнечным, какие обычно бывают в ноябре. Настоящий профессионал Фил не мог позволить птице выскользнуть из-под своего неусыпного наблюдения.

Где-то в два зазвонил телефон.

– Оливер?

– Где ты, Марси?

– В аэропорту. В Чикаго. Я не смогу приехать.

– Что-то не так?

– Да, но не здесь. Кризис в денверском филиале. Вылетаю туда через двадцать минут. Подробнее объясню ночью. – Голос Марси был явно расстроенным.

– Насколько все серьезно? – испугался я.

– Как я понимаю, очень серьезно. Мне может понадобится несколько дней, но если повезет, удастся избежать полного краха.

– Я могу помочь?

– Да... пожалуйста, объясни все Филиппу. Передай, что я очень сожалею.

– О'кей. Но это будет непросто.

Короткая пауза. Которая могла быть и длиннее, если б Марси не торопилась на самолет.

– Знаешь, голос у тебя невеселый, – произнесла она.

Я задумался. Не хотелось добавлять ей проблем.

- Всего лишь разочарованный. Мы же... хотя ладно, забыли.
- Пожалуйста, дождитесь, пока я доберусь до Денвера. Я позвоню, – прокричала она в трубку.
- Да, – ответил я кратко.
- Скажи мне что-нибудь хорошее, пожалуйста, Оливер, – умоляла Марси.
- Надеюсь, в самолете подадут индейку, – улыбнулся в трубку я.

Наш с Филом пир на двоих прошел в такой успокаивающей атмосфере, что это мне даже напомнило старые времена.

Мы были вдвоем, только я и он.

Еда была великолепной. Чего не скажешь о мыслях в голове – проглатывались они с большим трудом.

Филипп пытался помочь мне успокоиться.

– Слушай, – сказал он, – у деловых людей такое случается. Они полжизни проводят в отъезде. Это в самой природе... бизнеса.

– Да, – с трудом выдавил я.

– И не только в этой профессии людям постоянно приходится быть в разъездах. Взять хоть армию...

Великолепная аналогия!

– Ведь если они там не могут без Марси, это значит, что у нее серьезная должность, верно?

Я промолчал.

– Она возглавляет что-нибудь?

– В общем-то да.

– Вот видишь. Она современная девушка. Господи, да ты ею гордиться должен. Она из тех, кто добивается своего. Идет на повышение, конечно?

– Вроде того.

– Это хорошо. Амбициозная. Тебе определенно есть чем гордиться, Оливер.

Я кивнул – просто чтобы дать ему понять, что не задремал.

– Когда я был маленьким, – поведал Фил, – в семье все гордились тем, что могут сказать: «Наши дети амбициозны». Конечно, обычно так говорили о парнях. Но эти современные девушки, они же хотят равенства во всем?

– Абсолютно, – отозвался я.

Моя неразговорчивость наконец убедила его, что ему не удастся смягчить мое разочарование.

– Слушай, – он попытался зайти с другой стороны, – если бы ты на ней женился, все было бы иначе.

– Почему? – спросил я с еле уловимой иронией.

– Потому что женщина остается женщиной. Жена всегда будет сидеть дома, со своей семьей. Это их природа.

С его пониманием женской природы я спорить не стал.

– Послушай, – продолжал он, – это твоя ошибка. Если ты сделаешь честной женщине...

– Фил!

– Что верно, то верно, – рявкнул он, защищая человека, которого и в глаза не видел. – Пусть меня закидают камнями эти чертовы феминистки, я знаю, что говорит Библия. «Муж да *прилепится* к жене своей». Верно?

– Верно, – ответил я в надежде, что он, наконец, заткнется. Помогло. На несколько секунд.

– Эй, так что же, черт побери, означает «прилепится»? – спросил он.

– Находиться очень близко друг к другу.

– Она читает Библию, Оливер?

– Думаю, да.

– Позвони ей. В отеле должно быть карманное издание.

– Непременно, – обещал я.

– Что вы чувствуете?

Доктор Лондон, на сей раз мне и в самом деле нужна ваша помощь. Что я чувствую?

– Злость. Ярость. Раздражение.

Но было и еще кое-что.

– Как будто меня в угол загнали. Я не знаю, что чувствовать. Мы были на вершине... Не знаю.

Вернее, *знаю*, просто сказать не могу.

– Я хочу сказать... мы строили отношения. Или пытались строить. Как у нас может что-то получиться, если мы не бываем вместе? Если мы не видимся? Разговоры по телефону – это не выход. Я не соблюдаю все эти религиозные формальности, но мне кажется, что если мы не встретили вместе Рождество...

Заплакать? Мне кажется, даже Джек Потрошитель встречал Рождество с друзьями.

– Нет, с денверским филиалом правда были серьезные проблемы – дела там шли из рук вон плохо. Марси *пришлось* лететь. И задержаться. Некому было поручить все эти хлопоты. А как быть со мной? Кому поручить держать меня за руку? Готовить завтрак?

Да, черт возьми, такая у нее работа! Надо смириться с этим. Я не жалуясь. То есть, конечно, жалуясь. Но я, кажется, так и не повзрослел...

– Более того. Я эгоистичен. Невнимателен. Марси моя... мы... практически пара. У нее проблемы в Денвере. Верно. Несмотря на то, что она босс, некоторые местные проныры считают ее слишком строгой. Да, руководить сетью супермаркетов непросто. – А в это время я шатаюсь тут без дела и ною неизвестно зачем, хотя, может быть, должен быть *там*, с ней. Поддерживать ее. Господи, я же по своему опыту знаю, как это важно. И если я поступлю так, она узнает...

Я сбился. Что понял доктор Лондон из этих обрывков фраз?

– Мне надо лететь в Денвер, – произнес я.

Молчание. Я был доволен своим решением. Потом до меня дошло, что сегодня пятница.

– Но ведь в понедельник мне надо выступать в суде против попечительского совета. До смерти охота сцепиться с этими динозаврами...

Пауза. Взгляд внутрь себя. Что тебе важнее, Оливер?

– Что ж, дело я могу передать Барри Поллаку. Тем более что он в нем лучше ориентируется, чем я. Конечно, так как он еще молод, чертовы пираньи легко могут сбить его с толку. А, черт, я знаю, что у *меня* получилось бы лучше. Это важно!

Господи, что за жестокая игра этот психологический пинг-понг! Я почти что сломался под градом собственных контраргументов!

– Но Марси важнее! Какой бы она ни была крутой и хладнокровной, она там сейчас совсем одна, и ей нужен друг. И, может быть, я смогу хоть раз в жизни сделать что-то для другого человека, а не собственного эго!

Последний довод убедил меня. Я задумался.

– Так я лечу в Денвер, нет?

Я посмотрел на доктора. Лондон помолчал немного, потом ответил:

– Если нет, жду вас в понедельник в пять.

– Оливер, не покидай меня. Я не смогу.

– Не волнуйся, все будет в порядке. Расслабься.

По дороге в аэропорт я утешал Барри Поллака.

– Но *зачем*, Олли? Зачем вдруг спихивать это дело на меня в такой момент?

– У тебя получится. Ты знаешь материалы от корки до корки.

– Да знаю я, что я их *знаю*! Но, Оливер, я не умею вести полемику и находить зацепки так, как ты. Они запутают меня! Мы проиграем!

Я успокоил его и объяснил, как парировать все выпады со стороны обвинения. Главное – говорить отчетливо и медленно. Если можно, баритоном. И всегда обращаться к нашему главному свидетелю «доктор» – это производит впечатление.

– Господи, я боюсь! Почему тебе надо в Денвер именно сейчас? – не отставал Поллак.

– Это необходимо, Барри. Не могу сказать больше ничего.

Мы проехали в нервном молчании, наверное, целую милю.

– Эй, Олли? – спросил Поллак.

– Да, Барри?

– Если я попробую угадать, ты мне скажешь?

– Да. Попробуй.

– Это контракт. Очень, очень выгодный контракт. Верно?

В этот момент мы добрались до терминала. Я был на полпути наружу еще до того, как машина остановилась.

– Ну, – ныл Барри, – так это контракт?

Оливер Барретт с улыбкой чеширского кота пожал руку молодому коллеге прямо через окно такси:

– Удачи нам обоим!

И направился на регистрацию. Удачи тебе, Барри! Ты был слишком потрясен, чтобы заметить, что мне тоже не по себе. *Потому что для Марси мой приезд точно будет сюрпризом.*

Когда мы приземлились в Городе-на-высоте-мили (как постоянно величал его веселый пилот), я тут же схватил чемодан, взял самое быстро передвигающееся такси и сказал:

– Гостиница «Браун Палас». И, пожалуйста, так, чтоб сам черт за нами не угнался!

– Держись за сомбреро, парень, – ответил таксист. Повезло.

Ровно в девять вечера (одиннадцать минут спустя) автомобиль уже остановился у одной из самых роскошных гостиниц Денвера. Просторный холл с куполом в стиле *конца XIX века*. Огромный сад, занимающий всю центральную часть здания. От высоты потолков голова шла кругом.

Я прекрасно знал, в каком номере остановилась Марси, – после всех бесконечных телефонных звонков. Я оставил багаж у портье и помчался на седьмой этаж. Звонить не стал. Уже у двери пришлось остановиться, чтобы восстановить дыхание (еще бы – столько лестничных пролетов за один раз!). Постучал.

Тишина.

Потом дверь открыл мужчина. Я бы сказал, очень солидный мужчина. Похожий на пластикового Кена.

– Чем я могу помочь вам? – приторно сладким голосом произнес он.

Кто это такой, черт побери? Акцент не денверский. Даже не слишком английский. Он вообще с этой планеты?

– Мне нужна Марси, – ответил я.

– Боюсь, она сейчас занята.

Чем? На какие еще препятствия я сейчас наткнусь? Этот тип был слишком красив. Из тех, кому хочется дать в рожу чисто из принципа.

– В любом случае, мне нужно ее увидеть, – настаивал я.

Он был по крайней мере на два дюйма выше. А его костюм был сшит настолько хорошо, что трудно было понять, где кончается он и начинается хозяин.

– М-м... Мисс Биннендейл ожидает вас?

За это «м-м» кое-кто, похоже, сейчас хорошенько схлопочет в челюсть.

Но прежде чем я смог перейти к нанесению увечий, изнутри донесся женский голос:

– Что там, Джереми?

– Ничего, Марси. Так, недоразумение.

Он опять повернулся ко мне.

– Джереми, я не недоразумение или плод фатальной ошибки, – сообщил я, – родители планировали мое рождение.

То ли это откровение, то ли явные нотки гнева в моем голосе заставили Джереми дать мне пройти. Пока я шел по небольшому коридорчику, пытался представить, какотреагирует Марси. И чем она вообще занята.

Основным цветом в гостиной было серое сукно – она была битком набита представителями того самого «руководящего звена». Присутствующие нервно курили и жевали крошечные сэндвичи.

У стола стояла Марси Биннендейл. Голодная и без сигареты в руках (слава богу, не раздетая – именно этого я опасался). Я застал ее прямо в процессе... бизнес-процессе.

– Вы знаете этого джентльмена? – спросил Джереми.

– Естественно, – ответила Марси, улыбаясь. Но не кидаясь в мои объятия, как я мечтал всю дорогу.

– Привет, – произнес я. – Извини, если помешал.

Марси оглянулась и сказала всем находящимся в комнате:

– Прошу прощения, я на минуту отлучусь.

Мы вышли в коридор. Я взял ее за руку, но от объятий она уклонилась.

– Эй, что ты здесь делаешь?

– По-моему, тебе здесь нужен кто-нибудь из друзей. Я останусь, пока ты не справишься со всем.

– А что с процессом? – ужаснулась Марси.

– К черту! Ты важнее. – И я обнял ее за талию.

– Ты спятил? – прошептала она. В этом шепоте можно было услышать что угодно, кроме негодования.

– Однозначно. Спятил от количества часов, проведенных в одиночку в двуспальной кровати. Спятил от тоски по тебе. От фанерных тостов и недожаренных яиц. Спятил...

– Слушай, дорогой, – перебила она и показала на комнату, откуда мы вышли, – у меня, вообще-то, совещание.

А какое мне дело, что нас может услышать кто-то из обшитых серым сукном? Я продолжил свою тираду:

– ...и я решил, что даже в своей президентской запарке ты, может, тоже решишь чуточку спятить, и...

– Зануда, – сурово прошептала она. – Я на совещании.

– Я вижу, что ты занята, Марси. Но послушай, когда ты закончишь, я буду ждать тебя у себя в номере.

– Оно может длиться до Второго пришествия.

– Значит, я буду ждать вечность.

Похоже, Марси почувствовала это.

– О'кей, друг мой.

Она поцеловала меня в щеку. И вернулась к своим делам.

«О, моя любовь, моя Афродита, моя прекрасная рапсодия...»

Жан-Пьер Амон, офицер Иностранного легиона, домогался любви неземной аравийской принцессы, которая исступленно возражала: «Нет, нет, нет, берегитесь моего папа!».

Было уже за полночь, и этот древний фильм был единственным, чем могло порадовать телевидение города Денвер.

Помимо дурацкой мелодрамы, компанию мне составлял уменьшавшийся с каждым мгновением запас поп-корна. Я дошел уже до такого состояния, что беседовал с телевизором:

– Ну, Жан-Пьер, давай, сорви уже с нее одежду! – но легионер не обращал на меня никакого внимания и продолжал нести чушь, заламывая руки.

Потом в дверь постучали.

Слава богу!

– Привет, малыш, – сказала Марси.

Она была совершенно измотана, волосы рассыпались по плечам – как я люблю.

– Как дела? – спросил я.

– Я отправила всех по домам.

– Вы там все решили?

– Ох, нет. Там все еще безнадежный завал. Можно, я войду?

Я настолько плохо соображал, что даже не сразу понял – прислонился к дверному проему, загораживая вход.

Она вошла. Сняла туфли. Рухнула на кровать. И устало посмотрела на меня:

– Большой романтичный зануда бросил свое дело первостепенной важности?

Я улыбнулся.

– У меня есть приоритеты. Я решил, что тебе может понадобиться моя помощь тут, в Денвере.

– Это так мило, – сказала она, – немного сумасбродно, но ужасно мило.

Я пришел к ней и заключил ее в объятия.

Примерно через пятнадцать секунд мы уснули мертвецким сном.

Мне снилось, что Марси проскользнула ко мне в палатку и шепчет: «Оливер, давай проведем день вместе. Только я и ты. И нам будет нереально хорошо!»

Проснувшись, я обнаружил, что сон начинает сбываться.

Марси была одета по-зимнему. А в руках держала лыжный костюм моего размера.

– Вставай, – сказала она, – мы идем в горы.

– А как насчет твоих встреч?

– Сегодня я встречаюсь только *с тобой*. С остальными договарюсь после ужина.

– Господи, Марси, что тебя стукнуло?

– Приоритеты, – улыбнулась она.

Только что Марси снесла кому-то голову.

Этим кем-то был снеговик, а орудием обезглавливания – снежок.

– Во что будем играть дальше? – поинтересовался я.

– Расскажу после обеда, – подмигнула Марси.

Я не имел ни малейшего понятия, в каком месте национального парка «Роки-Маунтин» мы сейчас находились. Но до самого горизонта простиралась совершенно безлюдная территория. А самым громким звуком был хруст снега под ногами. Нетронутая белизна повсюду. Как будто природа приготовила нам свадебный торт.

Может быть, Марси и не умела зажечь газовую плиту, но с примусом она обращалась мастерски. Мы подкрепились супом и сэндвичами прямо тут же, в горах. К черту роскошные рестораны! И обязательства. И телефоны. И города с населением больше двух человек.

– Так где мы находимся? – спросил я. (Компас тоже был у Марси.)

– К востоку от нигде, – подмигнула она.

– Мне нравятся здешние красоты, – улыбнулся я.

– Знаешь, если бы ты не ворвался в мой номер, нагрянув, как гром среди ясного неба, я бы все еще торчала в той прокуренной комнате в отеле, – с благодарностью произнесла Марси.

Она приготовила кофе на примусе, который эксперты, конечно, могли бы назвать неудачным и даже опасным для здоровья. Как бы там ни было, меня он согрел.

– Марси, – сказал я, шутя лишь наполовину, – в тебе пропадает кулинар.

– Готовлю только на лоне дикой природы, – засмеялась Марси.

– Значит, это твоя стихия, – улыбнулся я.

Марси посмотрела на меня, а потом огляделась по сторонам. Она вся светилась счастьем:

– Как жаль, что рано или поздно нам придется уйти...

– Мы можем остаться, – я был серьезен. – Марси, мы можем остаться здесь, пока ледники не начнут таять или пока нам не захочется поваляться на пляже. Или спуститься на каноэ по Амазонке. Давай, я серьезно!

Марси задумалась. Размышляет, как отнестись к моему... Предложению? Или идее?

– Ты меня проверяешь? Или серьезно? – наконец спросила она.

– И то, и другое. Я буду счастлив выйти из этой мышинной беготни, а ты? Немногие люди могут себе это позволить...

– Кончай, Барретт, – запротестовала она, – ты самый амбициозный из всех, кого я когда-либо знала. Кроме меня. Спорим, ты иногда видишь себя в кресле президента?

Я улыбнулся. Но кандидат в президенты не имеет права врать:

– О'кей. И такое бывало. Но в последнее время я думаю, что гораздо с большим удовольствием учил бы своих детей кататься на коньках.

– В самом деле? – Марси была искренне удивлена.

– Только если они пожелают учиться, – добавил я. – Ты могла бы жить счастливо, если бы не нужно было ничего никому доказывать?

Она на секунду задумалась.

– Что-то новенькое, – ответила она. – Пока не появился ты, я чувствовала себя лучше, только если побеждала и внимание всех было приковано ко мне.

– Скажи, а что может сделать тебя счастливой теперь?

– Парень.

– Какого типа?

– Который не станет во всем слушаться меня. Который поймет, что на самом деле... мне не всегда хочется быть главной.

Я молча слушал ее. И горы тоже молчали.

– Мне нужен ты, – наконец произнесла Марси.

– Я рад, – ответил я.

– Чем займемся теперь, Оливер? – спросила она.

Нам было хорошо и спокойно. В разговоре то и дело возникали паузы.

– Сказать, что нужно делать? – спросил я.

– Да! – ответила Марси.

Я глубоко вдохнул и произнес:

– Продай магазины.

Марси чуть не выпустила из рук чашку с кофе:

– Что?!

– Послушай, Марси, я уже так изучил образ жизни президента торговой сети, что могу написать об этом диссертацию. Ты должен быть все время в движении, быть готовым к переменам – ни секунды покоя.

– Чертовски верно, – ответила она.

– Может, все это и необходимо для бизнеса, но для взаимоотношений нужно нечто совершенно противоположное: много свободного времени и минимум рабочих поездок.

Марси не отвечала. Так что я продолжил свою проповедь:

– Следовательно, – радостно закончил я, – тебе нужно продать «Биннендейл». У тебя будет роскошный офис консультанта в том городе, где тебе понравится. А я открою свою юридическую практику. Может быть, у нас получится прижиться там. И обзавестись парой ребятишек.

– Ну ты и мечтатель, – рассмеялась Марси.

– А ты просто дура, – ответил я, – потому что все еще по уши влюблена в свою собственную власть.

Мой тон не был осуждающим. Хотя это было чистой, черт ее побери, правдой.

– Ах, ты! – сказала Марси. – Ты проверял меня.

– Проверял. И ты провалилась, – улыбнулся я.

– Ты нахальный эгоист, – игриво заключила она.

Я кивнул:

– Я всего лишь человек.

Марси посмотрела на меня.

– Но ты ведь меня не бросишь?..

– Любой снег когда-нибудь тает, – ответил я.

А потом мы встали и, взявшись за руки, вернулись в машину.

И поехали в Денвер. Где снега не было вовсе.

В Нью-Йорк мы вернулись в среду вечером. К тому времени Марси смогла навести порядок в денверском представительстве, и нам даже удалось еще раз сыграть в снежки. Но ее суперэго восторжествовало. Снова надо было работать. И я даже успел (по телефону) помочь Барри Поллаку на его финишной прямой.

Очередь к такси казалась бесконечной, и мы здорово замерзли. Наконец перед нами возникло нечто, напоминающее помятую консервную банку желтого цвета. Другими словами – типичное нью-йоркское такси.

– В Квинс не еду, – буркнул водитель вместо приветствия.

– Я тоже, – ответил я, дергая искалеченную дверцу, – так что едем на 64-ю, Ист, дом двадцать три.

Мы оба находились внутри. Так что теперь закон обязывал водилу доставить нас по упомянутому адресу.

– Давайте лучше на 86-ю, Ист, пять-ноль-четыре.

Что?! Поразительное предложение исходило от Марси.

– Кто, черт побери, там живет? – спросил я.

– Мы, – улыбнулась она.

– Мы?! – недоумевал я.

– Парень, у тебя что, – поинтересовался таксист, – амнезия?

– А ты кто, – нашелся я, – Вуди Аллен?

– По крайней мере, я помню, где живу, – выдвинул он довод в свое оправдание.

К тому времени остальные таксисты подгоняли нашего – воздух заполонила жуткая какофония из сигналов и ругательств.

– О'кей, так куда? – потребовал он.

– 86-я, Ист, – сказала Марси. И добавила шепотом, что объяснит мне по дороге. Как минимум, это стало для меня сюрпризом.

Военные называют такую территорию ДМЗ – демилитаризованная зона. Марси придумала найти квартиру, которая не принадлежала бы ни ей, ни мне, ни даже нам обоим и была бы чем-то вроде нейтральной территории.

О'кей. В этом был резон. Хватит с нас моей мышинной норы. В любом случае, Марси выдержала испытание ею.

– Ну как? – спросила Марси.

Однозначно, место было великолепное. Хочу сказать, что выглядело оно, точно как на тех образцах на верхних этажах «Биннендейл». Я насмотрелся молодых пар, рассматривающих эти квартиры и мечтающих: «Эх, если б мы могли жить так же».

Марси показала мне гостиную, кухню, выложенную кафелем («Я пойду на кулинарные курсы, Оливер»), ее будущий офис, потом спальню королевских размеров и, в конце концов, главный сюрприз: мой офис.

Да. У нас было два рабочих кабинета: Его и Ее. Наверное, пришлось содрать кожу с целого стада коров, чтобы обить всю мебель в моем кабинете. Повсюду были полки для книг по уголовному праву – сплошь стекло и хромированная сталь. Комбинированное освещение. В общем, тут было все, о чем только можно мечтать.

– Ну как? – переспросила Марси, ожидая хвалебных отзывов.

– Это просто невероятно, – сказал я.

Удивившись, почему чувствую себя, словно мы с Марси актеры и играем сцену по заранее известному сценарию. Написанному ею.

А потом подумав – собственно, какое это имеет значение?..

– Что вы чувствуете?

За время моего отсутствия методы доктора Лондона не претерпели изменений.

– Послушайте, мы оба оплачиваем коммунальные расходы.

Прекрати, Оливер. То, что мы оба платим за квартиру, не говорит о чувствах ничего. Хотя по-настоящему меня беспокоило даже не это.

– Дело не в эгоизме, доктор. А в том, как она... распоряжается нашими жизнями.

Я помолчал, а потом продолжил:

– Послушайте, мне не нужен дизайнер. И романтическое освещение. Как она не понимает, что все это совершенно неважно? Вон, Дженни купила побитую молью мебель, скрипучую кровать и обшарпанный стол – и все это за девяносто семь баксов! Гостями за ужином были исключительно тараканы. Зимой дуло из всех щелей, а по запаху в коридоре мы точно могли сказать, что ели на обед все соседи. В общем, квартирка была та еще!

Я снова замолчал. Затем стал рассказывать дальше:

– Но там мы были *счастливы*, и все остальное для меня не имело значения. Вернее, иногда, конечно, имело – например, когда сломалась ножка кровати. В тот момент, когда мы с Дженни кувыркались в ней. Ох, и здорово же мы тогда посмеялись!

Я снова запнулся. Оливер, что ты хочешь сказать?

Кажется, я пытаюсь сказать, что мне не нравится новая квартира Марси.

Да, мой новый офис – просто *чудо*. Но, когда нужно подумать, я возвращаюсь в свой старый полуподвал. Где и сейчас стоят мои книги. Куда до сих пор приходят счета. Куда я уйду, пока Марси не бывает в городе.

Поскольку остаются считанные дни до Рождества, Марси, как обычно, в отъезде. На сей раз в Чикаго.

И мне очень хреново.

Потому что сегодня вечером мне предстоит плотно поработать, чем я категорически не могу заняться в нашем с Марси домике мечты на 86-й улице. Потому что весь Нью-Йорк сегодня в рождественских украшениях. А я чувствую себя донельзя паршиво – хотя есть целых два места, где я могу побыть в одиночестве. И мне стыдно звонить Филу – только потому, что боюсь признаться в своем одиночестве.

Двенадцатое декабря. Оливер Барретт IV в своем «бомбоубежище» перебирает пыльные фолианты на полках в поиске нужных прецедентов. Тоскуя по времени, которое уже не вернешь.

Если бы работа хотя бы отвлекала меня от раздумий. Но благодаря новоприобретенному умению самоанализа у меня не получается анализировать никакие внешние факторы. Вернее, я просто не могу сосредоточиться. И вместо дела «Майстер против штата Джорджия» изучаю *себя*.

А на работе в лифте играют рождественские мелодии, а у меня от них рождественская шизофрения.

В этом-то и проблема, доктор. (Это я сам с собой, но, поскольку уважаю свое мнение, обращаюсь к себе «доктор».)

Господь – как глава Суда Небесного – своей властью постановил:

Будь дома на Рождество!

К любым другим его заповедям я могу отнестись легкомысленно, но эту неукоснительно соблюдаю. («Слушай, Барретт, у тебя просто тоска по дому, так что, черт возьми, придумай уже что-нибудь!»)

Но, доктор, в этом-то и вся проблема.

Что есть дом?

(«Дом – это там, где сердце, конечно же. С вас пятьдесят долларов!»)

Благодарю вас, доктор. А если добавлю еще пятьдесят, вы мне ответите на вопрос: где же это мое гребаное сердце?

Это как раз то, чего я иногда не могу понять.

Когда-то я был ребенком. Я любил получать подарки и украшать елку.

Я был мужем и благодаря Дженни агностиком («Оливер, я бы не стала оскорблять Его чувства, говоря «атеист»!») Она приходила домой после обеих своих работ, и мы отмечали праздник вдвоем. Распевая не очень приличные вариации рождественских гимнов.

Что все равно много говорит о том, что такое Рождество. Вместе – значит вместе, и мы всегда были вдвоем в этот вечер.

На дворе полдесятого, осталось всего ничего времени, чтобы все купить к празднику – а я застрял на обочине жизни. Как вы уже поняли, у меня проблема. Праздник уже не отметишь в Крэнстоне, как все последние годы. Фил мне с радостью сообщил, что отправляется в круиз с «теми, кому за сорок» («А вдруг что-то да и получится?»). Ему кажется, что так всем нам будет легче. Но он уплывает, а я остаюсь в сухом доке своих проблем.

Так. Погодите. Приведем ход рассуждения в порядок.

Особняк в Ипсвиче, штат Массачусетс, где живут мои родители, претендует на звание моего дома.

Марси Биннендэйл, с которой мы вместе, когда она находится на расстоянии видимости, считает, что носки для подарков на Рождество нужно вывешивать в квартирке на 86-й улице.

Я хотел быть там, где мне не будет одиноко. Вот только каждый из этих вариантов, как мне казалось, решает мои проблемы только наполовину.

Придумал! Подобный прецедент с половинками уже был! Фамилия судьи, кажется, Соломон. А имя – по-моему, царь. Его судьбоносное решение вполне подходит и мне.

Рождество проведем с Марси.
Но в Ипсвиче, штат Массачусетс.
Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

– Привет, мама.

– Как ты, Оливер?

– Отлично. Как отец?

– Отлично.

– Это замечательно. Я... по поводу... м-м... Рождества, – промямлил я в трубку.

– Надеюсь, *на этот раз*... – начала мама.

– Да, – немедленно заверил я, – мы будем. Я хочу сказать... м-м...
Мам, можно со мной будет кто-то еще? Если... есть лишняя комната.

Я задаю совершенно дурацкие вопросы!

– Да, конечно, дорогой, – заулыбалась мама на том конце провода.

– Из моих друзей, – добавил я.

Прелестно, Оливер. А мама уж было подумала, что ты притащишь
своего заклятого врага!

– Ах, – сказала мама, не в силах скрыть эмоций (не говоря уже о
любопытстве), – это отлично.

– Она живет за городом, поэтому ей понадобится комната.

– Это отлично, – повторила мама, – это кто-то... кого мы знаем?

Другими словами: из какой она семьи?

– Я не думаю, что стоит из-за этого так суетиться.

Похоже, мне удалось сбить ее с толку.

– Отлично, – снова произнесла она.

– Я приеду утром перед Рождеством – Марси прилетает с
Побережья.

– Ох!

С учетом моего прошлого, мама, похоже, не сомневается, что речь
может идти и о Тимбукту.

– Хорошо, мы ждем тебя и мисс...

– Нэш. Марси Нэш.

– Мы ждем вас.

Взаимно. Я был рад – даже Лондон подтвердил бы, что вот это
уже настоящие эмоции.

Зачем?

Так я представлял себе размышления Марси во время полета из Лос-Анджелеса в Бостон. На календаре было 24 декабря.

И то, о чем, как мне казалось, думает Марси, можно было выразить одним словом: «Зачем?»

«Зачем он пригласил меня познакомиться со своими родителями? Да еще на Рождество? Это должно означать, что у нас все так... серьезно?»

Естественно, мы никогда не обсуждали этих тем друг с другом. Но я почти уверен, что где-то там, на высоте нескольких тысяч футов, выпускница Брин Мора по имени Марси Нэш, сидя в кресле самолета, размышляла – какие мотивы руководят ее нью-йоркским сожителем.

Правда, она так и не спросила: «Оливер, зачем ты приглашаешь меня?»

И к лучшему. Потому что, если честно, единственное, что я мог бы сказать ей: «Не знаю».

Да, я совершил очередной импульсивный поступок – очень в моем стиле. Не спросив Марси, позвонил домой и договорился. Непонятно, какие мысли в этот момент были в моей голове. Хотя Марси была очень рада, когда я сказал ей.

А потом еще и так же импульсивно попытался обмануть себя, сказав самому себе: «Просто вместе с подругой встречаю Рождество. Ничего это не значит и нет у меня никаких «намерений»!»

Чушь собачья!

Оливер, ты ведь прекрасно знаешь, что значит, когда приглашаешь девушку познакомиться со своими родителями. Да еще на Рождество.

Да уж, это тебе не совместный поход на выпускной бал.

Теперь – то есть неделю спустя – аргументы казались неоспоримыми. Пока я ходил по терминалу аэропорта «Логан», повторяя круги самолета, в котором была Марси, перед заходом на посадку.

Так что же, Оливер, подобный жест может значить в реальной жизни?

Теперь, после нескольких дней размышлений я знал ответ. Брак. Супружество. Кандалы. Оливер, «не ты ль пробудил бурю сию»?

Получается, наша поездка в Ипсвич, по идее, должна успокоить мое бессознательное стремление получить благословение родителей – очередной моральный пережиток прошлого. И почему меня все еще волнует, что скажут мамочка и папочка?

Ты ее любишь, Оливер?

Господи, идиотское время для вопросов самому себе!

Неужели? «Да нет же, *сейчас* самый подходящий момент!» – кричит еще один внутренний голос.

Люблю ли я Марси?

Слишком сложный вопрос, чтобы на него можно было ответить просто «да» или просто «нет».

Тогда какого черта я так уверен, что хочу на ней *жениться*?

Потому что...

Пожалуй, это не очень разумно. Но почему-то мне кажется, что сама ответственность тут сыграла ключевую роль. Любовь рождается в ходе свадебной церемонии, как аппетит – во время еды.

– Оливер!

Первая же пассажирка в очереди оказалась той, о ком я думал. И выглядела потрясающе.

– Знаешь, я на самом деле соскучилась по тебе, милый, – произнесла Марси, а в это время ее руки блуждали по моей спине под пиджаком. Я прижимал ее к себе так же сильно, но от большего воздержался. Все-таки мы были в *Бостоне*. Потерплю, ничего со мной не будет...

– Где твой маленький саквояж? – спросил я.

– В этот раз он не такой маленький. Сейчас его досматривают, – подмигнула Марси.

– Ого! Нам предстоит показ мод?

– Обойдемся без крайностей!

Я обратил внимание на продолговатый пакет в ее руках. И предложил:

– Давай, понесу.

– Нет, оно хрупкое, – воспротивилась Марси.

- Так там твое сердце? – подтрунивал я.
- Не совсем, – ответила она, – просто подарок для твоего отца.
- Ах, вот как...
- Я нервничаю, Оливер, – сказала она.

Преодолев Мистик Ривер Бридж^[66], мы совершенно увязли в предрождественской пробке на шоссе номер 1.

- Ах ты ж дерьмо! – выругался я.
 - Что, если я им не понравлюсь? – ныла Марси.
 - В этом случае после Рождества мы поменяем тебя на другой подарок, – пошутил я.
- Марси надулась. Но даже при этом выглядела великолепно.
- Успокой меня, Оливер, – попросила она.
 - Я тоже волнуюсь, – сказал я.

Вниз по Гротон-стрит. Въехать в ворота. И, наконец, попасть по длинной въездной дороге во владения Барреттов. Несмотря на то, что деревья попадались нечасто, тишина вокруг создавала атмосферу лесной чащи.

– Здесь так тихо, – сказала Марси. А, между прочим, могла бы отомстить мне за то, как я обозвал ее дом, сказав, что тут совершенная разруха. Но она была выше таких мелочей.

– Знакомься, мама, Марси Нэш, – представил я нашу гостью. Единственное достоинство бывшего мужа Марси заключалось в том, что он обладал великолепной фамилией – она звучала по-изысканному блекло и утонченно невыразительно.

– Марси, мы так рады, что вы приехали, – произнесла мама, – мы вас очень ждали.

– Я благодарна за ваше приглашение, – скромно ответила Марси.

Какая откровенная, просто блистательная чушь! Две леди с утонченным воспитанием обменивались избитыми фразами, в которых заключалась вся суть их социального положения. Потом последовали заявления из серии «Должно быть, вас измотала длительная поездка!» и «Ах, эти рождественские хлопоты – все это, наверное, для вас было так утомительно!».

Вошел отец, и леди зашли на второй круг. С той только разницей, что папа не скрывал своего восхищения красотой нашей гостьи. Затем,

так как того требовали правила приличия, Марси поднялась в свою комнату, чтобы немного отдохнуть – ей ведь подобало выглядеть усталой после подобного путешествия.

А мы остались в комнате. Мама, папа и я. Началось все с расспросов, как жизнь. Мы удостоверились, что у всех все отлично. Что, естественно, было приятно слышать. Не слишком ли устала «очаровательная девушка» – так Марси охарактеризовала мама, – чтобы спеть с нами несколько рождественских гимнов? На улице лютый мороз!

– Марси – крепкая девушка, – ответил я, по-моему, имея в виду не только телосложение. – Она сможет петь хоть в самую пургу!

И тут она вошла, одетая в лыжный костюм, которые будут носить в Санкт-Морице^[67] в этом году.

– Надеюсь, за завываниями ветра не будет слышно, как я не попадаю в ноты, – улыбнулась Марси.

– Это неважно, дорогая, – судя по всему, мама поняла ее буквально, – важен *esprit*.

Мама всегда готова вставить словечко на французском. Все-таки она целых два года проучилась в колледже Смит – и ей не стыдно было этим щеголять.

– Потрясающий наряд, Марси, – заметил отец. Уверен, он восхищался тем, что крой лыжного костюма не скрывал ее... аппетитных форм.

– Неплохо защищает от ветра, – ответила Марси.

– В это время года здесь бывает *очень* холодно, – добавила мама.

Да уж, некоторые могут прожить долгую и счастливую жизнь, не обсуждая вообще никаких тем, кроме погоды!

– Да, Оливер мне сказал об этом, – ответила Марси. Ее выдержка поражала – она переносила все эти светские беседы с удивительной легкостью, словно болтала с друзьями у костра.

В полвосьмого мы присоединились к сливкам общества Ипсвича, собравшимся в церкви, коих было порядка двух десятков. Самым старым в нашем хоре был Лайман Николс (выпускник Гарварда 1910 года), самой молодой – дочь моего одноклассника Стюарта, малютка по имени Эми Харрис, которой едва исполнилось пять лет.

Стюарт оказался единственным, на кого моя избранница не произвела впечатления. Да и с чего ему было думать о Марси? Он был вполне счастлив с маленькой Эми (взаимно) и со своей женой Сарой, которая осталась дома с десятимесячным Бенджамином.

Я вдруг почти *физически* ощутил, как быстро летит время, и мое сердце наполнилось грустью. У Стюарта был свой мини-фургон, так что мы поехали с ним. Всю дорогу я держал малышку Эми на коленях.

– Тебе очень повезло, Оливер, – сказал Стюарт.

– Знаю, – буркнул я.

Марси изображала зависть, как ей и подобало.

«Вести ангельской внемли...»

Репертуар был столь же затасканным, сколь и аудитория. Сливки местного общества наградили нас за выступление аплодисментами, вежливо подтрунивая над тем, как мы не попадаем в ноты. Детям же раздали печенье и по стаканчику молока.

Марси, как видно, понимала значение всего этого ритуала.

– Провинциальные нравы, Оливер, – заметила она.

К половине десятого мы сделали все полагающиеся визиты и, как того требовала традиция, завершили шествие в замке герцога – Довер-Хаусе.

«Ступайте, все верные, пойте, торжествуя...»

Я видел, как отец с матерью смотрят на нас из окна. К моему удивлению, они улыбались. Интересно, это из-за Марси? Или просто им, как и мне, пришлось по душе крошка Эми Харрис?

В нашем особняке угощение и напитки оказались куда лучше – не только дети получили положенное молоко, но и взрослые – стакан согревающего пунша. «Спаситель!» – возблагодарил Барретта-старшего престарелый Николс.

Выпив и закусив, все довольно быстро разбежались по домам.

Я основательно заправился пуншем.

Марси предпочла обезжиренный гоголь-моголь.

– Здесь так мило, Оливер, – сказала она и дотронулась до моей руки.

Думаю, это не укрылось от маминого взгляда. И, судя по всему, она осталась довольна. А вот лицо отца если что-то и выражало, то

лишь легкую зависть.

Мы занялись украшением рождественской ели. Марси без умолку нахваливала красивые игрушки, что очень нравилось маме. Хрусталь, из которого была сделана звезда, показался ей знакомым.

– Как красиво, миссис Барретт. Выглядит, как чешский!

– Вы угадали, милочка. Моя мать купила его перед войной.

Затем мы распаковали свертки с самыми старыми елочными украшениями, среди которых были древности, сохранившиеся с таких времен, о которых, по-моему, моей семье помнить даже не стоит. Когда Марси вместе с мамой развешивала на ветки гирлянды из попкорна и сушеной клюквы, она тихонько заметила:

– Потребовался, наверное, адский труд, чтобы все это сделать.

Отец легко перехватил подачу:

– Моя жена только этим и занималась всю неделю.

– Ну что ты, – смутилась мама.

Наряжать елку не казалось столь увлекательным занятием, поэтому я расположился в кресле, потягивая пунш. И с каждой минутой убеждался: Марси совершенно очаровала родителей.

К половине двенадцатого ель была уже украшена, подарки разложены, а мой древний носок висел рядом с новым – но не менее древним – для моей гостьи.

Пришло время разойтись по комнатам. С маминого благословения мы поднялись наверх. На лестничной площадке все пожелали друг другу приятных сновидений.

– Спокойной ночи, Марси, – сказала мама.

– Спокойной ночи и большое спасибо, – эхом отозвалась та.

– Спокойной ночи, дорогой, – пожелала мама и поцеловала меня в щеку. Что, судя по всему, означало, что кандидатура Марси прошла одобрение.

Оливер Барретт Третий с супругой отбыли. Марси повернулась ко мне.

– Теперь я незаметно проберусь к тебе в комнату, – предложил я.

– Ты сумасшедший?

– Нет, просто я тебя хочу. Слушай, Марси, это все-таки Рождество!

– Подумай о своих родителях, – похоже, она на самом деле думала то, что произнесла вслух.

– Да спорим, что даже *им* этой ночью будет не до сна!

– Они женаты, – ответила Марси. И, торопливо поцеловав меня, испарилась.

Что за хрень?!

Я дотащился до своей древней комнаты. Которая превратилась в музей подростковой культуры: повсюду были развешаны постеры и фотографии футбольных команд, и все это в состоянии удивительной сохранности.

Прямо хоть звони на лайнер, на котором плывет Фил, и кричи в трубку: «Фил, надеюсь, хоть у тебя все в порядке?» Но нет. Я просто пошел спать, окончательно запутавшись в том, какого же подарка ждать на Рождество.

Доброе утро! С Рождеством! А вот и подарок специально для *вас*!

Мама подарила отцу очередной набор галстуков и хлопковых носовых платков. По-моему, все это ничем не отличалось от того, что она дарила папе все предыдущие годы. Впрочем, так же обстояло дело с халатом, который тот подарил ей.

Я стал столь же гордым обладателем, как и отец, еще одной пачки галстуков – наверняка, Брукс и Бразерс^[68] назвали бы их прекрасным выбором для молодого человека. Марси же достались самые последние духи *Daphne du Maurier* от мамы.

Как и каждый год, я не особо раздумывал над тем, что кому подарить на Рождество, и не особо это скрывал. Маме досталась очередная порция платков, папе – очередная дюжина галстуков, а Марси я приготовил книгу «Радость кулинарного искусства» (интересно, как она отреагирует!).

Внимание теперь было приковано к подаркам нашей гостьи. Начнем с того, что их, в отличие от наших, не заворачивали дома. Все было профессионально упаковано. Мама получила светло-синий кашемировый шарф («Ах, зачем же так тратить?..»). Отцу досталась продолговатая коробочка, в которой оказалась бутылка «Шато От-Брион» 1959 года.

– Прекрасный выбор, – сказал он. Честно говоря, выдающимся ценителем винной продукции папу не назовешь. В «винных погребах» нашего особняка были лишь запасы скотча для папиных гостей, шерри

– для маминых, да пара бутылок хорошего шампанского на случай пышного праздника.

Мне она подарила пару перчаток. Несмотря на их элегантность, надеть их я отказался – какой-то совершенно безличный подарок.

– А что я должна была тебе подарить – норковые трусы? – недоумевала потом Марси.

– Да. Именно *там* мне было холоднее всего! – ответил я.

Но венцом всего этого изобилия был неизменный подарок от отца – банковский чек.

Под звуки псалма «Радости миру», виртуозно исполняемого органистом по фамилии Уикс, мы вошли в церковь и прошествовали к своим местам. Зал был полон прихожан, которые пялились исподтишка на нашу гостью. Уверен, при этом они приговаривали: «Я ее здесь раньше не видел». В открытую никто пялиться не решился – кроме разве что миссис Родс, чей возраст «за девяносто» (и хорошо за девяносто) – служил для нее смягчающим обстоятельством.

Но почтенная публика наблюдала и за миссис Родс. И не могла не заметить улыбку, озарившую лицо старой карги. Это значило одно – ведьма одобрила Марси Нэш.

На этот раз мы проявили чуть больше вежливости при исполнении рождественских гимнов (то есть стали петь тише, чем прошлым вечером). Настолько тише, что смогли расслышать бормотание преподобного Линдли. Даже мой отец – и тот, по-моему, лучше смотрелся бы в роли проповедника. Папа хотя бы дыхание переводил в паузах между фразами, а не как Линдли – как бог на душу положит.

Однако проповедь «Смилуйся, Господи!» показала, что преподобный пребывает в курсе мировых событий. Он упомянул конфликт в Юго-Восточной Азии и предложил задуматься хотя бы на Рождество, так ли нужен Господу мир, охваченный войной.

Милостью Божьей, Линдли страдает астмой, так что его проповеди начинают «задыхаться» довольно скоро.

Благословленные, мы вернулись на лестницу. Где состоялся повтор встречи, имевшей место после матча «Гарвард против Йеля». С той лишь разницей, что этим утром все были вполне трезвы.

«Джексон!» «Мейсон!» «Гаррис!» «Барретт!» «Кэбот!» «Лоуэл!»

Бог мой!

В промежутках между приветственными воплями люди говорили друг другу совершеннейшие глупости. Даже у мамы нашлась пара знакомых, с которыми она перебросилась парой приветствий. Гораздо более сдержанных, разумеется.

И вдруг чей-то громогласный голос проорал:

– Ма-а’си, дорогая!

Я резко обернулся – Марси кого-то обнимала.

И этот кто-то выглядел очень пожилым, иначе я не посмотрел бы, что мы в церкви, и вышиб ему зубы к чертовой матери.

Тут же рядом оказались мои родители, которых раздирало от любопытства, кто же приветствовал Марси с таким энтузиазмом.

А старый добрый Стендиш Фарнхэм все еще сжимал Марси в объятиях.

– О, дядя Стендиш, какой замечательный сюрприз! – светилась радостью моя девушка.

Судя по всему, мама была вне себя от счастья. Значит, Марси – племянница этого достойнейшего «одного из нас»?

– Ма-а’си, что же привело тебя, столичную штучку, в наши ва’ва’ские к’ая? – поинтересовался дядюшка Стендиш, растягивая буквы «а» до немыслимых пределов.

– Марси гостит у нас, – вмешалась мама.

– О, Элисон, как замечательно, – сказал Стендиш и подмигнул мне, – бе’егите ее от вашего па’ня.

– Что вы, я с нее пылинки сдуваю, – невежливо ответил я. Кажется, до него дошло. – Так вы родственники? – поинтересовался я. Хоть бы этот старый Стендиш уже убрал руку с талии Марси, наконец!

– Нет, мы просто очень хорошо друг к другу относимся, ведь господин Фарнхэм был партнером моего отца, – ответила она.

– Это было не просто па’тне’ство, – настаивал он, – мы с ним были как б’атья.

– Вот как, – протянула мама, очевидно, надеясь, что сейчас старик порадует всех красочными подробностями своей дружбы с отцом Марси.

– У нас была па’а заводов, – сообщил Стендиш, – но после сме’ти ее отца я их п’одал. Пропал ку’аж.

– В самом деле? – спросила мама, безуспешно пытаясь спрятать под рождественской шляпкой расширенные от любопытства глаза. Кажется, Стендиш находился в полной уверенности, что об отце Марси здесь знали все.

– Если найдется свободная минутка, заходи вечером в гости, Ма-áси, – сказал старый Фарнхэм на прощание.

– Не получится. Мне надо возвращаться в Нью-Йорк, дядя Стендиш, – невесело улыбнулась та.

– А-а, маленькая занятая девчонка, – радостно завопил он, – и тебе не стыдно уди'ать от нас, как какой-то п'еступнице?

Он чмокнул ее и повернулся к нам:

– Следите, чтобы она ела. Сколько я помню маленькую Ма-áси, она постоянно сидит на каких-то диетах. С Рождеством!

Тут его осенило:

– И – удачи тебе, Маа'си. Мы все гордимся тобой.

Из церкви домой нас привез отец. Поездка прошла в многозначительной тишине.

Мы сели за рождественский стол. Папа откупорил бутылку шампанского.

– За Марси, – сказала мама.

Мы подняли бокалы. Марси чуть пригубила. В нарушение собственных принципов я предложил следующий тост – во славу Иисуса.

За столом нас собралось шестеро. Все вышеназванные, плюс Джеф, мамин племянник из Вирджинии, и тетя Элен, незамужняя сестра моего деда. По-моему, тетя Элен застала расцвет эпохи динозавров. Хорошая компания – древняя глухая старуха и чудаковатый Джеф, который ест столько, как будто у него глисты завелись. Естественно, столь незамысловатый набор гостей никаких неожиданных поворотов в нашей светской беседе не подразумевал.

Все дружно похвалили потрясающую индейку.

– Все восторженные отзывы должны достаться Флоренс, не мне, – смутилась мама, – чтобы приготовить индейку, она встала в пять утра.

– Приправы просто фантастические, – произнесла Марси.

– Ну, это же устрицы из Ипсвича, – ответила мама.

Пир был в разгаре, и теперь мы с Джефом соревновались за звание обжоры дня.

К моему удивлению, на столе возникла вторая бутылка шампанского. Хотя я смутно догадывался, что первую мы прикончили вдвоем с отцом. Честно говоря, смутно я догадывался потому, что большую часть выпил именно я.

Затем последовал традиционный мясной пирог, потом мы отправились пить кофе в гостиную. И не заметили, как наступило три часа дня.

С возвращением в Нью-Йорк пришлось повременить, чтобы дать содержимому желудка утрамбоваться, а мозгам – проветриться.

– Марси, не хотите немного пройтись? – спросила мама.

– С удовольствием, миссис Барретт, – приняла предложение Марси.

Они вышли.

Остались мы с отцом.

– Я бы тоже не отказался проветриться, – сказал я.

– Не имею ничего против, – ответил папа.

Только тогда, когда мы уже надели пальто и вышли на зимний мороз, до меня дошло, что попросил его об этом променаде именно я. Вполне можно было найти отговорку – Джеф, например, уселся смотреть футбольный матч, а тетушка Элен задремала в кресле перед камином.

А я остался наедине с отцом.

– Она очаровательна, – сказал он. Не ожидая моего вопроса.

Хотя, думаю, именно об этом я и собирался с ним поговорить.

– Спасибо, пап. Я тоже так думаю, – ответил я.

– И, кажется, она тебя... очень любит, – добавил Барретт-старший.

Мы были в лесу. Ни одной живой души, только голые ветви деревьев вокруг.

– Скорее я... ее очень люблю, – сказал я наконец.

Отец взвесил каждое слово. Он не привык, чтобы мы *совпадали* во мнениях. Уже много лет я реагировал враждебно на любые проявления его внимания, и папа, несомненно, ожидал подвоха в каждом слове. Но постепенно понял, что подвоха-то и нет. И спросил:

– Серьезно?

Мы двинулись дальше. В конце концов, я поднял глаза и тихо ответил:

– Да если б я знал...

Хотя тон мой звучал таинственно, если не сказать загадочно, отец почувствовал, что этими словами я честно признался – я абсолютно запутался в себе.

– У тебя с этим... проблемы? – полюбопытствовал он.

Я посмотрел на него и молча кивнул.

– Кажется, я понимаю, – сказал он.

Как? Я ведь ничего ему не рассказывал.

– Оливер, вполне естественно, что ты все еще в трауре... – его пронизательность застигла меня врасплох. А может, он знал, что эти слова могут... тронуть меня?

– Нет, это не Дженни. Я хочу сказать... Мне кажется, я готов... – Бог мой, почему я это говорю *ему*?

Он не настаивал. Просто ждал, пока я разберусь со своими мыслями.

Потом он мягко сказал:

– Так в чем проблема?..

– Ее семья... – начал я.

– Ты имеешь в виду... Они не одобряют?.. – спросил папа.

– Дело *не в них*, – ответил я, – ее отец...

– Да?

– ... ее отцом был Уолтер Биннендейл.

– Понимаю, – сказал он. И завершил этим коротким словом самый искренний разговор в нашей жизни.

– Я им понравилась? – донимала Марси.

– Я бы сказал, ты произвела на них впечатление! – обрадованно произнес я.

Мы выехали на Массачусетскую магистраль. За окном была непроглядная тьма, а на дороге – ни души.

– Ты рад? – спросила она.

Хотя Марси явно ждала бурных изъятий восторга, я ничего не ответил, отвернувшись и вперив взгляд в пустую трассу.

– Что случилось, Оливер? – наконец произнесла она.

– Ты ведь обхаживала родителей, – процедил я сквозь зубы.

По-моему, эта моя тирада ее очень удивила:

– И что в этом такого?

Я завелся:

– Но зачем, черт побери? Зачем?!

Некоторое время мы ехали молча.

– Потому что я собираюсь за тебя замуж, – ответила Марси.

К счастью, за рулем сидела она, потому что меня подобная прямота буквально оглушила. Хотя Марси не из тех, кто передергивает с деликатностью.

– Может, тогда *меня* сначала обрабатываешь?! – рявкнул я.

Мы неслись вперед – под аккомпанемент свиста ветра вместо музыки. Через какое-то время Марси произнесла:

– Мне казалось, мы уже прошли этот этап.

– Эммм, – неопределенно протянул я, подумав, что, если совсем промолчу, это сойдет за знак согласия.

– Ладно, Оливер, *где* мы с тобой застряли?

– Часах в трех езды от Нью-Йорка.

За Стэнбриджем мы остановились выпить кофе в «Годжо».

– Что именно я сделала не так? Скажи, что конкретно? – донимала меня Марси.

Мне хотелось сказать: «Недостаточно».

Но я уже успокоился настолько, чтобы не отпустить никаких язвительных комментариев.

Просто ее прямолинейность выбила меня из колеи. Вот я и не могу придумать нормальный ответ.

– Ну, так чем я тебя достала? – снова спросила она.

Я ответил через пару секунд:

– Не было этого. Забудь, Марси. Просто мы оба устали.

– Оливер, ты на меня злишься. Но уходишь в себя. Может, лучше выговориться?

На сей раз она была права.

– О'кей, – начал я. Мой палец вычерчивал круги на лакированной поверхности стола. – Мы провели две недели друг без друга. Да, мы оба были по уши в делах, но я все время мечтал о встрече с тобой...

– Оливер... – перебила меня Марси.

– Не в плане секса. Мне просто хотелось быть с тобой. Просто посидеть вдвоем...

– А, оставь, – сказала она. – Это была всего лишь рождественская лихорадка в Ипсвиче.

– Не только на этих выходных. Все время, – произнес я.

Марси посмотрела на меня. Голоса я не повышал, но мой тон все равно выдавал всю злость, которая накопилась внутри.

– То есть мы опять говорим о тех моих командировках пару недель назад? – спросила она.

– Нет. Я говорю о десяти тысячах недель, которые у нас впереди.

– Мне казалось, мы потому и были такой хорошей парой, что с пониманием относились к издержкам наших профессий. Разве нет? – удивленно произнесла Марси.

И это было правда так. Но на практике выходило совсем иначе.

– Я бы посмотрел на тебя с твоими «издержками профессии», когда в три часа ночи ты остаешься одна в пустой квартире, – ледяным голосом произнес я.

Мне казалось, сейчас Марси взорвется. Но этого не произошло.

– У меня так было, – вместо этого мягко ответила она, – много раз.

И дотронулась до моей руки.

– Да? И каково это – оставаться одной в обществе гостиничных подушек? – поинтересовался я.

– Хреново.

Если бы это был хоккейный матч, мы с Марси давно бы уже вышли в голевую зону, только вот очков за это никто не давал. Может, на этот раз начать новую игру предложит она?

– Ну, и как ты с этим справляешься? – спросил я.

– Убеждаю себя, что таковы обстоятельства, – спокойным голосом ответила она.

– Марси, ты сама-то *веришь* в эту чушь?!

Я чувствовал, что в воздухе запахло грозой – сейчас два стиля жизни боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть.

– Чего ты хочешь от женщины, Оливер? – спросила Марси.

Фраза прозвучала довольно тактично. Хотя формулировка была та еще.

– Любви, – ответил я.

– То есть чтобы я, твоя жена, зависела от мужа? – уточнила она.

– Меня бы вполне устроило несколько лишних ночей в нашей квартире.

Мне не хотелось философствовать. Или делиться опытом своего брака. В конце концов, Дженни ведь тоже работала.

– Мне казалось, что мы счастливы вместе, – сказала Марси.

– Да. Тогда, когда мы вместе. Но, Марси, любовь – не оптовый склад, ее запасы телефонным звонком не восполнишь!

Похоже, мою тончайшую коммерческую аллегория она не оценила:

– То есть ты предлагаешь нам теперь нянчиться друг с другом?

– Я не против – если ты *нуждаешься* во мне, – сказал я.

– Господи боже! Я же только что сказала, что хочу выйти за тебя!

Она выглядела усталой и расстроенной. И в самом деле, не слишком удачный момент для выяснения отношений.

– Пошли, – предложил я.

Расплатился. Мы вышли и двинулись к машине.

– Оливер, – сказала Марси.

– Что? – спросил я.

– Это из-за воспоминаний? Я ведь понравилась твоим родителям. Чего не скажешь о том дне, когда ты привел домой Дженни.

– Нет, – отрезал я. И постарался забыть ее вопрос как можно быстрее.

Надо отдать должное Марси, по натуре она боец.

В течение всего нашего рождественско-новогоднего перемирия я чувствовал, что она внутренне готовится к очередной наступательной кампании. Противником, разумеется, было ее собственное недоверие ко всему миру.

И мое.

Итак, Марси старалась как можно больше оставаться дома, а делами управляла по телефону. Что было совсем непросто в атмосфере новогоднего сумасшествия. Но у нее как-то получалось. Зато вечера мы проводили вместе. Что еще более удивительно, иногда нам даже удавалось побыть вдвоем и днем.

Накануне Нового года Марси перешла в решительное наступление. Мы как раз готовились к вечеринке у Симпсонов (я даже на всякий случай заготовил пару таблеток «Алка-зельцера»). Пока я брился, Марси появилась в зеркале. Надо сказать, с ее приходом отражение однозначно похорошело. Она не стала ходить вокруг да около.

– Ты готов принять новое назначение?

– Какого рода? – осторожно поинтересовался я.

– Как насчет небольшой поездки? В феврале, – улыбнулась Марси.

– Естественно, туда, куда *ты* решила? – Слишком много сарказма, Оливер, она ведь старается ради тебя.

– Расслабься и постарайся мыслить шире. Да, я должна посетить выставку мод в Гонконге, и...

– Гонконг!

Она поймала меня на удочку – я фанател от всего, что связано с восточной культурой. Так что на моем лице тут же засияла улыбка чеширского кота.

– Врубаешься, друг мой? – продолжала Марси.

– Ты же говоришь, что должна работать, – с подозрением произнес я.

– Просто приехать на выставку – это не работа. Кроме того, всего за неделю до этого будет китайский Новый год. Мы могли бы отметить его вместе. А потом вернуться домой, сделав остановку... скажем, на Гавайях. Что скажешь? – предложила Марси.

– Хорошо, – промямлил я. Но на лице был прямо-таки написан абсолютный восторг. Я еще осторожнее уточнил: – В Гавайях у тебя тоже дела?

– Нет. Разве что кокосы собирать, – подмигнула она.

Вот тебе и программа на Новый год!

– Ну как? – поинтересовалась Марси.

– Нравится. Особенно Гавайи. Тихие пляжи, прогулки под луной... – размечтался я.

– Этакая репетиция медового месяца, – подытожила она.

Звучит интригующе. Интересно, она правда хотела это сказать?

Я не стал поворачиваться лицом к Марси. Вместо этого посмотрел на ее отражение в зеркале.

Зеркало запотело.

От босса я получил не просто разрешение. Он чуть ли не взашей вытолкнул меня из офиса навстречу отпуску!

Нет, конечно, в компании не собирались от меня избавляться.

Просто я не взял ни дня отпуска с тех пор, как устроился в фирму.

Кое-чем, разумеется, придется пожертвовать – в нескольких делах участвовать не смогу. В эту категорию попадают дела двух вашингтонских отказников, где использовался прецедент моего процесса «Уэббер против призывной комиссии». К тому же, рассмотрение дела о сегрегации Конгресс тоже назначил на февраль, и я уже заранее испытывал угрызения совести.

– Боишься, что к твоему возвращению в мире воцарится абсолютная справедливость? – усмехнулся мистер Джонас. – Обещаю придержать несколько образцовых нарушений специально для тебя.

– Благодарю вас, сэр, – ответил я.

– Побудь немного эгоистом, Оливер. Ты это заслужил!

Даже в процессе подготовки к поездке (туристическое представительство Гонконга буквально засыпало меня материалами) я продолжал работать над парой дел у «Полуночных всадников». Потом я собирался поручить их Барри Поллаку, который, кстати, с шиком выиграл «Дело о школьном совете».

– Эй, Марси, расскажи мне про Нанкинский договор^[69]! – бросил я.

– Звучит как «микадо»^[70], – пожала плечами Марси.

Я просвещал ее за завтраком, обедом, за чисткой зубов... Даже в офис звонил.

– Нанкинский договор – это, как тебе следует знать...

– А мне следует?

– Да. Когда англичане победили в Первой опиумной войне...

– Вау, опиум, – у нее загорелись глаза.

Я проигнорировал ее выходку и продолжил лекцию:

– ...Китаю пришлось отдать англичанам Гонконг.

– Надо же! – сказала Марси.

– Это только начало! – хвастался я.

– Конечно – и теперь воинствующий юрист по фамилии Барретт заставит их вернуть его. Угадала?

В доме стало светлее от ее улыбки.

– Какое домашнее задание у тебя будет на этот раз? – поинтересовался я.

– Я уже не первый год езжу в Гонконг.

– Да? Тогда расскажи, что тебе вспоминается при слове «Гонконг»?

– Орхидеи, – ответила Марси. – Там, конечно, и другие растения потрясающие, но девяносто видов орхидей превосходят их все!

Так, значит, про местную флору мы знаем. Надо же, Марси оказалась миллионером с тонким вкусом.

– Марси, я куплю тебе по одной каждого вида.

– Я удержу тебя от этого.

– Полцарства за то, чтобы ты удержала меня, – улыбнулся я.

Новый год настал, время громко петь «Кунг-фу»!

Я бегал по офису, закрывая папки и пожимая руки. И пританцовывая на бегу: завтра отправляюсь на Восток.

– Не волнуйтесь, – сказала Анита, – я зажгу за вас свечи. Aloha, Оливер.

– Нет, нет, Анита, говорите правильно, – ответил новоиспеченный поклонник китайской культуры по фамилии Барретт. – «Kung hej fat choу».

– Эммм... Вы намекаете, что мне нужно набрать пару кило? – недоуменно произнесла моя секретарша.

– Нет, Анита, – ответил я, – это китайское новогоднее пожелание:
«Kung hej fat choу» – «Благополучия и счастья». Пока!

– Пока, везунчик.

И я отправился в путь.

От той поездки у меня осталось немного воспоминаний. Пожалуй, только то, что это был последний раз, когда я видел Марси Биннендейл.

Мы вылетели из Нью-Йорка во вторник. Самолет зашел на посадку в Фэрбенксе^[71] – на дозаправку. Мне не терпелось попробовать знаменитый торт «Печеная Аляска», а Марси хотела поиграть в снежки. Но, пока мы спорили, объявили посадку.

Растянувшись поперек трех кресел, мы вздремнули, насколько это можно было назвать сном. Настроение было настолько праздничным, что мы даже решились вступить в «Клуб на высоте мили», как это называют свингеры^[72]. Проще говоря, занялись тайком любовью, пока остальные пассажиры следили за Клинтом Иствудом на экране телевизора.

В Токио мы приземлились уже в среду вечером. До пересадки оставалось еще целых четыре часа. Занявший полсуток перелет так укатал меня, что я без особых церемоний свалился на диван в комнате отдыха. Тем временем Марси, бодрая и свежая, как всегда, проводила совещание с местной делегацией. (Это входило в условия сделки: четыре дня она работает, потом две недели отпуска – и гори оно все синим пламенем.) К моменту, когда я очнулся, они уже обсудили условия обмена бутиками с компанией Takashimaya – японским производителем всего самого стильного и элегантного.

Остальную часть перелета я бодрствовал. Я был слишком возбужден – вот-вот должны были открыться огни Гонконгской гавани. Ближе к полуночи мы зашли на посадку, и я, наконец, смог лицезреть желанную картину воочию. По красоте это не шло ни в какое сравнение с теми фотографиями, которые мне когда-либо попадались.

Нас встречал Джон Александер Сян, который, судя по всему, занимал первую по значимости должность среди поверенных Марси в этой стране. Мужчине было под сорок, он носил костюм британского пошива и говорил с американским акцентом. «Я закончил Школу бизнеса в Америке!» К каждой сказанной фразе он непременно

добавлял присказку «Эй-о'кей». Что в полной мере характеризовало то, как нас встретили.

Едва получив багаж, мы сели на вертолет и уже через минут двадцать после приземления были над гаванью Гонконга. Местом назначения был пик Виктория^[73]. Вид из кабины вертолета открывался фантастический: город переливался, словно бриллиант, окруженный темной глазурью моря.

– У китайцев есть поговорка, – прокомментировал Джон Сян, – «Пусть горят тысячи огней».

– Уже так поздно, а иллюминацию еще не выключили? – изумился я.

– Но сейчас же Новый год.

Молодец, Барретт! Забыл, чего приехал-то? Ты ведь даже знал, что это будет год Собаки!

– А когда народ отправится спать? – спросил я.

– Ну, дня через два, может три, – улыбнулся Сян.

– Лично я смогу протянуть еще максимум секунд пятнадцать, – Марси зевнула.

– Ты что, устала? – удивился я: железная леди признавала свою слабость.

– Настолько, что, пожалуй, утренний теннис лучше отменю, – ответила она. И поцеловала меня в ухо.

Было слишком темно, чтобы я смог рассмотреть, как наша вилла выглядит снаружи. Изнутри же она больше напоминала декорации какой-нибудь голливудской картины. Вилла располагалась на полпути к вершине горы. То есть где-то в миле над гаванью, так что вид из окна открывался даже более прекрасный, чем из кабины вертолета, – мы ведь были намного выше.

– К сожалению, сейчас зима. Для купания холодновато, – отметил Джон. Батюшки, я не заметил бассейн в саду!

– У меня мозги плывут, Джон, – ответил я.

– Почему бы им не проводить выставку мод летом? – спросила Марси. Пока прислуга (горничная и два боя) заносили наши вещи, распаковывали их и развешивали по местам, мы наслаждались непринужденной беседой.

– Лето в Гонконге – не самое приятное время, – отозвался Джон, – влажность может создавать определенные неудобства.

– Еще бы – целых восемьдесят пять процентов, – вставил Оливер Барретт, хорошо выучивший домашнее задание и, к тому же, проснувшийся настолько, чтобы отвечать урок у доски.

– Да, – сказал мистер Сян, – как в Нью-Йорке в августе.

Очевидно, Джону стоило большого труда признать, что в Гонконге что-то не «эй-о’кей».

– Спокойной ночи. Надеюсь, вам понравится наш город.

– Конечно, понравится, – дипломатично ответил я. – Гонконг – «самая великолепная вещь на свете»^[74].

Без сомнений, Сян покинул виллу в приподнятом настроении, благодаря моей литературной отсылке.

Мы с Марси сидели в креслах, слишком усталые, чтобы отправиться спать. Первый бой принес вино и апельсиновый сок.

– И кому же принадлежит сей королевский дворец? – любопытствовал я.

– Домовладельцу. А мы каждый год арендуем его. Очень многие в «Биннендейл» приезжают в Гонконг по делам, и поэтому удобнее держать для них такую квартирку, – объяснила Марси, позевывая.

– Какие планы на завтра? – не отставал я.

– Утром за мной заедут, чтобы отвезти в офис. Потом будет роскошный завтрак с местными воротилами бизнеса. Ты можешь присоединиться...

– Благодарю покорно.

– Тогда в твоём распоряжении будет Джон. Он покажет тебе достопримечательности: сады Тигра, базары. Можете хоть весь день шататься по городу, – подмигнула Марси.

– С Джоном? – недоуменно произнес я.

Она улыбнулась:

– Я посоветовала ему показать тебе округ Ша Тин.

– С его Монастырем Десяти тысяч Будд^[75]? – распирало меня от любопытства.

– Да, – сказала Марси. – Но потом мы с тобой вдвоем отправимся на остров Лан Тао и проведем ночь в монастыре По Лин.

– Как ты здесь здорово все знаешь! – заметил я.

– Ну... Я ведь не первый раз в Гонконге, приезжала сюда и раньше.

– Одна? – спросил я, даже не пытаясь скрыть ревность. Я хотел, чтобы вся эта поездка принадлежала лишь нам с Марси.

– Не просто одна, – отозвалась она, – а в каком-то беспросветном одиночестве. На закате это чувствуется особенно сильно.

Отлично. Похоже, она еще не знает, как вместе встречать закаты. Я научу ее.

Завтра.

Естественно, первым делом я купил себе фотоаппарат.

Следующим утром Джон повез меня в город-крепость Коулун. В торговом центре Ocean Terminal обнаружили огромные развалы фототехники.

– Как так получается, Джон, – спросил я, – что японская техника тут дешевле, чем в Японии, а французская парфюмерия – дешевле, чем во Франции?

Я купил пару пузырьков для Марси.

– Секрет Гонконга, – улыбнулся он. – Это волшебный город.

Вначале мы осмотрели цветочные рынки в их новогоднем великолепии. И угодили в изобилие хризантем, фруктов, где блеск золотой бумаги слепил глаза. Для моей только что купленной камеры – и для Марси, которой я купил большой букет – настал праздник цветов.

Затем мы вернулись домой, на пик Виктория. Узкие улицы со ступеньками. Палатки, выстроившиеся на базарной площади так, что с высоты напоминали гигантского паука. Кэт-стрит, где в покрытых красными навесами ларьках можно было найти абсолютно *все* – никогда я не видел нигде подобного изобилия...

Я съел столетней давности яйцо (прожевал и проглотил, стараясь не чувствовать вкуса).

Позже Джон объяснил, что этот деликатес готовится несколько недель.

– Их протравливают мышьяком, а потом покрывают илом.

Сказано это все было уже *после* того, как я съел яйцо!

Мы миновали лекарственные ларьки. Впрочем, меня не слишком заинтересовали семена, ни грибы, ни засушенные морские коньки.

Далее проследовали винные лавки, где продавались маринованные змеи.

– Нет, Джон, маринованную змею я есть не буду, – отнекивался я.

– А это очень полезно, – ответил он, явно наслаждаясь моим отвращением. – Змеиный яд в сочетании с вином творит чудеса.

– Например?

– Лечит ревматизм. Улучшает потенцию.

К счастью, ни то, ни другое пока мне не было нужно. Поэтому я объявил:

– Учту. Но на сегодня с меня хватит.

И мы вернулись на виллу.

– Если встанете рано утром, – сказал Джон, пока мы парковались, – я покажу вам нечто интересное. Из области спорта.

– Ага, я люблю спорт! – обрадовался я.

– Тогда я заеду к семи, о'кей? В Ботаническом саду проводятся бои с тенью^[76]. Захватывающее зрелище.

– Эй-о'кей, – ответил я.

– Приятного вечера, Оливер! – сказал Сян на прощание.

– Спасибо.

– Вообще-то в Гонконге каждый вечер – приятный, – добавил он.

– Марси, черт побери, я словно угодил в сказку! – сказал я.

Мы сидели в джонке и любовались закатом. Лодка рассекала волны по направлению к «Плавучим ресторанам». Иллюминация ослепляла.

– Вспомни поговорку про тысячи огней, – ответила мисс Биннендейл. – Мы увидели еще только первый десяток, Оливер.

Нас ждал ужин при свечах. С рыбой, которую мы предварительно выбрали в аквариуме. А я попробовал вина времен (ау, ЦРУ!) коммунистического Китая. И нашел его невероятно вкусным.

Беседа за столом была столь же пустой и формальной, сколь роскошной – обстановка. Например, мы обсуждали, чем Марси занималась сегодня (мои реплики сводились к «Вау!» и «С ума сойти!»).

Похоже, она разом обработала всех этих бюрократов из финансовой сферы Гонконга.

– Они ведут себя так *по-английски*, – прокомментировала она.

– Ты ведь в курсе, что Гонконг был британской колонией, – заметил я.

– Все равно! Их самая большая мечта – чтобы Ее Величество Королева приехала сюда и лично благословила новое поле для крикета, – брезгливо поделилась Марси.

– Ничего себе! Здорово. Готов поспорить, что в конце концов они своего добьются, – присвистнул я.

Принесли десерт. Мы перешли к обсуждению нашего «великого бегства», которое уже продолжалось около двух суток.

– Джон Сян хороший парень, – сказал я, – и прекрасный гид. Но я не полезу на пик Виктория, пока не буду уверен, что на вершине смогу держать тебя за руки.

– Давай условимся встретиться там завтра – пойдем смотреть на закат, – подмигнула Марси.

– Великолепно.

– Значит, в пять, – добавила она, – на самом пике Пика.

– Так выпьем же за это винца коммунистической закваски! – предложил я.

Мы скрепили тост поцелуем. И отплыли домой.

Чем же я заполнил время, остававшееся до встречи с Марси на вершине горы Виктория?

Ну, во-первых, с утра мы отправились на бой с тенью. Джон знал каждое движение. Абсолютное владение силой впечатляло.

Потом Сян предложил посмотреть нефритовую коллекцию в саду Тигра, а после попробовать на завтрак димсам^[77]. Я сказал, что не имею ничего против, по крайней мере, если не придется есть змею.

Еще спустя пятьдесят семь кадров «Кодаколора» мы решили выпить по чашке чая.

– А чем сегодня занимается Марси? – поинтересовался я, чтобы облегчить задачу Джону, который, в конце концов, был управляющим, а не туристическим гидом.

– Встречается с директорами фабрик, – ответил он.

– У Биннендейлов есть свои фабрики?

– Не совсем свои. У нас с ними эксклюзивные контракты. В работе компании это ключевое звено. То, что мы называем гонконгским лезвием.

– И что же это за лезвие?

– Люди. Или, как говорите вы в Штатах, рабочая сила. Рабочий в США получает в день больше, чем гонконгский – в неделю. А некоторые и того меньше.

– Какие некоторые? – изумился я.

– Ну не платить же подросткам столько же, сколько взрослым, – им и половины будет за глаза. Они шьют прекрасную одежду, которую мы маркируем «произведено в США». При этом стоит она в несколько раз дешевле, чем произведенная в Америке или Европе, – пояснил Джон.

– Надо же. Интересно! – подмигнул я.

Судя по всему, Джону нравилось, что мне удалось вникнуть в тонкости работы гонконгского «лезвия». Я же был рад воспользоваться случаем и узнать что-то такое, о чем путеводители молчали.

– А когда двое рабочих претендуют на одно место, они могут договориться и поделить зарплату. Тем самым, работу получают оба, – продолжал Сян.

– Неслабо, – сказал я.

– Неслабо, – улыбнулся он, оценив мой американский жаргон.

– Только, получается, каждый работает полный рабочий день, а получает лишь половину? – уточнил я.

– Ну, никто из них не жалуется, – парировал Сян, расплачиваясь за нашу трапезу. – Ну что, поедem посмотреть окрестности?

– Джон, а можно ли организовать экскурсию на фабрику?

– Их в Гонконге тридцать тысяч, так что почему бы и нет. Предпочитаете крупные или совсем крошечные семейные предприятия?

– Как насчет небольшой экскурсии по фабрикам Марси? – подкинул идею я.

– Эй-о'кей, – ответил Джон Сян.

Первую остановку мы сделали под Коулуном. Да, здешние виды определенно не подходили для открыток! Тут были толпы народу и грязь, а в узкие улочки почти не проникало солнце. В жуткой толкотне пришлось прокладывать себе дорогу локтями.

– Остановка первая, – объявил Джон, когда мы припарковались во дворе, – изготовление рубашек.

Мы вошли.

Мне вдруг показалось, что я попал на фабрику начала XIX века в Фолл Ривер, штат Массачусетс.

Это был настоящий ад для рабочего.

И, черт побери, другого подходящего слова у меня не нашлось.

Настоящий ад. Темный, тесный и душный.

Несколько десятков женщин лихорадочно выводили швы, склонившись над швейными машинками.

Все это происходило в тишине, нарушаемой только щелканем и гулом – главными вестниками продуктивности.

Господи, да здешняя атмосфера напоминала фабрики Амоса Барретта!

Хозяин цеха поспешил поприветствовать Джона. Ну, и меня, западного гостя. Мы начали осмотр. А посмотреть было на что. Максимум зрелищ при минимуме места.

Надзиратель болтал на китайском. Джон объяснил мне, что тот гордится, насколько эффективно работает производство.

– Рубашки у них получаются потрясающие, – прокомментировал Джон.

Он остановился и показал на девушку, которая торопливо скармливала рукава рубашек жадным челюстям огромной швейной машины.

– Посмотрите, какая изумительная двойная строчка. Высочайшее качество! – нахваливал рубашки Сян. – Такого в Штатах не делают!

Я посмотрел.

К сожалению, пример попался не самый удачный. Не в плане качества работы, а в плане самой трудящейся.

– Сколько лет этой девочке? – спросил я.

Девочка работала молча, не обращая на нас ни малейшего внимания. Ну, разве что чуть прибавила темп.

– Четырнадцать, – сообщил начальник цеха.

Похоже, по-английски он все-таки понимал.

– Джон, это вранье, – спокойно произнес я, – ребенку лет десять. Максимум.

– Четырнадцать, – как попугай, повторил начальник цеха. Вмешался и Джон:

– Оливер, это законный минимум.

– Я не обсуждаю закон, я просто говорю, что девочке десять лет!

– У нее есть карточка, – заявил куратор. Похоже, язык он знал вполне сносно.

– Я хотел бы на нее взглянуть, – предложил я. Вежливо. Разве что не добавив «пожалуйста». Джон бесстрастно наблюдал, как куратор попросил у девочки удостоверение. Она тут же запаниковала. Господи, как ей объяснить, что это не облава?

– Вот, сэр, смотрите. – Начальник цеха помахал картой. На которой не было даже фотографии.

– Джон, – сказал я, – тут нет фото.

– Пока вам не исполнилось семнадцать лет, можно работать без фото, – ответил он.

– Понимаю, – сказал я.

Двое мужчин сверлили меня взглядом, судя по всему, с нетерпением желая двинуться дальше.

– То есть, – продолжил я, – ребенку дали карту старшей сестры.

– Четырнадцать, – снова проорал куратор. Он вернул девочке ее удостоверение. Она облегченно отвернулась и принялась работать еще быстрее, чем до того. При этом украдкой поглядывая на меня. Так она запросто могла покалечиться.

– Скажите ей, что все в порядке, – сказал я Джону.

Он произнес что-то по-китайски, и девочка продолжила работу, больше не обращая на меня внимания.

– Чаю? – куратор с поклоном пригласил нас в загородку, служившую ему офисом.

Джон мог видеть, что номер не прошел. Он обратился ко мне:

– Слушайте, Оливер, она правда делает то, что можно делать четырнадцатилетней девушке.

– А получает? Вы говорили, что платите подросткам половину.

– Оливер, – невозмутимо ответил Джон, – она зарабатывает десять долларов в день.

– Великолепно, – сказал я и добавил, – гонконгских долларов. В американских баксах это один доллар восемьдесят центов, так?

Куратор протянул мне рубашку.

– Он предлагает вам оценить качество работы, – перевел Джон.

– Великолепное, – согласился я, – двойная строчка высшего класса (что бы там это ни значило). Я сам ношу такие.

На рубашке красовался лейбл «Mr. V.». Последние тенденции моды говорили, что в этом году парни будут носить их со свитерами.

Потягивая чай, я размышлял, в курсе ли неземная мисс Нэш из старого доброго города Нью-Йорка, каких нечеловеческих усилий требует производство тех прелестных вещичек, которые она продает?

– Пойдемте, – сказал я Джону.

Да, мне определенно нужно было на воздух!

Я решил сменить тему. Теперь мы говорили о погоде:

– Должно быть, летом тут чертовски жарко, – предположил я.

– Очень влажно, – согласился Джон.

Все это мы уже проходили, и, как вести партию, знаем.

– Как в августе в Нью-Йорке, так?

– Примерно.

– Это в какой-либо мере... замедляет темп работ?

– Прошу прощения?

– Я не заметил ни одного кондиционера.

Он посмотрел на меня.

– Это Азия, Оливер, не Калифорния.

Мы тронулись с места.

– А у вас в квартире есть кондиционер? – выяснял я.

Джон Сян снова посмотрел на меня.

– Оливер, – мягко сказал он, – это Восток. Здесь у рабочих другие желания.

– В самом деле?

– Да.

– А вам не кажется, Джон, что даже здесь, в Азии, среднестатистический рабочий желает хотя бы заработать на еду?

Он не ответил.

– Ну, – продолжал я, – так вы согласны, что доллара восьмидесяти в день для этого недостаточно?

Похоже, мысленно он сделал из меня отбивную, используя все известные приемы каратэ.

– Здесь люди работают по-другому, – убежденно заявил он, – наши женщины не тратят часы, листая журналы в салонах красоты.

Похоже, именно так он представлял себе будни моей матери.

– К примеру, – добавил он, – девочка, которую вы видели. Вся ее семья работает здесь. А ее мать шьет и по вечерам.

– У себя дома?

– Да.

– А, – сказал я, – то, что называется «домашней работой», верно?

– Верно.

Я выждал секунду.

– Джонни, вы же заканчивали Школу бизнеса. Вы должны помнить, почему в Штатах такая работа считается незаконной.

Он улыбнулся:

– Вы не знаете законов Гонконга.

– Кончай ты, чертов лицемер!

Джон ударил по тормозам, машину занесло.

– Я не обязан терпеть оскорбления, – сказал он.

– Ты прав, – ответил я и открыл дверь. Но будь я проклят, если перед тем, как выйти, не заставлю его выслушать ответ. – Такая работа незаконна, – мягко произнес я, – «в силу того, что она позволяет платить меньше минимума, установленного профсоюзом. Те, кто согласен работать так, получают то, что им дает работодатель. Который, как правило, не дает ничего».

Джон Сян посмотрел на меня.

– Выступление закончено, господин Либерал? – поинтересовался он.

– Да.

– Тогда послушайте правду о жизни здесь. Здесь не вступают в профсоюзы, в силу того, что люди *хотят* делиться заработком, они хотят, чтобы их дети работали, *хотят* выполнять часть работы дома. *Врубаетесь?*

Я не ответил.

– И к вашему сведению, чертов адвокат, – заключил Джон, – в колонии Гонконг *не* существует зарплатного минимума. Так что катитесь вы в преисподнюю!

И сорвался с места прежде, чем я успел сообщить ему, что *уже* побывал там только что.

У любого поступка есть великое множество причин, и они гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Подразумевается, что зрелый индивидуум живет в соответствии с собственной внутренней логикой. То есть думает, прежде чем что-то сделать.

Наверное, те, кто так живет, никогда не слышали того, что рассказал мне доктор Лондон. Когда все уже было позади.

Дело в том, что еще великий Фрейд – да, сам Фрейд – однажды сказал, что люди, конечно же, должны руководствоваться рассудком. В малом. Но если речь идет о глобальных вещах, нужно слушать свое Бессознательное.

Марси Биннендейл стояла на высоте трех с половиной миль над гонконгской гаванью. На город опустились сумерки, и повсюду загорались огни.

Холодный ветер играл ее волосами. Раньше я так часто находил это красивым.

– Привет, друг мой, – позвала она, – взгляни вниз, на эти огни. Отсюда виден весь город.

Я промолчал.

– Показать тебе отсюда достопримечательности? – спросила Марси.

– Насмотрелся сегодня днем. С Джонни, – буркнул я.

– Ах, да, – сказала она.

Потом Марси поняла, что я не улыбаюсь ей в ответ. Я смотрел на нее снизу вверх, удивляясь, что мог почти... любить эту женщину.

– Что-то не так? – спросила она.

– Все.

– Например?

Я тихо ответил:

– На твоих фабриках в адских условиях работают маленькие дети.

Марси помедлила секунду:

– Не у меня одной.

– Марси, это не оправдание.

– Кто бы говорил, – холодно ответила Марси, – мистер Барретт, Массачусетская текстильная мануфактура!

Ее реплика меня не удивила.

– Это не довод, – сказал я.

– Еще какой! Они воспользовались ситуацией там, так же, как мы – здесь! – бросила Марси.

– С разницей в сто лет. Я не был там и не мог сказать, что меня это не устраивает, – спокойно произнес я.

– Ну ты и ханжа, – сказала она, – ты что, реально думаешь изменить этот мир?

– Послушай, Марси. Я не могу изменить его. Но точно знаю, что и присоединяться к произволу не хочу.

Она тряхнула головой:

– Оливер, вся эта либеральная чушь – всего лишь предлог.

Я смотрел на нее и не отвечал.

– Тебе хочется поставить точку. И тебе нужно хорошее оправдание.

Я не стал говорить, что мог бы, черт побери, найти оправдание и получше.

– Кончай уже с этим, – сказала она, – ты врешь сам себе. Даже если бы я пожертвовала все на благотворительность и поехала учительницей в Аппалачи, ты бы нашел другую причину.

Я обдумал это. Единственное, в чем я был сейчас уверен, – это что мне хочется уйти.

– Может быть, – допустил я.

– Тогда какого черта ты просто не скажешь, что я тебе не нравлюсь?

Ледяное спокойствие Марси Нэш таяло на глазах. Она не казалась расстроенной. Но не могла и вернуть до конца свое легендарное хладнокровие.

– Нет. Ты нравишься мне, Марси. Я просто жить с тобой не смогу, – спокойным голосом сказал я.

– Оливер, – тихо ответила она, – ты не сможешь жить ни с кем. Тебя до сих пор заклинило на Дженни, и ты не хочешь новых отношений.

Я не смог ответить. Она на самом деле ударила меня, вспомнив Дженни.

– Послушай, я ведь тебя знаю, – продолжала она. – Все эти твои глубокие переживания – просто красивый фасад. А на самом деле ты ищешь какое-нибудь приемлемое оправдание своего траура.

– Марси?

– Да?

– Ты действительно бессердечная сучка.

Я повернулся и начал спускаться.

– Подожди, Оливер.

Я обернулся.

Она стояла там же. И плакала. Очень тихо.

– Оливер... Ты мне нужен.

Я не ответил.

– И, мне кажется, я нужна тебе, – сказала она.

Где-то с мгновение я не знал, что делать.

Я смотрел на Марси. Я знал, насколько одинокой она сейчас себя чувствовала.

Но в этом-то и заключалась проблема.

Я был таким же одиноким.

Я повернулся и пошел вниз по Остин-Роуд. Не оглядываясь.

Опускалась ночь.

В которой мне хотелось утонуть.

– Ваше мнение, доктор?

– Думаю, лимонного безе.

Доктор Джоанна Стайн наклонилась над стойкой и взяла ломтик пирога. Пирог и два черешка сельдерея. Таким был завтрак несчастной Джо, которая уже успела признаться, что сидит на диете.

– Смотри – не объешься, – прокомментировал я.

– Ничего не могу с собой поделать. Обожаю хорошо поесть. Сельдерей – просто способ обмануть себя.

Этот разговор состоялся через две недели после моего возвращения из Гонконга. Поначалу я чувствовал только усталость, которая потом уступила место злости. А затем я вернулся к тому, с чего все началось, – к одиночеству.

Но одиночеству другого рода.

Два года назад все мои чувства заглушало горе. Сейчас же я знал: все, что мне нужно, – это чья-нибудь компания. Просто кто-нибудь понимающий рядом. И это мне было нужно прямо сейчас.

Единственное, что мешало мне позвонить Джоанне Стайн, – необходимость сочинить какую-нибудь чушь, чтобы объяснить свое исчезновение.

Но она не задавала вопросов.

Когда я позвонил, она просто была рада слышать меня. И я пригласил ее поужинать. Она предложила встретиться за завтраком прямо в больнице.

Она поцеловала меня в щеку. Я поцеловал ее в ответ. Мы поинтересовались друг у друга, как дела, в подробности не вдаваясь: у обоих была куча дел, мы оба были страшно заняты и все такое. Она спросила о моей практике, я рассказал анекдот о Спиро Агню^[78]. Она рассмеялась. Нам было легко друг с другом.

Потом я спросил, как поживает ее врачебная практика. Джоанна улыбнулась:

– Хвала небесам, в июне истекает мой срок стажировки здесь, в больнице.

– А дальше?

– На два года поеду в Сан-Франциско – медсестрой при клиническом госпитале. У меня, наконец, будет нормальная зарплата.

Я сразу прикинул: Сан-Франциско находится в нескольких тысячах миль отсюда. Не стоит упускать такой шанс!

– Калифорния – это здорово, – сказал я, чтобы выиграть время.

Эти выходные я планировал провести в Крэнстоне. Что, если предложить ей составить мне компанию? Просто так, по-дружески? Познакомить их с Филом. Может быть, что-то и получится.

И тут я наконец осознал, что Джоанна ответила на мою последнюю реплику:

– Тут не в Калифорнии дело, я еду туда с бойфрендом.

Ах ты! Бойфренд – это серьезный довод. Ну что ж, жизнь Джо продолжается без тебя, Оливер. Или ты думал, она будет тебя дожидаться вечно?

Интересно, на моем лице было написано все, что я думал в тот момент?

– Рад за тебя. Он тоже врач? – произнес я.

– Естественно, – улыбнулась она. – Кого еще я могла встретить на этой работе?

– И тоже занимается музыкой? – не отставал я.

– Еле-еле справляется с гобоем.

Зато прекрасно справляется с тобой, Джо...

Все, Оливер, хватит ревнивых расспросов. Покажи ей уже наконец, что жизнь прекрасна, и смени тему.

– Как поживает Его Величество Луис? – улыбнулся я через силу.

– Все так же помешан на всем, что связано с музыкой, – ответила Джоанна. – Кстати, все передают тебе привет. Ты бы зашел как-нибудь в воскресенье...

Вот уж нет – зачем мне сталкиваться с ее парнем.

– Здорово. Загляну как-нибудь, – соврал я.

Мы снова замолчали, и я допил кофе за это время.

– Оливер... я могу сказать тебе кое-что... личное? – таинственно прошептала Джоанна.

– Конечно, Джо, – ответил я.

– Мне очень стыдно, но... ты не мог бы взять еще кусочек пирога?.. – потупила она взгляд.

Я, как галантный кавалер, добыл ей еще порцию пирога – сказал, что беру себе. В глазах доктора Джоанны Стайн отразилась бесконечная благодарность.

Настало время расходиться.

– Удачи в Сан-Франциско, Джо, – пожелал я на прощание.

– Не пропадай, пожалуйста.

– Не пропаду, – подмигнул я.

И медленно побрел к своему офису.

Через три недели в моей жизни наступил переломный момент.

Отец давно грозился, и вот, наконец, это произошло: ему стукнуло шестьдесят пять. Празднование прошло в офисе «Барретт, Уорд и Сеймур».

Из-за сильного снегопада мой автобус угодил в жуткую пробку, и в результате я опоздал на целый час. К тому времени, когда я добрался, большинство гостей уже успело основательно приложиться к спиртному. Вокруг меня колыхалось море серого твида. Каждый рассказывал, какой мой отец замечательный человек. Видимо, скоро они дойдут до такой кондиции, что начнут об этом петь.

Я вел себя прилично: беседовал с партнерами отца и с их родственниками. Сначала мы поговорили со стариком Уордом. Это было дружелюбное ископаемое, приехавшее со своими будущими ископаемыми – детьми. Потом мы перекинулись парой словечек с четой Сеймур. Еще недавно они были вполне жизнерадостной парой, но теперь говорили лишь об одном – Эверетт, их единственный сын, служил пилотом во Вьетнаме. Тема, согласитесь, не самая веселая.

Мама стояла рядом с отцом, принимая гонцов с дальних флангов предприятия Барреттов. Я даже познакомился с представителем профсоюза текстильщиков.

Выделить его в толпе старичков-миллионеров оказалось проще простого: этот мужчина по имени Джейми Фрэнсис был единственным, чей костюм явно не претендовал на лавры вещи от «Brooks» или «J. Press».

– Жаль, что ты так задержался, – сказал Джейми, – я так хотел, чтобы ты послушал мою речь. Смотри – все члены правления уже собрались.

Он показал на стол. Стоящие на нем золотые часы фирмы «Eternamatic» показывали 6.15.

– Твой отец – прекрасный человек. Ты должен гордиться им, – продолжал он. – Я сижу с ним за одним столом уже почти тридцать лет и могу сказать тебе, что он лучший в своем деле.

Я кивнул. Похоже, Джейми собирался прокрутить для меня повтор своего выступления.

– Ты не представляешь, что творилось в пятидесятые: собственники разбегались, как крысы, а предприятия переводили в южные штаты. На то, что будет с рабочими, им было начхать.

Это не преувеличение. Бывшие промышленные центры Новой Англии теперь превратились практически в города-призраки.

– А твой отец собрал нас на совещание и объявил: «Мы остаемся. Теперь помогите нам выдержать конкуренцию».

– И что было дальше? – сказал я, как будто Джейми ждал моего сигнала, чтобы продолжить.

– Нам нужно было новое оборудование, но ни один чертов банк не решился дать нам ссуду! – Выпалив это, он перевел дыхание. – Тогда мистер Барретт рискнул собственными деньгами. Он вложил свои триста миллионов долларов, чтобы спасти наши рабочие места.

Надо же – папа никогда об этом не рассказывал. То есть я никогда и не спрашивал.

– Конечно, ему сейчас нелегко приходится, – сказал Джейми.

– Почему?

Он посмотрел на меня и произнес всего два слога:

– Гонконг.

Я кивнул.

Джейми продолжил:

– И Тайвань. А теперь к ним присоединилась и Южная Корея. Вот же дьявол!

– Да, мистер Фрэнсис. Мало кто сейчас играет по правилам.

И я знал, что говорю.

– В более непринужденной обстановке я бы это назвал совсем другими словами! – воскликнул Джейми. – Он правда прекрасный человек, Оливер. Уж точно не такая сволочь – прости, – как другие Барретты.

– Да, – сказал я.

– Честно говоря, – добавил Джейми, – мне кажется, именно поэтому он так старается быть справедливым с нами.

В тот день я разглядел в собственном отце совершенно другого человека – он оказался единственным, кто разделял со мною то чувство, которое я раньше никогда в нем не замечал.

Но, в отличие от *меня*, папа гораздо больше делал, чем говорил.

Справедливость восторжествовала в ноябре.

После нескольких неудачных сезонов сборная Гарварда разгромила команду Йеля: четырнадцать – двенадцать. Решающую роль сыграла наша превосходная линия защиты, которая не дала Эли пробиться к воротам, и, наверное, какие-то высшие силы, которые послали могучие ветра, дабы воспрепятствовать игре Масси. Все сидящие на трибуне фанаты Гарвардской сборной не скрывали счастливых улыбок.

– Игра была прекрасная, – радовался отец по дороге в Бостон.

– Не просто прекрасная – потрясающая! – ответил я.

Я точно повзрослел – теперь я переживал за Гарвард *всерьез*.

Впрочем, это не имело значения. Главное, что Гарвард победил.

Отец припарковал машину у офиса на Стейт-Стрит.

Мы направились к ресторану, чтобы, как обычно, заказать лобстера и обменяться дежурными фразами светской беседы.

Папа шагал бодро, как, впрочем, и всегда. Несмотря на возраст, пять дней в неделю он занимался греблей на Чарльзе и был в прекрасной форме.

За столом мы говорили только о футболе. Отец никогда не спрашивал (думаю, и не собирался), чем кончилась история с Марси. И вряд ли он стал бы затрагивать наши прочие «запретные темы».

Так что пришлось взять огонь на себя.

Когда мы проходили мимо «Барретт, Уорд и Сеймур», я начал:

– Отец?

– Да?

– Я хотел бы поговорить с тобой о... компании.

Отцу стоило огромных усилий не улыбнуться: спортсмены вроде него не расслабляются, пока не пересекут финишную черту.

Нет, это не было моим очередным внезапным порывом. Несмотря на это, я никогда не рассказывал отцу, какими сложными путями пришел к решению влиться в компанию. И не говорил, сколько времени мне потребовалось на это.

В отличие от всех моих остальных решений, это я обдумывал каждый день (и каждую ночь) с того судьбоносного папиного юбилея, который состоялся больше полугода назад.

Во-первых, я решил так потому, что что-то сломалось в моей любви к Нью-Йорку.

Это не тот город, который может вылечить от одиночества. А больше всего мне нужна была именно компания. Место значения не имело.

Наверное, дело даже не в том, что я посмотрел на свою семью другими глазами. Скорее, мне просто хотелось домой.

Я перепробовал так много разного, лишь бы не быть тем, кто я есть.

А я Оливер Барретт. Четвертый. И это никуда не денешь.

1976 год, декабрь

Я уже пять лет живу в Бостоне. Мы работали вместе с отцом, пока тот не ушел в отставку. Первое время, признаюсь, я и правда скучал по адвокатской практике. Но чем больше я работал в «Барретт, Уорд и Сеймур», тем больше осознавал, что то, чем мы с ними занимаемся, тоже имеет колоссальное значение: мы ведь поддерживаем компании на плаву, а значит, обеспечиваем рабочие места. И я очень этим горжусь.

Кстати, об условиях работы: на всех наших предприятиях в Фол Ривер они практически идеальны. Единственное, в чем рабочих преследуют неудачи, – футбол.

Дело в том, что каждое лето на нашем традиционном пикнике рядовые работники играют с командой правления в софтбол^[79]. Так вот, с момента моего вступления в должность победам рабочего класса на этом фронте пришел конец. Думаю, они всей душой ждут, когда я уйду на покой.

Газета «Wall Street Journal» не упоминает всех финансируемых нами предприятий. Ничего не пишут, например, о «Булочной Филадельфии»... в Форт-Лодердейл. В какой-то момент холодные и унылые зимы в Крэнстоне осточертели Филу, и он с радостью изменил им с вечным летом во Флориде.

Каждый месяц он мне звонит, и я расспрашиваю его, чем он занят, памятуя, что в тех местах полно красивых женщин. Но хитрец уходит от ответа, ограничиваясь лишь неизменным: «Поживем – увидим». И быстро переводит разговор уже на то, чем занят я.

А уж мне, поверьте, есть чем заняться в свободное время. Я живу на Бикон Хилл, который буквально кишит новоиспеченными выпускниками, и потому найти там новых друзей – раз плюнуть. Причем не только бизнесменов: у меня часто бывают джазовый пианист Стенли Ньюман и почти-что-великий художник по имени Джанни Барнеа.

Разумеется, я не теряю связей со старыми друзьями. У Симпсонов родился маленький сын, и Гвен уже ждет второго ребенка. Они останавливаются у меня, когда в Бостоне какой-нибудь футбольный матч и тому подобное. Квартирка у меня просторная.

Стив рассказывал, что Джоанна Стайн вышла замуж за Мартина Яффе. Как я понимаю, последний работает офтальмологом, а в свободное время играет на гобое. Они живут где-то на побережье.

Недавно мне попала на глаза заметка в «Таймс», посвященная свадьбе Марси Биннендейл. Того, за кого она вышла, зовут Престон Элдер. Ему тридцать семь, живет в Вашингтоне и работает адвокатом.

Когда-нибудь эта свадебная эпидемия, в конце концов, затронет и меня. В последнее время я часто стал встречаться с моей дальней родственницей по имени Анни Гилберт. Насколько это серьезно, пока не скажу.

Спасибо всем хоккейным болельщикам, проголосовавшим за меня, – теперь я возглавляю команду Гарварда. Прекрасный повод заезжать в Кембридж и притворяться тем, кем я уже не являюсь. Надо сказать, что студенты стали выглядеть намного моложе и немного моднее. Хотя кто я такой, чтобы судить об этом – мне-то по дресс-коду предписано носить галстук.

Итак, моя жизнь прекрасна, а распорядок дня насыщен до предела. Я получаю массу удовольствия от своей работы. Да, как истинный Барретт, я просто наслаждаюсь ответственностью.

Кстати, я до сих пор в отличной форме и каждый вечер бегаю вдоль русла реки Чарльз. Если пробежать пять миль по набережной, на другом берегу открываются огни Гарварда. И я смотрю туда, где когда-то был счастлив. А потом поворачиваю обратно, в темноту, и, чтобы убить время, вспоминаю о тех днях.

Иногда я спрашиваю себя, что было бы со мной, если бы Дженни была жива.

И сам себе отвечаю: «Я тоже был бы жив».

Примечания

1

«Шерри-Леманн» (*англ.* Sherry-Lehmann Wine & Spirits) – известный магазин алкогольной продукции в Нью-Йорке. (*здесь и далее прим. перев.*)

2

Саймон и Гарфанкел (*англ.* Simon and Garfunkel) – самый успешный дуэт 1960-х, состоявший из американских музыкантов Пола Саймона и Артура Гарфанкела. В их записях смешались элементы трех стилей: гармоничные вокальные партии в стиле церковного хора (госпел), использование электрогитар (рок), звонкая акустика и лирико-философские тексты (фолк).

3

Жан-Батист Люлли (*фр.* Jean-Baptiste Lully, 1632–1687 гг.) – французский композитор, скрипач, танцор, дирижер и педагог итальянского происхождения; создатель французской национальной оперы. Крупнейшая фигура музыкальной жизни Франции при Людовике XIV.

4

Клаудио (Джованни Антонио) Монтеверди (*итал.* Cláudio (Giovánni António) Montevérdi; 1567–1643 гг.) – итальянский композитор. Творчество Монтеверди, во многом новаторское, в истории музыки знаменует переход от эпохи Возрождения к эпохе барокко.

«Нью-Йорк Рэнджерс» (*англ.* New York Rangers) – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Атлантическом дивизионе Восточной конференции Национальной хоккейной лиги (НХЛ). Базируется в Манхэттене, город Нью-Йорк (Нью-Йорк, США). Играет домашние игры на Madison Square Garden, является одной из старейших команд лиги.

6

«Бостон Брюинз» (*англ.* Boston Bruins) – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге. Базируется в городе Бостон, Массачусетс, США.

Бранденбургские концерты (BWV 1046–1051) Иоганна Себастьяна Баха – цикл из 6 концертов, преподнесенных Бахом в качестве подарка маркграфу Бранденбург-Шведта Кристиану Людвигу Бранденбург-Шведскому в 1721 г., но, скорее всего, сочиненных ранее.

8

Леонард Бернстайн (*англ.* Leonard Bernstein; 1918–1990) – американский композитор, пианист и дирижер. Дважды записывал полные циклы симфоний Бетховена.

9

Итал. «тихо» (нотное указание).

10

Барретт-Холл – одно из зданий на территории Гарварда, построенное в 1859–1860 гг. архитектором Чарльзом Е. Парксом на пожертвования Бенджамина Бартона из Нортхэмптона и названное в честь последнего.

11

«Кримсон» (*англ.* Crimson) – студенческая газета, которая выпускается в Гарварде.

12

Боб Хейс (*англ.* Robert Lee «Bullet Bob» Hayes, 1942–2002 гг.) – олимпийский чемпион, спринтер. Позже переквалифицировался в принимающего игрока в Национальной футбольной лиге, играл за команду «Dallas Cowboys».

Джеймс Кливленд «Джесси» Оуэнс (*англ.* James Cleveland «Jesse» Owens, 1913–1980 гг.) – американский легкоатлет (бег, прыжки в длину), четырехкратный чемпион Олимпийских игр 1936 года.

Стэнли Ковальски (*англ.* Stanley Kowalski) – персонаж пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание». В экранизации пьесы роль Ковальски сыграл Марлон Брандо. По роли Стэнли – работяга, мало заботящийся о своем внешнем виде.

15

Фетучини (*итал. fettuccine*) – итальянское блюдо, паста с соусом из жирных сливок, грибами и сушеным базиликом.

16

Magnum opus (*лат.* opus magnum, *лат.* великая работа) – лучшая, наиболее амбициозная работа писателя, художника или композитора.

Burger King Corporation – американская компания, владелец сети ресторанов быстрого питания Burger King. Штаб-квартира находится в Майами, штат Флорида.

Четвертая поправка к Конституции США является частью Билля о правах. Как и другие поправки, составляющие Билль о правах, она была внесена в Конгресс 5 сентября 1789 года и ратифицирована необходимым количеством штатов 15 декабря 1791 года. Текст: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или заверением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту...»

19

Первая поправка к Конституции США является частью Билля о правах. Она гарантирует, что Конгресс США не будет:

поддерживать какую-либо религию, либо утверждать государственную религию;

запрещать свободное вероисповедание;

посягать на свободу слова;

посягать на свободу прессы;

ограничивать свободу собраний;

ограничивать право народа обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб.

Де-Мойн (*англ.* Des Moines, от *фр.* Des Moines – «город монахов») – город в США в центральной части штата Айова, у впадения Енотовой реки в реку Де-Мойн. Де-Мойн является одним из центров страхового бизнеса на Среднем Западе.

Джимми Хендрикс (*англ.* James Marshall Hendrix, 1942–1970 гг.) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор. В 2009 году журнал Time назвал Хендрикса величайшим гитаристом всех времен. Признан одним из самых смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.

Вудстокская ярмарка музыки и искусств (*англ.* Woodstock Music & Art Fair – один из знаменитейших рок-фестивалей, прошедший с 15 по 18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел (штат Нью-Йорк, США).

Скорее всего, образ этой сети универмагов был вдохновлен реально существующей сетью элитных магазинов «Блумингдэйлс», основанной в 1861 году. В настоящий момент сетью владеет корпорация Масы's.

Брин-Мор-колледж (*англ.* Bryn Mawr College) – частный женский гуманитарный университет в г. Брин-Мор, Пенсильвания, США. Основан в 1885 году. Входит в ассоциацию семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США.

Porsche 911 (*нем.* Neunelfer) – спортивный легковой автомобиль производства немецкой компании Porsche AG, в кузове двухдверное купе или кабриолет на его основе, в разных поколениях производящийся с 1964 года.

Сэр Джон Янг Стюарт (*англ.* Sir John Young Stewart) – шотландский автогонщик, трехкратный чемпион мира по автогонкам в классе «Формула-1».

Сесар Эстрада Чавес – известный американский правозащитник, борец за социальные права трудящихся и мигрантов, национальный герой Соединенных Штатов Америки, сторонник веганства.

Хартфорд (*англ.* Hartford) – город на северо-востоке США, столица штата Коннектикут. Город расположен в округе Хартфорд на берегу реки Коннектикут. Является вторым по величине в штате после Бриджпорта. Важную роль в городской экономике играют страховое дело, здравоохранение и образование.

Джонас Солк (*англ.* Jonas Edward Salk; 1914–1995) – американский исследователь и вирусолог. Известен как разработчик первой вакцины против полиомиелита.

Джоан Чендос Базз (*англ.* Joan Chandos Baez; 1941) – американская певица и автор песен, исполняющая музыку преимущественно в стилях фолк и кантри, левая политическая активистка.

День независимости США (*англ.* Independence Day) – день подписания Декларации независимости США в 1776 году, которая провозглашает независимость США от Королевства Великобритании; празднуется в Соединенных Штатах Америки 4 июля. День независимости считается днем рождения Соединенных Штатов как свободной и независимой страны. Большинство американцев называют этот праздник просто по его дате – «Четвертое июля».

Джонни Карсон (*англ.* John William «Johnny» Carson) – американский журналист, телеведущий и режиссер; род. 1925 г. в Корнинге, штат Айова, «наибольшую известность приобрел в качестве многолетнего ведущего телепрограммы „Tonight Show“ на канале NBC».

Герберт Маршалл Маклюэн (*англ.* Herbert Marshall McLuhan, 1911–1980) – канадский философ, филолог, литературный критик, эколог средств коммуникации и теоретик воздействия артефактов как средств коммуникации.

Рэдклифф (*англ.* Radcliffe College) – гуманитарный колледж в Кэмбридже, штат Массачусетс, входящий в комплекс учреждений при Гарвардском институте. Этот колледж в первой части книги («История любви») окончила Дженнифер Кавильери.

Серен Обю Къёркегор (дат. Søren Aabye Kierkegaard 1813–1855) – датский философ, протестантский теолог и писатель. Критиковал выхолащивание христианской жизни, стремление жить благополучно и удобно и при этом считать себя христианином.

36

WQXR-FM (105.9 МГц) – американская радиостанция, транслирующая классическую музыку.

Линдон Бэйнс Джонсон (*англ.* Lyndon Baines Johnson, 1908–1973 гг.) – 36-й президент США. (1963–1969 гг.)

Ричард Милхауз Никсон (*англ.* Richard Milhous Nixon, 1913–1994 гг.) – 37-й президент Соединенных Штатов Америки (1969–1974), 36-й вице-президент США (1953–1961). Первый и на данный момент единственный президент США, ушедший в отставку до окончания срока.

Бенджамин Маклейн Спок (*англ.* Benjamin McLane Spock, 1903–1998) – известный американский педиатр, чья культовая книга «Ребенок и уход за ним» (1946) является одним из крупнейших бестселлеров в истории США.

Джеймс Эрл Рей (*англ.* James Earl Ray; 1928–1998) – американец, осужденный за убийство американского борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга мл. Был приговорен судом к 99 годам заключения. Умер в тюрьме в 1998 году.

Несчастный случай в Чаппакуиддике – авария, случившаяся 18 июля 1969 года на острове Чаппакуиддик (штат Массачусетс), когда автомобиль сенатора США Эдварда М. «Тэда» Кеннеди пробил ограждение моста и рухнул в реку. Сенатор выжил, а его пассажирка по имени Мэри Джо Копечн погибла. Дело вызвало большой общественный резонанс.

«Грин-Бэй Пэкерс» (*англ.* Green Bay Packers) – профессиональный футбольный клуб, из города Грин-Бей, штат Висконсин. Команда выступает в Северном дивизионе Национальной футбольной конференции Национальной футбольной лиги.

Спиро Теодор Агню (*англ.* Spiro Agnew, урожденный Спирос Анагностопулос, 1918–1996 гг.) – вице-президент США (1969–1973), в администрации Ричарда Никсона. 1967–1969 гг. – губернатор Мэриленда. Отличался крайне консервативными взглядами, резко выступал против движений за права афроамериканцев и против войны во Вьетнаме.

Жаклин Ли «Джеки» Бувье Кеннеди Онассис (по первому браку Кеннеди, по второму Онассис; 1929–1994 гг., широко известная как Джеки) – первая леди США (1961–1963 гг.). Одна из самых популярных женщин своего времени, законодательница моды, красоты и изящества в Америке и Европе, героиня светской хроники.

Говард Уильям Коузелл (Howard William Cosell; 1918–1995 гг.) – выдающийся американский спортивный комментатор, чьи репортажи отличались от общепринятого стандарта – он часто делился со зрителями собственными впечатлениями и мыслями.

Генри Альфред Киссинджер (*англ.* Henry Alfred Kissinger, р. 27 мая 1923 г.) – американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений. Советник по национальной безопасности США (1969–1975 гг.) и Государственный секретарь США (1973–1977 гг.).

Аэропорт Ла Гуардия (*англ.* La Guardia Airport) – аэропорт, расположенный в северной части Куинса в Нью-Йорке на берегу залива Флашинг. Назван так в честь мэра Нью-Йорка Фиорелло Ла Гуардия.

Уолтер Керр (*англ.* Walter Francis Kerr; 1913–1996 гг.) – известный американский драматург и театральный критик, а также писатель, автор текстов песен и режиссер театральных постановок на Бродвее. Написал несколько трудов по драматургии и кинематографическому искусству.

Норман Кингсли Мейлер (*англ.* Norman Kingsley Mailer, 1923–2007 гг.) – американский писатель, журналист, драматург, сценарист, кинорежиссер.

Школа Брирли (*англ.* The Brearley School) – частная школа для девочек в Верхнем Ист-Сайде, г. Нью-Йорк.

Кубок Стэнли (*англ.* Stanley Cup) – хоккейный приз, ежегодно вручаемый победителю серии плей-офф Национальной хоккейной лиги.

Кубок Дэвиса (*англ.* Davis Cup) – награда, вручаемая команде-победителю крупнейших международных командных соревнований в мужском теннисе. Проводятся ежегодно с 1900 года, с 1979 года – под эгидой Международной федерации тенниса.

Фил Энтони Эспозито (*англ.* Philip Anthony Esposito; 1942 г.) – профессиональный канадский хоккеист, центральный нападающий, участник суперсерии СССР – Канада (1972), член Зала хоккейной славы (1984).

Дерек Майкл Сандерсон (*англ.* Derek Michael Sanderson, прозвище «Turk», 1946 г.) – профессиональный канадский хоккеист, центральный нападающий. В настоящее время занимается консультированием спортсменов по финансовым вопросам.

Уильям Фелтон «Билл» Расселл (*англ.* William Felton «Bill» Russell, 1934 г.) – американский профессиональный баскетболист. Пять раз признавался самым ценным игроком НБА и 12 раз принимал участие в матчах всех звезд.

Нью-Йорк Янкиз (*англ.* New York Yankees) – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в одном из пяти районов города Нью-Йорка Бронксе. Команда выступает в Восточном дивизионе Американской лиги (АЛ) Главной лиги бейсбола (МЛБ).

Джерси Рагби Футбол Клуб (*англ.* Jersey Rugby Football Club) – регбийный клуб с одноименного острова, выступающий во второй по значимости английской лиге, Чемпионшипе. Команда разыгрывает ежегодный Сиамский кубок с другой командой Нормандских островов, «Гернси».

Мини-эскалопы (*итал.*).

Уильям (Билли) Франклин Грэм (*англ.* William Franklin Graham; 1918 г.) – американский религиозный и общественный деятель, служитель баптистской церкви. Член самого крупного баптистского объединения в мире Южной Баптистской Конвенции.

Йиппи (*англ.* Yippies от аббревиатуры YIP – *англ.* Youth International Party – «Международная молодежная партия») – леворадикальное контркультурное движение-партия, основанное американскими активистами Джерри Рубином, Эбби Хоффманом и Полом Краснером в 1967 г.

«Синоптики» (*англ.* Weather Underground Organization или Weathermen) – леворадикальная боевая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 г. Была сформирована из радикального крыла движения Студентов за демократическое общество (SDS), выступавшего против войны во Вьетнаме.

Эбби Хоффман (*англ.* Abbot Howard «Abbie» Hoffman; 1936–1989 гг.) – американский левый активист, основатель международной партии молодежи (Йиппи).

Нью-Хейвен (*англ.* New Haven) – город в одноименном округе штата Коннектикут, на берегу пролива Лонг-Айленд. Там расположен Йельский университет, а также стадион, на котором тренируется университетская сборная.

Солджер Филд (*англ.* Soldier Field) – футбольный стадион в районе Нир Сайт Сайд (*англ.* Near South Side) города Чикаго, шт. Иллинойс. Стадион был построен в 1924 г. и является старейшим стадионом Национальной футбольной лиги.

Перевод И. Рапопорта.

Мост Мориса Дж. Тобина (*англ.* Maurice J. Tobin Memorial Bridge), изначально названный и иногда и поныне называемый Мистик Ривер Бридж (*англ.* Mystic River Bridge) – однопролетный мост длиной более 3 км через реку Мистик Ривер (Mystic River), соединяющий Чарльстаун и Челси.

Санкт-Мориц (*нем.* St. Moritz) – коммуна в Швейцарии, курорт, находится в кантоне Граубюнден на берегу одноименного озера.

«Брукс Бразерс» (*англ.*) является одной из старейших марок мужской одежды в США. Основанная в 1818 году как семейный бизнес, в настоящее время эта частная компания принадлежит корпорации Retail Brand Alliance со штаб-квартирой на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке.

Нанкинский договор – договор, заключенный 29 августа 1842 года между Китаем (Цинской империей) и Великобританией в результате поражения Китая в Первой опиумной войне (1840–1842 гг.). Условия договора были крайне унижительными для Китая.

Микадо (*яп.* «высокие ворота») – древнейший, теперь уже неупотребительный титул для обозначения светского верховного повелителя Японии, в настоящее время называемого тэнно (сын неба). Термин означал не только самого монарха, но его дом, двор и даже государство.

Фэрбенкс (*англ.* Fairbanks) – город в центре Аляски, административный центр боро Фэрбанк-Норт-Стар.

Свинг (*англ.* swing) – групповой секс с участием двух или более устойчивых пар с обменом партнерами. Приверженцы свинга называют себя свингерами.

Пик Виктория (*англ.* Victoria Peak) – высочайшая точка острова Гонконг. Гора находится в западной части острова, свое название получила в честь королевы Виктории. Также известно название Маунт-Остин.

Отсылка к роману «Любовь – самая великолепная вещь на свете» (*англ. A Many-Splendoured Thing*) китайской писательницы Хан Суин (*англ. Han Suyin*).

Монастырь Десяти тысяч Будд – буддистский монастырь, расположенный в районе Ша Тин в Гонконге. На данный момент не является действующим монастырем, и в нем не проживают на постоянной основе буддистские монахи.

Бой с тенью – элемент тренировочного процесса в боевых (ударных) единоборствах, направленный на изучение и усвоение технических элементов (ударов, защит) без реального партнера.

Димсам, или дяньсинь – легкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают к столу вместе с чашкой китайского чая сорта пуэр, как правило, до обеда.

Спиро Теодор Агню (*англ.* Spiro Agnew, урожденный Спирос Анагностопулос, *англ.* Spiros Anagnostopoulos, 1918–1996 гг.) – вице-президент США (1969–1973 гг.) в администрации Ричарда Никсона.

Софтбол (*англ.* softball) – спортивная командная игра с мячом, аналог бейсбола. Мяч для софтбола напоминает по размерам грейпфрут, он более мягкий, чем бейсбольный мяч, и имеет более низкую скорость в полете. В софтбол играют как мужчины, так и женщины.

Table of Contents

[Эрик Сигал История Оливера](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

33

34

35

36

37

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

[32](#)

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[45](#)

[46](#)

[47](#)

[48](#)

[49](#)

[50](#)

[51](#)

[52](#)

[53](#)

[54](#)

[55](#)

[56](#)

[57](#)

[58](#)

[59](#)

[60](#)

[61](#)

[62](#)

[63](#)

[64](#)

[65](#)

[66](#)

[67](#)

[68](#)

[69](#)

[70](#)

[71](#)

[72](#)

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)

[78](#)

[79](#)

